

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

ФОРС-МАЖОРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Верхолин

Форс-мажорное воспитание

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Форс-мажорное воспитание / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Школа, где буллинг — не подростковая шалость, а бизнес-модель. Золотые медали продаются ещё до экзаменов. Долги по подпольным займам выбивают коллекторы — из родителей. Учителей увольняют за попытку защитить ребёнка. А психостимуляторы для «гениев» поставяет сеть, которую прикрывает самый влиятельный человек в городе. Система работает десятилетиями. Дети — расходный материал. Взрослые — либо соучастники, либо жертвы. Абсолютной безнаказанности учит не улица — учит школа. И когда никто уже не ждёт правды, в этот город приходит федеральный инспектор Ростова. Не для того, чтобы провести «воспитательную беседу». Она приходит, чтобы вскрыть гнойник. Её методы жестки, её цели — не наказать, а остановить. «Форс-мажорное воспитание» — роман о школьной преступности, где главное оружие — не кулак, а доступ к чужому телефону, поддельный аттестат и подписанный учителем акт о «неудачной шалости». Это не книга о сложных подростках. Это книга о взрослых, которые сделали детей товаром.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещины в идеальной системе	5
Глава 2. Стая и овчарка	44
Глава 3. Цифровая ведьма	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Форс-мажорное воспитание

Глава 1. Трещины в идеальной системе

В тот декабрьский понедельник лицей пах мандаринами, мокрой шерстью и дешёвым искусственным снегом из баллончиков. У центрального входа толпились ученики, стряхивая с плеч мокрые хлопья, налипшие по дороге от остановки. Стеклопакеты то и дело разезжались, впуская внутрь порции морозного воздуха, и тогда бумажные снежинки, подвешенные под потолком на прозрачной леске, начинали медленно вращаться. Некоторые были вырезаны ровно, почти машинно. Другие — кривые, с надорванными лучами и следами карандаша. Их делали младшие классы, и теперь они висели над головами старшеклассников, будто всё ещё верили, что школа — это место, где достаточно хорошо выучить урок, поднять руку и получить заслуженную пятёрку.

Илья Морозов задержался у турникета. Впереди женщина в длинном пуховике никак не могла найти пропуск сына. Она торопливо выворачивала карманы, прижимая локтем большую коробку с праздничным тортом. Коробка съезжала, мальчик в круглых очках пытался её придержать, охранник постукивал пальцами по столу и смотрел вверх них в коридор, где уже выстраивались классы.

— Мам, я сам, — шептал мальчик, краснея. — Мам, ну не надо.

— Что «не надо»? Я тебе говорила положить карту отдельно.

— Вы проходите быстрее, пожалуйста, — сказал охранник. Он произнёс это негромко, но таким тоном, будто именно эта женщина задерживала работу всего учебного заведения.

Илья вытащил карточку из внутреннего кармана куртки, провёл ею по считывателю и услышал короткий электронный писк. Турникет раскрылся. В то же мгновение кто-то сзади толкнул его плечом.

— Не спи, Мороз.

Роман прошёл рядом, не предъявляя карточки. Охранник только дёрнул подбородком в знак приветствия. Роман был выше большинства десятиклассников, широкоплечий, коротко стриженный, с тяжёлой походкой человека, привыкшего не обходить стоящих на пути, а заставлять их расступаться. На нём была форменная синяя рубашка, но верхние пуговицы остались расстёгнутыми, галстук торчал из кармана брюк.

За ним вошёл Тима Гусев. Он никого не толкал. Ему это было не нужно. Охранник сразу выпрямился и убрал со стола бумажный стаканчик с кофе.

— Доброе утро, Тимур Андреевич.

Тима чуть заметно кивнул. Не улыбнулся, не ответил, даже не посмотрел на охранника. Просто прошёл через открытый турникет, придерживая в руке телефон. На экране мелькнуло его собственное отражение — гладко уложенные волосы, спокойный взгляд, воротник белой рубашки. Поверх формы он носил тёмное пальто, которое сидело на нём слишком хорошо для вещи, купленной в обычном магазине. Снег на плечах пальто почти не таял, скатываясь мелкими прозрачными шариками.

Роман двинулся следом. Илья остался между ними и женщиной с тортом, продолжавшей спорить с охранником. На секунду ему показалось, что лучше задержаться здесь, помочь придержать коробку, сделать вид, будто он забыл сменную обувь, вернуться домой — что угодно, лишь бы не идти в актовЫй зал вместе со всеми. Но поток учеников уже подхватил его.

Куртки сдавали в гардероб торопливо, через чужие плечи. Номерки падали на пол. Кто-то смеялся, кто-то ругался из-за пропавшего шарфа. Гардеробщица тётя Валя, маленькая женщина с красными от холода руками, успевала принимать одежду, выдавать номерки и повторять одну и ту же фразу: «Не наваливайте всё кучей. Я вам не экскаватор».

Рядом две девочки из восьмого класса фотографировались на фоне ёлки. Одна вытягивала губы, другая поправляла волосы и просила переснять, потому что в кадр попал пожарный щит. Ёлка стояла посреди вестибюля, высокая, искусственная, украшенная серебряными шарами и синими лентами с названием лица. На верхушке вместо звезды сиял пластиковый герб школы. Под нижними ветками разместили коробки, завёрнутые в блестящую бумагу. Илья знал, что внутри ничего нет. В пятницу он видел, как завхоз складывал туда старые учебники и мятые газеты, чтобы подарки выглядели убедительнее. Из динамиков под потолком играла бодрая новогодняя песня. Музыка была слишком громкой. Она накладывалась на звон голов, стук каблучков, скрип мокрых подошв и команды дежурных учителей. От этого всё происходящее казалось не настоящим школьным утром, а репетицией рекламного ролика о счастливых детях, которых зачем-то согнали в одно здание.

— Морозов!

Илья обернулся. Классная руководительница, Наталья Сергеевна, стояла у лестницы и прижимала к груди папку с грамотами. На ней было тёмно-зелёное платье, которое она надевала на все торжественные мероприятия. Илья помнил его ещё с седьмого класса. Каждый год платье становилось немного теснее в плечах, но Наталья Сергеевна продолжала застёгивать его до самого горла.

— Ты почему не в зале? — спросила она, не отрываясь от пуговиц на его рубашке.

— Я только пришёл, — буркнул Илья, отворачиваясь.

— Все только пришли. Но другие уже стоят. — Она жёстко поправила его воротник. — Быстро к классу. И поправь рубашку.

Илья машинально провёл ладонью по поясу. Край рубашки действительно выбился из брюк.

— И где значок лица? — Её взгляд цепко скользнул к его груди.

Он опустил глаза на пустую ткань над нагрудным карманом.

— Потерял.

— Вы его получили неделю назад! — В её голосе зазвенело раздражение.

— Значит, неделю назад и потерял, — тихо, но с вызовом отчеканил Илья.

Наталья Сергеевна поджала губы. На мгновение в её глазах возникло привычное учительское возмущение, но тут из коридора показался директор Карпов, и выражение её лица сразу изменилось. Спина выпрямилась, папка с грамотами прижалась плотнее к груди.

— Александр Викторович, всё готово, — сказала она.

Карпов остановился рядом. Он был невысоким, аккуратным, с гладко выбритым лицом и небольшим серебряным значком на лацкане пиджака. Пиджак сидел безупречно. Галстук был завязан ровным узлом. Даже волосы лежали так, будто директор поправлял их перед каждым выходом в коридор. Карпов посмотрел на Илью. Не на рубашку, не на отсутствующий значок — прямо в глаза.

— У нас сегодня гости, Морозов, — произнёс он.

— Я знаю, — тихо ответил Илья.

— Тогда води себя соответственно.

Он произнёс это спокойно, без угрозы. Но Илья почувствовал, как плечи сами собой напряглись.

Гости означали родителей из попечительского совета, представителей администрации города, местное телевидение и людей, которых ученикам представляли как партнёров лица. У большинства этих партнёров дети учились здесь же, получали лучшие роли на праздниках, места в олимпиадных командах и грамоты, даже когда едва набирали проходной балл.

— Идите, Наталья Сергеевна, — сказал Карпов. — Начинаем через пять минут.

Учительница поспешила к актовому залу. Карпов задержался ещё на секунду. Его взгляд скользнул по Илье, затем переместился куда-то за его спину. Директор сразу улыбнулся.

— Тимур, отец подъедет? — поинтересовался он, мягко подавшись вперёд.

— Должен, — ответил Тима.

Илья не слышал, как тот подошёл. Тима стоял в нескольких шагах от него, уже без пальто. Рядом возвышался Роман. Теперь на нём был галстук, но затянут он был небрежно, и узел съехал в сторону.

— Передай отцу, что места в первом ряду оставили, — сказал Карпов. — И после линейки я хотел бы обсудить с ним подготовку к январской конференции.

— Передам, — сдержанно кивнул Тима.

— Отлично. — Карпов коротко кивнул в ответ и уже повернулся к другим, давая понять, что разговор окончен.

Директор положил ладонь Тиме на плечо. Это движение должно было выглядеть дружеским, почти отеческим, но рука задержалась всего на секунду — ровно настолько, чтобы попавшая в вестибюль камера школьного медиацентра успела это снять. Потом Карпов ушёл. Роман посмотрел ему вслед и усмехнулся.

— Передам, — повторил он, неумело копируя чужие интонации.

Тима даже не дрогнул. Его тяжёлый взгляд оставался прикован к Илье, не оставляя тому пространства для манёвра.

— Ты вчера написал Кате?

Вопрос прозвучал подчёркнуто буднично. Так обычно спрашивают, сделано ли домашнее задание или куплен ли хлеб.

— Нет, — отрезал Илья, прямо встречая его взгляд.

— Она говорит, написал, — Тима чуть подался вперёд, не сводя с него глаз.

— Тогда зачем спрашиваешь? — Илья едва заметно сжал кулаки, удерживая последнюю линию обороны.

Роман сделал шаг вперёд. Илья почувствовал его ещё до того, как увидел: воздух будто стал теснее.

— Потому что тебя спрашивают, — сказал Роман.

Мимо прошли две учительницы. Одна несла стопку дипломов, другая — пакет с пластиковыми стаканами. Обе посмотрели на ребят и тут же отвели глаза. Роман дождался, пока они удалятся.

— Я не писал, — повторил Илья, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Тима молча наклонил голову. В его взгляде не было ни сочувствия, ни сомнений.

— Удали переписку.

— Которой нет? — Илья сглотнул.

— Всю, — отчеканил Тима, не оставляя пространства для спора.

Илья хотел ответить, но из актового зала раздался треск микрофона, затем голос заместителя директора: «Уважаемые учащиеся, просьба занимать места согласно классам». Тима первым повернулся к дверям.

— Пошли, — бросил он Роману.

Тот задержался рядом с Ильёй.

— Ты иногда слишком долго соображаешь, Мороз.

Он хлопнул его по щеке. Не ударил — именно хлопнул, почти ласково, но достаточно сильно, чтобы кожа сразу загорелась. Роман ушёл. Илья провёл пальцами по щеке и посмотрел на ученика из девятого класса, стоявшего у окна. Тот видел всё. Их взгляды встретились, и девятиклассник мгновенно опустил голову, будто внезапно заинтересовался шнурками. Вот так это и работало. Никто ничего не замечал, пока не приходила его очередь.

В актовом зале было душно. На подоконниках запотели окна, хотя за стеклом лежал сухой морозный снег. Ученики стояли рядами между стульями, ожидая начала линейки. Младшие классы разместили ближе к сцене, старшие — у стен и в проходах. Над сценой висел огромный экран с надписью: «Лицей — территория возможностей». Под надписью медленно сменялись фотографии. Олимпиадники с дипломами. Волонтёры в одинаковых футболках. Учителя на педагогическом форуме. Карпов рядом с главой округа. Тима Гусев вручает подарок воспитаннику детского дома. Тима Гусев держит кубок. Тима Гусев выступает на молодёжной конференции.

Илья нашёл свой класс у правой стены.

— Наконец-то, — прошептала Катя.

Она стояла между ним и Лизой Сафроновой. Светлые волосы Катя собрала в высокий хвост, на губах блестела помада, хотя косметика в лицее формально запрещалась.

— Что? — спросил Илья.

— Я думала, ты не придёшь.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Просто.

Катя говорила, не глядя на него. Её пальцы нервно теребили тонкий серебряный браслет. Илья увидел, как от напряжения на костяшке её большого пальца побелела кожа.

— Ты сказала Тиме, что я писал? — напрямую спросил он.

Катя резко повернулась к нему:

— Не здесь!

— Я не писал тебе ничего такого, — продолжал Илья, не снижая тона.

— Тише, — прошептала она.

— Что «тише»?

Лиза рядом перестала листать программу мероприятия. Она делала вид, что читает, но глаза не двигались по строчкам. Катя наклонилась к Илье.

— Он взял мой телефон, — быстро прошептала она.

— Кто? — не понял Илья.

Она посмотрела на него с такой болью и досадой, будто этот вопрос был чистым издевательством.

— Удали чат, — выдохнула Катя.

— Там нет ничего, — возразил Илья.

— Илья, просто удали! — взмолилась она.

В микрофоне снова что-то щёлкнуло. Учителя зашевелились, выравнивая классы. Наталья Сергеевна прошла вдоль ряда и жестами заставила всех замолчать. У сцены оператор местного телевидения установил камеру на штатив. Молодая корреспондентка поправляла красный шарф и проверяла отражение в экране телефона. В первом ряду сидели взрослые. Мужчины в пиджаках, женщины в дорогих пальто, которые не стали сдавать в гардероб. Они разговаривали вполголоса, обменивались рукопожатиями, показывали друг другу фотографии. На свободном месте лежала табличка: «Гусев В. А.».

Карпов вышел на сцену под музыку. Аплодисменты начались ещё до того, как он приблизился к микрофону. Учителя хлопали первыми. Ученики подхватили с опозданием. Илья тоже свёл ладони несколько раз, не чувствуя пальцев.

— Дорогие друзья! — начал Карпов. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы подвести итоги уходящего года...

Его голос звучал уверенно и тепло. Он говорил об успехах, труде, взаимном уважении, общей ответственности. Произносил слова медленно, позволяя им осесть в зале. За его спиной появлялись диаграммы, фотографии, цифры: количество победителей олимпиад, поступивших в ведущие вузы, проведённых благотворительных акций.

— Наш лицей — это большая семья, — торжественно чеканил он, сделав паузу и обедя взглядом собравшихся.

В зале стало тише. Илья услышал, как где-то в глубине кто-то подавил смешок.

— Семья, в которой ценят каждого. Где сильный помогает слабому, старший поддерживает младшего, а успех одного становится общей гордостью.

На экране появилась фотография Тимы с кубком. Кто-то из первого ряда зааплодировал. Учителя снова подхватили. Роман хлопал медленно, разглядывая свои ладони.

Илья смотрел не на экран. У противоположной стены, почти за колонной, стоял новый ученик. Кажется, его звали Артём. Он перевёлся в лицей в ноябре и за месяц так и не успел ни с кем подружиться. Худой, сутулый, с тёмной чёлкой, которую постоянно убирал со лба. Сейчас Артём держал телефон обеими руками и смотрел на экран. Потом поднял голову. Илья заметил его взгляд. Артём смотрел на Тиму. Тима стоял в первом ряду старшеклассников, возле прохода. Он почувствовал этот взгляд или просто случайно повернулся. Их глаза встретились через весь зал. Артём убрал телефон в карман. Роман тоже всё увидел. Он сказал что-то Тиме, почти не разжимая губ. Тима ответил коротким движением подбородка.

Илья почувствовал, как внутри сжалось что-то неприятное, знакомое. Так бывало перед внезапным вызовом к доске, когда не выучил урок. Только теперь это ощущение было сильнее и не имело отношения к оценкам.

Карпов продолжал говорить. На сцену пригласили победителей олимпиад. Потом активистов. Потом школьную футбольную команду. Дети поднимались по ступенькам, получали грамоты, пожимали директору руку, поворачивались к камере. Вспышка высвечивала их лица.

Артём всё ещё стоял у колонны. Рядом с ним появился Роман. Илья не видел, как он пересёк зал. Только что Роман был возле Тимы, а теперь уже наклонился к новенькому и говорил ему что-то на ухо. Артём отступил. Роман положил ладонь ему на спину. Со стороны это

выглядело дружески. Обычный старшеклассник помогает новому ученику пройти к выходу, чтобы не мешать линейке. Артём качнул головой. Роман улыбнулся. Пальцы на спине новенького сжались.

— Куда ты смотришь? — прошептала Катя.

— Никуда, — буркнул Илья, не переводя взгляда.

— Не лезь, — с нажимом повторила Катя.

Он резко повернулся к ней:

— Я ещё ничего не сделал, — попытался возразить Илья.

— Вот и не делай, — выдохнула Катя, цепляясь за его рукав.

Катя смотрела прямо перед собой. На сцене девочка из шестого класса читала стихотворение о зиме. Её голос дрожал, и она дважды сбилась. Из первого ряда мать девочки показывала губами слова, пытаясь помочь. Когда Илья снова посмотрел к колонне, Артёма и Романа уже не было. Тима оставался на своём месте. Он слушал стихотворение с лёгкой улыбкой.

Илья ощутил импульс выйти из строя, проверить коридор, хотя бы сказать Наталье Сергеевне. Но тут же представил её лицо: раздражение, усталость, страх перед нарушением порядка. «Илья, не придумывай. Илья, сейчас торжественная линейка. Илья, прекрати привлекать к себе внимание». Он остался на месте. Прошла минута. Может быть, две. Девочка закончила стихотворение. Зал захлопал. Карпов снова подошёл к микрофону и объявил музыкальный номер.

Из-за кулис выбежали младшеклассники в белых рубашках. Заиграла весёлая мелодия. Дети начали танцевать, поднимая над головами блестящие звёзды. И тогда снаружи раздался звук. Не громкий. Скорее тяжёлый и короткий, будто с крыши сорвалась глыба снега и упала на твёрдую поверхность. Музыка продолжала играть. Несколько человек у окон обернулись. Учительница начальных классов подняла руку, показывая детям, чтобы они не сбивались с ритма. Потом в коридоре закричали. Крик быстро приблизился к дверям актового зала. Кто-то распахнул одну створку.

— Там человек упал! — перекрывая гул в зале, прокричал чей-то перепуганный голос.

Музыка оборвалась не сразу. Младшеклассники ещё несколько секунд двигались по сцене в тишине, не понимая, что произошло. Один мальчик поднял звезду, как было отрепетировано, и замер, увидев лица взрослых. В зале началось движение. Ученики устремились к выходу. Учителя попытались остановить их, но несколько рядов уже смешались. Стулья закричали, кто-то споткнулся, кто-то уронил телефон. Родители в первом ряду вскочили.

— Всем оставаться на местах! — крикнул Карпов в микрофон.

Динамики усилили его голос так, что он ударил по залу.

— Не выходить! Классные руководители, закройте двери!

Но одна створка оставалась открытой. Через неё было видно коридор и бегущих к запасному выходу учеников. Илья сам не понял, как оказался в проходе. Наталья Сергеевна схватила его за рукав.

— Морозов, назад! — потребовала Наталья Сергеевна.

Илья рванулся и выдернул руку:

— Там Артём! — выкрикнул Илья.

— Какой Артём? — не поняла Наталья Сергеевна.

Илья уже не отвечал. Он проскользнул между взрослыми, вышел в коридор и побежал вслед за толпой. В лицо ударил холодный воздух. Запасная дверь была распахнута настежь. За ней виднелся школьный двор, белый от свежего снега. У стены здания собирались люди. Кто-то кричал, чтобы вызвали скорую. Кто-то уже говорил по телефону. Учитель физкультуры расталкивал учеников, заставляя их отойти. На снегу лежал человек в синей школьной форме. Илья остановился. Он видел только ноги, один ботинок и разбросанные рядом листы бумаги.

Ветер подхватывал их и тащил по снегу. На одном листе была распечатанная таблица. На другом — фотография.

Артём шевельнулся. Совсем немного, но Илья увидел это ясно.

— Живой! — крикнула женщина возле него. — Он живой, не трогайте!

Учитель физкультуры опустился на колено, затем сразу поднялся, будто боялся сделать что-то неправильно.

— Скорую вызвали? — закричал учитель физкультуры, озираясь на сгрудившихся детей.

— Да! — хором отозвалось несколько голосов из толпы.

— Когда? — переспросил он.

— Только что! — крикнул кто-то из учеников.

На пятом этаже одно окно было распахнуто. Белая штора вырывалась наружу и билась о фасад. Кто-то рядом заплакал.

Илья смотрел на окно, не чувствуя холода. Его рубашка промокла от снега на плечах, дыхание вырывалось белыми облачками. В голове крутилась одна мысль: он вышел из актового зала несколько минут назад. Роман вывел его. Роман был с ним.

Толпа за спиной расступилась. Карпов вышел во двор без пальто. Следом за ним бежали заместитель директора и школьная медсестра с красной сумкой.

— Уберите детей! — приказал Карпов. — Немедленно всех внутрь!

Он подошёл к лежащему ученику, остановился, быстро оценил происходящее и повернулся к собравшимся.

— Все телефоны убрать. Съёмка запрещена.

Несколько человек послушно опустили руки. Один мальчик продолжал держать смартфон перед собой. Карпов быстрыми шагами подошёл к нему и выхватил устройство прямо из рук.

— Я сказал: убрать, — жёстко произнёс Карпов.

— Это мой телефон! — выкрикнул Илья, делая шаг вперёд.

— Получишь у классного руководителя, — отрезал Карпов и спокойно убрал смартфон в карман.

Медсестра опустилась возле Артёма. Она что-то говорила ему, но из-за голосов невозможно было разобрать слова.

Илья увидел в снегу ещё один телефон. Он лежал в нескольких шагах от Артёма, экраном вверх. Стекло пересекала трещина, но дисплей продолжал светиться. На нём было открыто окно записи. Красная точка мигала.

Илья сделал шаг. Карпов заметил телефон одновременно с ним. Директор быстро наклонился и поднял аппарат. На экране мелькнуло изображение школьного коридора. Карпов провёл пальцем, остановил запись и сунул телефон во внутренний карман пиджака.

— Это Артёма, — сказал Илья.

Карпов повернулся. На его лице не было растерянности. Только раздражение от того, что кто-то обратил внимание на его движение.

— Вернись в здание, — строго приказал Карпов.

— Телефон его, — твёрдо произнёс Илья, не сдвинувшись с места.

— Я слышал, — ответил Карпов.

— Его надо отдать полиции, — нажал Илья.

— Морозов, внутрь! — отрезал Карпов.

— Там запись, — прямой наводкой выложил Илья.

Несколько человек из толпы обернулись и посмотрели на них. Карпов подошёл ближе, сокращая дистанцию. Его голос стал тише, но опаснее:

— Сейчас главное — оказать помощь пострадавшему, — процедил Карпов. — Не мешай взрослым заниматься делом.

— Тогда зачем вы остановили запись? — без страха спросил Илья.

Глаза директора изменились. Всего на мгновение. Улыбка исчезла, веки чуть сузились. Илья увидел перед собой не человека со сцены, говорившего о большой школьной семье, а другого Карпова — сухого, внимательного и очень собранного.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — чеканя каждое слово, тихо сказал Карпов.

Послышалась сирена. Красные и синие отблески замелькали за школьной оградой. Машина скорой помощи въехала во двор, за ней почти сразу появилась полицейская машина.

Всё произошло слишком быстро. Илья ещё стоял рядом с директором, когда из автомобиля вышел начальник местного отдела полиции. Его фамилию Илья знал: Пахомов. Тот несколько раз приходил в лицей на профилактические беседы, рассказывал о правонарушениях и ответственности несовершеннолетних. На фотографиях в школьной группе он обычно стоял рядом с Карповым.

Пахомов застегнул куртку и направился к директору.

— Александр Викторович, — поздоровался Пахомов.

— Сергей Петрович, — отозвался директор.

Они обменялись коротким рукопожатием.

— Что здесь? — спросил Пахомов, сразу переходя к делу.

— Ученик выпал из окна пятого этажа, — сдержанно ответил Александр Викторович.
— Возможно, несчастный случай.

Пахомов посмотрел вверх, оценивая высоту.

— Окно открыто? — уточнял Пахомов.

— Как видите, — вздохнул директор.

— Свидетели? — коротко спросил Пахомов.

— Пока неизвестно, — качнул головой Александр Викторович. — В школе проходило мероприятие, почти все находились в актовом зале.

Карпов говорил быстро и ровно. Не вспоминал, не подбирал слова. Будто заранее подготовил формулировку.

— Понятно, — сказал Пахомов. — Скорее всего, залез на подоконник. Сейчас дети любят ради видео рисковать.

— Мы обязательно проверим эту версию, — подхватил Александр Викторович.

— Проверим, конечно, — кивнул Пахомов, снова глядя на фасад.

Рядом медики перекладывали Артёма на носилки. Он был без сознания или просто не открывал глаз. Один фельдшер придерживал ему голову, второй закреплял ремни.

— Он жив? — спросил Илья.

Никто не ответил. Пахомов перевёл на него взгляд:

— Ты кто? — спросил Пахомов.

— Одноклассник, — соврал Илья.

Это было неправдой: Артём учился в параллельном классе, но Илья произнёс первое, что пришло в голову.

— Видел, как он упал? — уточнил Пахомов.

— Нет, — ответил Илья. — Я видел, как его вывели из зала.

Карпов резко повернул голову в их сторону:

— Кого вывели? — вмешался Карпов.

— Артёма, — чётко произнёс Илья. — Роман.

В толпе стало тише. Не полностью, но достаточно, чтобы Илья услышал собственное дыхание. Пахомов перевёл взгляд на директора:

— Какой Роман? — спросил Пахомов.

— У нас несколько учеников с таким именем, — быстро ответил Карпов. — Морозов, вероятно, ошибся. В зале было много людей.

— Я не ошибся, — перебил Илья.

— Илья, — строго произнесла Наталья Сергеевна за его спиной. — Немедленно иди внутрь.

— Я видел, — твердил Илья.

— Ты был со своим классом! — нажимая на каждое слово, повторила Наталья Сергеевна.

— Я видел, как Роман вывел Артёма, — громко сказал Илья.

Пахомов вздохнул. Не удивлённо, не заинтересованно — устало.

— Хорошо. Потом поговорим, — отмахнулся Пахомов. — Сейчас не мешай работать.

— А телефон? — спросил Илья.

Карпов не пошевелился.

— Какой телефон? — переспросил Пахомов.

— Телефон Артёма, — указал Илья. — Директор его забрал.

Наталья Сергеевна закрыла глаза. Карпов медленно достал смартфон из внутреннего кармана.

— Нашёл рядом с пострадавшим, — пояснил Карпов, передавая устройство. — Чтобы не затоптали.

Он протянул телефон Пахомову. Тот взял аппарат, мельком посмотрел на экран и убрал в карман куртки.

— Правильно сделали, — одобрил Пахомов.

— Там была запись, — вмешался Илья. — Директор её остановил.

Пахомов посмотрел на него долго, оценивающе, а затем спокойно произнёс:

— Молодой человек, вам сейчас лучше вернуться в помещение. Вы взволнованы и можете неверно воспринимать происходящее.

Эти слова Илья уже слышал раньше. Не именно эти, но похожие. Когда в шестом классе у него забрали деньги, учительница сказала, что он мог потерять их сам. Когда Роман сломал Косте палец на перемене, завуч объяснила, что мальчики «неудачно поиграли». Когда в раздевалке нашли чужой рюкзак в туалете, класс заставили молчать, потому что школе не нужен был скандал перед проверкой.

Взволнован. Неверно понял. Не так увидел. Сам спровоцировал. Случайность.

Взрослые всегда находили слова раньше, чем дети успевали рассказать, что произошло.

Носилки подняли. Артёма понесли к машине. Его рука, лежавшая поверх одеяла, качнулась в такт шагам фельдшеров. Пальцы были сжаты. Значит, жив. Илья повторил это про себя несколько раз. Жив. Жив. Жив.

Двери скорой помощи закрылись. Сирена снова включилась, и машина медленно выехала за ворота.

— Все внутрь! — распорядился Карпов. — Занятия продолжатся по расписанию. Классные руководители проведут инструктаж.

Кто-то в толпе переспросил:

— По расписанию?

— Да, — сказал директор. — Не нужно создавать панику.

Пахомов кивнул, словно это решение было разумным.

Учителя начали загонять учеников обратно. Кто-то сопротивлялся, требовал позвонить родителям. Кто-то уже отправлял сообщения в общие чаты. Несколько младшеклассников плакали. Девочка в белом сценическом платье стояла на снегу без куртки, всё ещё сжимая в руке блестящую звезду.

Наталья Сергеевна взяла Илью под локоть.

— Пойдём, — настоятельно произнесла Наталья Сергеевна, увлекая его в сторону входа.

Он позволил увести себя. В коридоре было жарко после улицы. Снег на рубашке сразу растаял, вода потекла по спине. Ученики шумели, задавали вопросы, звонили родителям. Учи-

теля повторяли, что всё под контролем. На экране в вестибюле по-прежнему горела надпись: «Лицей — территория возможностей».

Илья остановился возле лестницы. На пятом этаже в пролёте показался Роман. Он спускался не торопясь, придерживая рукой перила. Галстук исчез. Рукава рубашки были закатаны до локтей. На правой манжете темнело мокрое пятно, будто он недавно мыл руки. Роман заметил Илью. Остановился на ступеньку выше. Между ними двигались люди. Учителя, дети, сотрудники полиции. Но на несколько секунд всё это превратилось в фон. Илья смотрел на Романа снизу вверх. Роман улыбнулся. Он спустился, встал рядом и положил ладонь Илье на плечо. Со стороны — дружеский жест. Поддержка после тяжёлого происшествия. Пальцы сжались.

— Зря ты рот открыл, Мороз, — произнёс он почти беззвучно.

Илья не отвёл взгляда. Роман наклонился ближе. От него пахло мятной жвачкой и холодной водой.

— Следующим будешь ты, — тихо, почти на ухо, прошептал Роман.

Он отпустил плечо и пошёл дальше. Илья остался возле лестницы. Вокруг снова возникли звуки: звонок телефона, голос учительницы, скрип дверей, чей-то плач, распоряжения полицейского. Через открывшиеся наружные двери в вестибюль вошёл порыв зимнего воздуха, и бумажные снежинки под потолком завертелись на своих прозрачных нитях. Одна оторвалась. Она медленно опустилась на пол перед Ильёй, легла на мокрый след от ботинка и сразу потеряла форму.

К третьему уроку лицей перестал напоминать школу. Он не успокоился после утреннего происшествия, а только научился делать вид, что ничего не случилось. Звонки звучали по расписанию. Учителя входили в кабинеты с журналами под мышкой. В столовой варили компот, и сладкий запах сушёных яблок поднимался по лестничным пролётам. По коридорам двигались дежурные, поправляя стенды и поднимая с пола фантики. На первом этаже женщина в синем халате уже стирала с кафеля мокрые следы, оставленные полицейскими ботинками. Но за дверями классов шёл другой день. Телефоны не убрали даже самые послушные. Ученики пересылали друг другу короткие записи со двора, увеличивали кадры, спорили, с какого именно окна упал Артём, жив ли он, что было у него в руке и почему директор первым поднял телефон. В одних сообщениях Артём уже находился в реанимации. В других — пришёл в себя и назвал имя того, кто был рядом. Кто-то написал, что его увезли в Москву. Кто-то утверждал, что он вообще не ученик лицея, а посторонний подросток, пробравшийся в здание. Чем меньше было правды, тем быстрее она распространялась.

Илья сидел у окна в кабинете литературы и чувствовал, как внутри него всё ещё медленно дрожит. Не руки. Руки он удерживал неподвижно, спрятав под партой. Дрожь находилась глубже — под рёбрами, в животе, в мышцах ног. Она не проходила с того момента, когда Роман наклонился к нему возле лестницы и произнёс: «Следующим будешь ты». Слова не звучали в голове отдельно. Они вплетались в каждый шум. Щелчок дверной ручки — следующим будешь ты. Скрип стула — следующим будешь ты. Шаги в коридоре — следующим будешь ты. На подоконнике между рамами собралась талая вода. От батареи шёл сухой металлический жар. Илья прижал колено к ребру парты, чтобы почувствовать твёрдую поверхность и вернуть себе ощущение, что он сидит здесь, в кабинете номер тридцать семь, а не всё ещё стоит в вестибюле под бумажными снежинками.

Рядом Катя смотрела в телефон, прикрыв экран учебником.

— Пишут, он дышал, когда увозили, — прошептала она.

Илья повернул голову.

— Кто пишет? — спросил Илья.

— Лера из девятого, — быстро ответила Катя. — У неё мать в приёмном покое.

— Она сама видела? — уточнил Илья.

— Не знаю, — пожала плечами Катя.

— Тогда зачем ты это повторяешь? — резко спросил Илья.

Катя вздрогнула, словно он повысил голос, хотя он говорил почти шёпотом.

— Я просто сказала... — тихо произнесла Катя.

— Все просто говорят, — с горечью отрезал Илья.

Она погасила экран и спрятала телефон под тетрадь. На первой парте двое мальчиков рассматривали фотографию открытого окна. Один увеличивал изображение двумя пальцами, второй склонялся так близко, что касался щекой его плеча.

— Пятый этаж, — тихо говорил первый, тыча пальцем в экран. — Видишь трубу? Это точно пятый.

— Там физика, — возразил второй.

— Нет, там склад, — спорил первый.

— Какой склад? — удивлённо переспросил второй. — Там кабинет информатики!

— Ты вообще в школе учишься? — фыркнул первый.

У задней стены девочки обсуждали кровь на снегу, хотя Илья никакой крови не видел. Каждая добавляла новую подробность, будто право говорить принадлежало тому, кто сумеет представить страшнее.

Тима сидел в среднем ряду, положив телефон на парту экраном вниз. Он не участвовал в разговорах. Не спрашивал об Артёме. Не читал сообщения. Не смотрел в сторону Ильи. Роман занял последнюю парту у двери. Он развалился на стуле, вытянув ноги в проход. Его ботинки оставляли на линолеуме влажные следы. Галстук он так и не надел. Рукава были по-прежнему закатаны. На костяшках правой руки Илья заметил розовые полосы, будто кожа недавно тёрлась о грубую поверхность. Роман ловил взгляды одноклассников и улыбался. Не широко. Уголком рта. Этого хватало, чтобы глаза сразу отводили.

Звонок прозвенел в тот момент, когда кто-то запустил в общий чат аудиозапись, якобы сделанную Артёмом перед падением. Из нескольких телефонов одновременно раздался шорох, обрывок дыхания и чей-то голос. Ученики поспешно уменьшали громкость, но запись уже расплзлась по кабинету, как сквозняк.

Дверь открылась. В класс вошла Елена Андреевна. Она преподавала литературу второй год и всё ещё выглядела человеком, который перед уроком продумывает не только тему, но и первое предложение. Молодая, чуть старше тридцати, с мягкими тёмными волосами до плеч и привычкой придерживать ладонью серьгу, когда наклонялась к ученику. В школе её считали слишком спокойной. Она не кричала, не бросала мел, не стучала журналом. Даже двойки ставила так, будто извинялась.

Сегодня спокойствия в ней не было. Она вошла быстро, почти зацепилась каблуком за порог и сразу остановилась. Под мышкой лежал учебник, в руке — прозрачная папка с распечатками. От мороза её щёки ещё сохраняли красноту. Видимо, она недавно выходила на улицу или подходила к воротам после отъезда скорой. На шее под воротником блузки блестела тонкая цепочка. На безымянном пальце — простое кольцо.

Елена Андреевна посмотрела на класс. На телефоны. На повернувшиеся головы. На пустую парту Артёма в соседнем ряду, хотя он учился в параллели и никогда здесь не сидел. Просто сейчас вся школа словно оставила для него пустое место.

— Уберите телефоны, — сказала Елена Андреевна.

Никто не пошевелился. Елена Андреевна поставила папку на стол.

— Я понимаю, что все взволнованы, — сдержанно продолжила Елена Андреевна. — Но урок начинается.

— Какой урок? — спросил кто-то с задней парты.

Она посмотрела в сторону голоса:

— Обычный, — отрезала Елена Андреевна.

По классу прошёл смешок. Не весёлый, а нервный. Он вырвался сразу у нескольких человек, и каждый тут же сделал вид, что смеялся не он.

Елена Андреевна достала журнал. Её пальцы не сразу попали под край обложки. Илья увидел, как она прижала большой палец к ладони, будто пыталась остановить мелкую дрожь.

— Откройте тетради, — справившись с голосом, произнесла Елена Андреевна. — Сегодня мы продолжаем разговор о нравственном выборе героя.

Роман фыркнул. Громко, на весь класс.

Елена Андреевна медленно подняла глаза:

— Роман, что-то смешное? — спросила Елена Андреевна.

— Да нет, — нагло ответил Роман. — Продолжайте про нравственный выбор.

Несколько человек снова засмеялись. На этот раз осторожнее. Роман откинулся назад и качнул стул на двух ножках. Дерево тихо скрипнуло.

— Мы говорим о поступке, — продолжила Елена Андреевна, не меняя голоса. — О моменте, когда человек решает, кем он останется после того, что сделал.

Она взяла мел. Роман перестал качаться. Илья увидел, как Тима едва заметно повернул к нему голову. Елена Андреевна написала на доске: «Ответственность». Мел сломался. Белый кусочек упал на пол и раскололся ещё раз.

— Хорошее слово, — с усмешкой сказал Роман. — Только длинное.

Елена Андреевна аккуратно положила остаток мела в желоб:

— Встань, — строго приказала Елена Андреевна.

В классе сразу стихло. Даже Илья не ожидал от неё такого тона. Роман не поднялся:

— Зачем? — ухмыльнулся Роман.

— Потому что я к тебе обращаюсь, — чеканя слова, ответила Елена Андреевна.

— А сидя не слышно? — с вызовом переспросил Роман.

— Встань, Роман, — повторила Елена Андреевна.

Он медленно опустил передние ножки стула на пол. В тишине этот звук получился тяжёлым.

— Вы сегодня нервная, Елена Андреевна, — с наигранным сочувствием произнёс Роман.

Она смотрела на него прямо, не мигая:

— Убери телефон и выйди из класса, — потребовала Елена Андреевна.

Роман провёл языком по внутренней стороне щеки:

— Телефона у меня нет, — соврал Роман.

— Он лежит у тебя под рукой, — указала Елена Андреевна.

— Это не мой, — хмыкнул Роман.

— Выйди, — отрезала Елена Андреевна.

— А если не выйду? — с нажимом спросил Роман.

Елена Андреевна закрыла журнал. Сейчас она уже не играла роль спокойной молодой учительницы. Плечи поднялись, подбородок стал твёрже. Но Илья видел другое: как часто она моргает, как пальцы цепляются за угол стола, как резко поднимается ткань блузки на груди. Она боялась. И всё равно стояла.

— Тогда я приглашу завуча, — предупредила Елена Андреевна.

— Приглашайте, — легко пожал плечами Роман.

— Роман... — сделав паузу, выдохнула Елена Андреевна.

— Что «Роман»? — с наглой ухмылкой перебил Роман.

Он поднялся. Не резко. Неторопливо, будто решил размять ноги. Стул отъехал назад и ударился о шкаф. Елена Андреевна не отступила. Роман пошёл по проходу. Каждый его шаг менял класс. Ученики втягивали локти, освобождая дорогу. Кто-то опускал голову. Кто-то уже доставал телефон. Экран вспыхнул у окна, потом ещё один — на третьей парте.

Елена Андреевна заметила.

— Телефоны убрать! — повысив голос, приказала Елена Андреевна.

Но теперь её слушали не как учителя. Её голос стал частью происходящего, ещё одним звуком, который записывала камера. Роман остановился перед её столом. Между ними осталось меньше метра.

— Ну вызывайте, — вызываяще сказал Роман, а затем резко сменил тон: — Выйди из класса.

— Сами выйдите, — едва сдерживаясь, ответила Елена Андреевна.

— Это мой урок, — напомнила Елена Андреевна.

— Был ваш, — с холодным цинизмом ухмыльнулся Роман.

Елена Андреевна вдохнула через нос. От неё пахло кофе и морозным воздухом. Илья уловил этот запах, хотя сидел далеко. Или ему только показалось. Сейчас обострилось всё: скрип батареи, шорох одежды, тихое жужжание проектора, капли воды, падавшие с ботинка Романа.

— Я повторяю в последний раз, — сказала она. — Выйди из класса.

Роман наклонился к ней.

— А то что? — тихо и угрожающе спросил Роман.

Елена Андреевна протянула руку к телефону на столе. Возможно, хотела позвонить завучу. Возможно, мужу. Возможно, просто схватиться за что-то твёрдое. Роман смахнул телефон на пол. Он ударился о ножку стола и отлетел к доске. Елена Андреевна отшатнулась.

— Ты что делаешь? — с испугом спросила учительница.

— А что? — нагло улыбнулся Роман.

Она шагнула к двери. Роман перехватил её за запястье. Это произошло так быстро, что класс не сразу понял, где закончилась ссора и началось нападение. Елена Андреевна дёрнула руку на себя.

— Отпусти! — выкрикнула Елена Андреевна.

Роман сжал сильнее:

— Больно? — с издевкой спросил Роман.

— Отпусти меня, — задыхаясь, повторила Елена Андреевна.

— А вы не командуйте, — жёстко отрезал Роман.

Она ударила его свободной ладонью по руке, пытаясь освободиться. Роман резко толкнул её. Елена Андреевна налетела спиной на край стола. Папка упала. Распечатки разлетелись по полу. Кто-то вскрикнул. Роман сделал шаг вперёд.

— Ты совсем с ума сошёл? — произнесла она. Голос сорвался. Не громкость — опора внутри него.

Роман ударил её по лицу. Звук получился сухим, почти негромким. Голова Елены Андреевны дёрнулась в сторону. Она схватилась за щёку, будто ещё не поняла, что произошло. На секунду в классе застыло всё — поднятые телефоны, лица, открытые рты. Потом она сказала:

— Роман...

Не как учитель. Как человек, который всё ещё надеется, что имя вернёт другого человека в его тело.

Он ударил снова. Елена Андреевна упала на колени между столом и доской. Класс ожил. Не чтобы помочь. Кто-то отодвинул стул, чтобы лучше снимать. Кто-то поднялся. Девочка у окна закрыла рот ладонью, но телефон не опустила. Один из мальчиков прошептал: «Жесть», и в его голосе было не отвращение, а возбуждение.

Илья встал. Колени ударились о крышку парты. Катя схватила его за рукав.

— Не лезь! — прошептала Катя.

Он резко дёрнул руку:

— Пусти, — отрезал Илья.

— Илья, нет! — с испугом умоляла Катя.

Роман ухватил Елену Андреевну за плечо и рванул вверх, не давая ей подняться самой. Она попыталась оттолкнуть его. Он ударил её в живот. Воздух вырвался из неё коротким хрипом. Тело сложилось. Волосы упали на лицо.

— Всё ещё ваш урок? — спросил Роман.

Она не ответила. Он толкнул её к стене. Затылок ударился о доску. Сверху посыпалась меловая пыль. На чёрной поверхности под словом «Ответственность» осталась белая полоса от её плеча.

— Хватит! — крикнул Илья.

Роман обернулся. На его лице не было ярости. Вот что оказалось страшнее всего. Он не потерял контроль. Не обезумел. Не сорвался. Он наслаждался тем, что контролирует каждую секунду.

— Сядь, Мороз, — ледяным тоном приказал Роман.

Илья сделал шаг. Катя обеими руками вцепилась в его локоть.

— Он тебя убьёт, — прошептала она. — Не надо.

Тима сидел неподвижно. Он смотрел на Илью, не на Романа и не на учительницу. Илья понял: это проверка. Не только для Романа. Для всех. Кто вмешается. Кто снимет. Кто отвернётся. Кто потом скажет, что ничего не видел.

Елена Андреевна попыталась подняться, опираясь ладонью о пол. Роман ударил её ногой в бок. Она упала на рассыпанные листы. Один прилип к её щеке. В классе кто-то заплакал. Тихо, почти беззвучно. Телефоны продолжали снимать.

Илья вырвался из рук Кати. Он успел пройти половину прохода, когда Тима поднялся. Не торопясь.

— Ром, хватит, — сказал он.

Одно предложение. Спокойный голос. Роман остановился. Не потому, что увидел лежащую учительницу. Не потому, что испугался последствий. Потому что Тима сказал. Он поправил рукав, взглянул на Елену Андреевну и отступил.

— Сама начала, — бросил он.

Дверь распахнулась. В кабинет вбежала Наталья Сергеевна, за ней — учитель физики и завуч. Они остановились на пороге, увидев Елену Андреевну на полу.

— Господи... — потрясённо произнесла Наталья Сергеевна.

Завуч первой пришла в движение:

— Телефоны убрать! Немедленно! — скомандовала завуч.

Учитель физики подошёл к Роману:

— Ты что натворил? — спросил физик.

Роман посмотрел на него. Физик был крупным мужчиной, но остановился в двух шагах. Не протянул руку. Не попытался удержать.

— Она на меня набросилась, — спокойно сказал Роман.

Завуч уже собирала телефоны с первых парт:

— Удалите всё, что сняли, — потребовала завуч.

— Там видно, что было! — крикнула Лиза Сафронова.

— Я сказала — удалить, — отрёзом повторила завуч.

— Зачем? — не отступала Лиза.

— Потому что вы несовершеннолетние и не имеете права распространять подобные материалы, — отчеканила завуч.

— А он имеет право её бить? — с вызовом спросила Лиза.

Завуч побледнела:

— Сафронова, замолчи, — пригрозила завуч.

Елена Андреевна застонала. Наталья Сергеевна опустилась рядом. Её руки заматались над телом учительницы, не решаясь коснуться.

— Леночка, ты меня слышишь? — с тревогой в голосе прошептала Наталья Сергеевна.

Елена Андреевна открыла глаза. Левая сторона лица быстро опухала. Из разбитой губы текла кровь, тонкой линией уходя к подбородку. Она подняла руку, коснулась рта и посмотрела на пальцы. Увидела кровь. И словно только тогда поверила, что всё произошло на самом деле.

— Вызовите скорую, — твёрдо сказал Илья. — Я вызываю скорую.

— Я сама вызову, — вмешалась завуч.

— Вы уже вызвали? — усомнился Илья.

Завуч не успела ответить. Илья набрал номер. Роман ехидно засмеялся:

— Герой, — прошипел Роман.

Илья прижал телефон к уху. Гудок. Второй. Он чувствовал, как все смотрят на него. Особенно Тима.

— Служба спасения, что произошло? — отозвался диспетчер.

Илья назвал адрес. Голос дрожал, но слова выходили отчётливо.

— Ученица? — переспросил диспетчер.

— Учительница. Её избили.

— Нападающий находится рядом? — уточнил диспетчер.

— Да, — посмотрев прямо на Романа, ответил Илья.

— Есть угроза другим людям? — спросил диспетчер.

— Да, — подтвердил Илья.

Роман сделал шаг к нему. Учитель физики наконец встал между ними. Не коснулся Романа, просто занял проход:

— Всё, — остановил его учитель физики. — Стой.

И в этом «стой» слышалось не требование, а просьба. Роман усмехнулся, но не пошёл дальше.

Через десять минут приехали медики. Через пятнадцать — полиция. К этому времени Елену Андреевну пересадили на стул. Она держала у лица салфетку, быстро пропитавшуюся красным. Наталья Сергеевна стояла рядом и всё время повторяла: «Дыши. Просто дыши». Полицейские вошли в кабинет вдвоём. Первым появился старший лейтенант Алексей Белов. Илья видел его раньше на школьных мероприятиях. Высокий, худощавый, с заметной складкой между бровей. Сегодня он был не в парадной форме, а в обычной тёмной куртке поверх рубашки. Видимо, приехал прямо со службы. Он увидел жену. Остановился. На лице не осталось ничего служебного.

— Лена... — тихо позвал муж.

Она подняла глаза. Салфетка выпала из её руки. Белов подошёл быстро, опустился перед ней на колени и осторожно коснулся пальцами неповреждённой стороны лица.

— Кто? — тихим, но тяжёлым голосом спросил Белов.

Елена Андреевна посмотрела на Романа. Белов проследил за её взглядом:

— Он? — уточнил Белов.

Роман стоял у окна, засунув руки в карманы:

— Она первая полезла, — небрежно сказал Роман.

Белов поднялся. Движение было медленным. Илья увидел, как напряглась его челюсть, как пальцы сжались и тут же разжались. Полицейский в нём удерживал мужа. Муж внутри него рвался вперёд:

— Фамилия, — сдерживая гнев, потребовал Белов.

— Вы и так знаете, — ухмыльнулся Роман.

— Фамилия! — жёстко чеканя каждое слово, повторил Белов.

— Орлов, — лениво ответил Роман.

— Телефон и документы, — холодно приказал Белов.

— Я несовершеннолетний, — с привычным цинизмом огрызнулся Роман.

— Телефон, — без шага назад отрезал Белов.

Роман посмотрел на Тиму. Тима едва заметно качнул головой. Роман достал смартфон и положил на парту. Белов повернулся к напарнику.

— Собрать записи со всех устройств, — отдавая распоряжение, приказал Белов. — Опро-
сить свидетелей. Здесь минимум хулиганство и причинение вреда здоровью.

Завуч тут же вмешалась:

— Алексей, давайте не будем торопиться с формулировками, — попыталась сгладить
угол завуч.

Он посмотрел на неё так, что она мгновенно замолчала:

— Моей жене разбили лицо перед тридцатью свидетелями, — отчеканил Белов.

— Я понимаю, но... — сбиваясь, заговорила завуч.

— Нет, — ледяным тоном отрезал Белов. — Вы ничего не понимаете.

Медики увели Елену Андреевну. Белов пошёл рядом, придерживая её за локоть. Перед
дверью она остановилась и обернулась на класс. Не на Романа. На учеников. На тех, кто сни-
мал. На тех, кто отвернулся. На Илью. Её взгляд задержался на нём чуть дольше. Там не было
благодарности. Ещё нет. Только усталое, почти детское непонимание: как они могли стоять и
смотреть?

К вечеру в отделе полиции пахло дешёвым кофе, мокрой формой и старой бумагой. Белов
сидел напротив кабинета начальника ОВД, держа на коленях заявление жены. Бумага помялась
в его пальцах. На верхней строчке расплылась капля воды — снег растаял на рукаве и упал
прямо на текст. Елена ждала в машине. Врачи наложили швы на губу, зафиксировали ушибы,
выдали справку. Один глаз почти закрылся. Она не хотела ехать домой, пока заявление не
зарегистрируют.

— Заходи, — сказал секретарь.

Начальник ОВД Пахомов сидел за массивным столом. Пиджак висел на спинке кресла.
Рукава рубашки были закатаны. На столе стояла чашка с давно остывшим чаем.

— Закрой дверь, — тяжело произнёс Пахомов.

Белов закрыл.

— Садись, — указал Пахомов.

— Я постою, — отрезал Белов.

Пахомов вздохнул:

— Лёша, не начинай, — поморщился Пахомов.

— Я принёс заявление, — глухо сказал Белов.

— Знаю, — откликнулся Пахомов.

— Его нужно зарегистрировать, — настойчиво произнёс Белов.

— Знаю, — снова повторил Пахомов.

— Тогда регистрируйте, — с нажимом сказал Белов.

Пахомов откинулся в кресле:

— Ты понимаешь, чей это парень? — тихо спросил Пахомов.

— Мне всё равно, — отчеканил Белов.

— А должно быть не всё равно, — строго возразил Пахомов.

— Он избил мою жену, — чеканя каждое слово, напомнил Белов.

— Я видел запись, — вздохнул Пахомов.

— Тогда о чём мы говорим? — жёстко спросил Белов.

Пахомов посмотрел на телефон, лежавший рядом с чашкой. Экран загорелся. Входящий
вызов. Он не ответил. Просто перевернул телефон экраном вниз:

— Гусев звонил, — сказал Пахомов. — Лично.

— И что? — усмехнулся Белов.

— Ты знаешь что, — хмуро ответил Пахомов.

— Нет. Скажите, — не отступал Белов.

Пахомов устало потёр переносицу:

— Он считает, что произошёл школьный конфликт, — пояснил Пахомов. — Учитель превысил полномочия, спровоцировал подростка, пытался отобрать личное имущество.

Белов коротко рассмеялся. Смех вышел пустым:

— Личное имущество? — с неверием переспросил Белов.

— Телефон, — уточнил Пахомов.

— Он разбил ей лицо! — глухо чеканя, выговорил Белов.

— Не кричи, — поморщился Пахомов.

— Я не кричу, — сдерживая себя, ответил Белов.

— Ты сейчас не муж, — сурово нагадал Пахомов. — Ты сотрудник.

— Именно поэтому я здесь, — твёрдо сказал Белов.

— Именно поэтому ты должен понимать последствия, — с давлением завершил Пахомов.

Пахомов встал и подошёл к окну. Во дворе мигал фонарь. Снег летел в жёлтом свете, прилипал к стеклу и таял.

— Половина коммерческих объектов района сидит на структурах Гусева, — сказал он. — Спонсорские деньги, подрядчики, техника, ремонт, благотворительность, спортшколы. — Ты думаешь, он просто чей-то богатый отец? — тяжёлым голосом спросил Пахомов.

— Мне всё равно, кем он себя считает, — отчеканил Белов.

— А ему не всё равно, кем работаешь ты, — с угрожающим спокойствием заметил Пахомов.

Белов сильнее сжал заявление:

— Это угроза? — прямо спросил Белов.

— Это реальность, — сухо ответил Пахомов.

— Значит, мы теперь заявления по списку принимаем? — с желчью горько усмехнулся Белов.

Пахомов резко повернулся к нему:

— Не устраивай спектакль, — строго пригрозил Пахомов.

— Спектакль был в лицее! — чеканя каждое слово, выделил Белов. — Тридцать детей снимали, как подросток избивает учительницу. А теперь вы предлагаете мне сделать вид, что этого не было?

— Я предлагаю тебе подумать о семье, — с нажимом произнёс Пахомов.

— О семье? — не поверил своим ушам Белов.

— У тебя жена. Ипотека. Мать после операции, — безжалостно перечислил Пахомов. — Ты сам просил не переводить тебя в другой район.

Белов почувствовал, как холодеют пальцы. Пахомов знал всё. Не как начальник. Как человек, которому уже передали готовый список точек давления.

— Что он пообещал? — глядя ему прямо в глаза, тихо спросил Белов.

— Неважно, — отмахнулся Пахомов.

— Деньги? Ремонт отдела? Машины? — жёстко перечислил Белов.

— Следи за словами, — предостерегающе пригрозил Пахомов.

— Или сказал, что меня уволят? — с давящим цинизмом спросил Белов.

— Он сказал, что в течение недели ты можешь оказаться фигурантом служебной проверки, — без эмоциональной окраски, с ледяным прагматизмом произнёс Пахомов. — Нашли бы превышение, потерянный протокол, неправильное оформление задержания. У тебя идеальная служба?

Белов молчал. Идеальной службы не существовало. Существовали смены по шестнадцать часов, протоколы задним числом, распоряжения по телефону, бумажные ошибки, которые

начальство годами не замечало, пока не возникала необходимость уничтожить конкретного человека.

— А у твоей жены, — продолжал безжалостно давить Пахомов, — могут появиться проблемы с профессиональной пригодностью. Конфликтность. Нестабильное состояние. Жалобы родителей.

— Она пострадавшая, — глухо возразил Белов.

— Сегодня — да, — сухо отрезал Пахомов. — Завтра появятся другие показания.

— Тридцать свидетелей, — напомнил Белов.

— Половина — несовершеннолетние. Половина скажет, что ничего не видела. Остальные — что учительница первая схватила ученика, — чеканя каждую угрозу, пояснил Пахомов.

Белов смотрел на заявление. Буквы поплыли. Перед глазами возникло лицо Елены в кабинете врача. Она сидела на кушетке, пока медсестра промывала губу. Не плакала. Только держала его за рукав двумя пальцами, словно боялась, что он уйдёт.

— Что вы хотите? — выговорил Белов.

Пахомов ответил не сразу:

— Забери заявление, — потребовал Пахомов.

— Она не заберёт, — твёрдо ответил Белов.

— Убедишь, — с нажимом повторил Пахомов.

— Я не буду, — отрезал Белов.

Телефон на столе снова загорелся. На этот раз Пахомов посмотрел на имя звонящего:

— Тогда завтра тебя отстранят, — ледяным тоном сказал Пахомов. — А послезавтра начнут проверку. И это только начало.

Белов поднял глаза:

— Вы же знаете, что произошло, — с болью спросил Белов.

— Знаю, — подтвердил Пахомов.

— И всё равно? — не поверил Белов.

Пахомов медленно сел. Лицо его вдруг стало старше. Не мягче, не человечнее — просто старше:

— Лёша, я не прошу тебя понять, — уставшим, тяжёлым голосом подвёл черту Пахомов. — Я говорю, как будет.

В машине Елена сидела неподвижно. Салон пах лекарством, которым обработали раны, и влажной тканью её пальто. На коленях лежала сумка. Одной рукой она держала зеркало из пудреницы и смотрела на своё отражение. Когда Белов сел за руль, она закрыла зеркало.

— Зарегистрировали? — тихим голосом спросила Елена.

Он не ответил. Она посмотрела на его пустые руки:

— Где заявление? — повторила вопрос Елена.

Белов положил ладони на руль. Кожа под пальцами была холодной:

— Лена... — глухо произнёс Белов.

Она отвернулась к окну. По стеклу ползли капли растаявшего снега:

— Где заявление? — с ледяной отстранённостью спросила Елена.

— Нам нужно его забрать, — тяжело выдавил Белов.

Она медленно повернулась. Повреждённая сторона лица почти не двигалась:

— Кому нужно? — прямо спросила Елена.

— Послушай... — попытался начать Белов.

— Кому? — не отступая, выговорила Елена.

— Нам, — отвёл взгляд Белов.

— Не говори «нам», — отрезала Елена.

Он закрыл глаза:

— Они уничтожат дело, — попытался объяснить Белов.

— Тогда пусть уничтожают, — сухо ответила Елена.

— И меня вместе с ним, — тихим, но страшным признанием добавил Белов.

Елена смотрела на мужа долго. В её взгляде не было злости. Злость потребовала бы сил, которых у неё не осталось:

— Значит, всё, — с тихим смирением сказала Елена.

— Я попробую... — неуверенно начал Белов.

— Что? — сполна понимая всё, спросила Елена.

Он не нашёл ответа. Она кивнула, словно услышала именно то, что ожидала.

На следующий день Елена Андреевна пришла в лицей перед первым уроком. Без косметики. В тёмных очках, хотя за окнами стояло серое зимнее утро. На губе виднелся шов. Она двигалась медленно и держала сумку обеими руками. В учительской пахло кофе и лаком для волос. Коллеги замолчали, когда она вошла. Кто-то поднялся. Кто-то отвёл глаза. Наталья Сергеевна сделала шаг к ней, но остановилась.

— Лена... — с сочувствием и болью выдохнула Наталья Сергеевна.

Елена Андреевна положила на стол директора один лист. Карпов посмотрел на заголовок. «Заявление об увольнении».

— Елена Андреевна, не надо принимать решения на эмоциях, — попытался остановить её Карпов.

Она сняла очки. Опухший глаз открылся не полностью:

— Это не эмоции, — тихо, но твёрдо ответила Елена Андреевна.

— Мы готовы предоставить вам отпуск, психологическую помощь... — заговорил директор Карпов.

— Вы готовы вернуть его в класс? — прямо спросила Елена Андреевна.

Карпов молчал.

— Он сегодня пришёл? — спросила Елена Андреевна.

— Роман временно отстранён, — отводя взгляд, ответил Карпов.

Из коридора донёсся смех. Громкий, знакомый. Елена Андреевна повернула голову. Роман прошёл мимо открытой двери вместе с Тимой. На плече у него висел рюкзак. Он что-то рассказывал, размахивая рукой. Не отстранённый. Не задержанный. Не испуганный. Просто ученик, идущий на урок.

Елена Андреевна снова посмотрела на Карпова.

— Подпишите, — без тени сомнения потребовала Елена Андреевна.

Он опустил взгляд на заявление. Она развернулась и вышла.

Илья стоял у окна в конце коридора. Он видел, как Елена Андреевна идёт к лестнице, придерживая ладонью перила. Ученики расступались перед ней. Некоторые шептались. Один мальчик поднял телефон, но девушка рядом толкнула его локтем, заставив убрать. Елена Андреевна прошла мимо Ильи. На мгновение остановилась.

— Ты правильно сделал, что позвонил, — сказала она.

Илья хотел ответить, но горло сжалось. Она пошла дальше. Спустилась на первый этаж, надела пальто, забрала из гардероба шарф и вышла через стеклянные двери. На улице шёл снег. Он ложился на её волосы, плечи, сумку. Она не раскрыла зонт и не ускорила шаг. Илья смотрел ей вслед, пока фигура не исчезла за воротами.

Потом в коридоре появился Роман. Он шёл свободно, спокойно, жуя резинку. Тима двигался рядом. Они прошли мимо учительской, мимо директора, мимо стенда с надписью «Право и ответственность», мимо Ильи. Никто их не остановил. Илья понял это не умом. Тело поняло раньше. Холод прошёл по спине, пальцы онемели, сердце забилось медленно и тяжело. Закон не проиграл. Он даже не вступил в бой. Его отвели в сторону ещё до начала, заставили опустить глаза и подписать собственное отсутствие.

Видеозапись попала в сеть в восемнадцать сорок две. Не в общий родительский чат, не в закрытый школьный канал и не в городскую группу, где администраторы удаляли неудобные публикации быстрее, чем успевали появляться комментарии. Она возникла сразу в нескольких местах — на странице без фотографии, в анонимном канале, посвящённом школьным конфликтам, и в личной переписке журналистки областного издания.

Двадцать семь секунд. Этого хватило.

Камера дрожала в руках ученика. В кадре мелькали спины, край доски, поднятые телефоны. Потом изображение выравнивалось, и становилось видно, как Роман ударяет учительницу, как она падает между столом и стеной, как никто не идёт вперёд. Звук оказался хуже изображения, но именно он делал запись настоящей. Тяжёлое дыхание того, кто снимал. Скрип передвигаемых стульев. Чей-то шёпот: «Не лезь». Женский вскрик. Голос Романа: «Всё ещё ваш урок?» И ещё один голос, спокойный, почти ленивый: «Ром, хватит». После этой фразы запись обрывалась.

Видеофайл успели удалить через девять минут. Через одиннадцать он появился снова. Через двадцать его скачали больше тысячи раз. В девятнадцать пятнадцать школьная администрация выпустила короткое сообщение о «конфликтной ситуации между педагогом и несовершеннолетним обучающимся». В нём не было ни имени учительницы, ни слова «избиение», ни упоминания о скорой помощи. Родителей просили «не распространять непроверенную информацию и сохранять спокойствие». В девятнадцать двадцать восемь в сеть попала фотография окна пятого этажа. В девятнадцать сорок четыре — голосовое сообщение неизвестной женщины: «Мальчик в тяжёлом состоянии. Его привезли после падения. Полиция уже говорит, что несчастный случай, хотя там всё странно».

В двадцать десять появилась третья запись. Она была сделана скрытой камерой на нагрудном значке школьного медиацентра. Устройство продолжало работать после окончания линейки, пока ученик, которому поручили съёмку, бегал вместе со всеми во двор. Камера смотрела не туда, куда смотрел человек. Она захватывала куски происходящего: снег под ногами, рукава чужих курток, двери скорой помощи. И разговор.

— Возможно, несчастный случай, — говорил Карпов.

— Скорее всего, залез на подоконник, — отвечал начальник полиции Пахомов. — Сейчас дети любят ради видео рисковать.

Запись была неровной. Ветер перебивал слова. Но затем в кадре появлялся телефон Артёма в руке директора. Было видно, как Карпов останавливает запись и убирает аппарат во внутренний карман.

В двадцать три ноль семь материалы легли на стол помощника заместителя губернатора Московской области. В двадцать три сорок одну видеозаписи уже смотрели в Москве.

Комната экстренных совещаний находилась на четвёртом этаже административного здания, где после десяти вечера всегда пахло одинаково: остывшим кофе, пылью от вентиляции и разогретой в микроволновке едой. За окнами шёл снег. Он летел почти горизонтально, прилипая к тёмному стеклу. Москва за ним расплывалась в пятна белого, красного и жёлтого света. На длинном столе стояли открытые ноутбуки, бутылки воды, несколько чашек и пластиковый контейнер с нетронутыми бутербродами. Люди входили один за другим, снимали пальто, молча здоровались, занимали места. Никто не спрашивал, почему совещание назначили после полуночи. Причина висела на экране.

Кадр из школьного кабинета. Учительница на полу. В правом углу — поднятый телефон ученика.

Первым пришёл полковник внутренней безопасности Михаил Аркадьевич Ланской. Он двигался медленно, как человек, который не позволял спешке влиять на решения. Седые волосы были коротко подстрижены, воротник рубашки застёгнут, но галстук он ослабил ещё в коридоре. В руках держал тонкую серую папку. Следом вошла представительница федераль-

ной прокуратуры Вера Константиновна Мельникова. Невысокая женщина с тяжёлым портфелем, сухими руками и привычкой снимать очки перед тем, как задать неприятный вопрос. Снег растаял на её чёрном пальто и оставил тёмные пятна на плечах. У стены расположился человек из управления собственной безопасности полиции, майор Савельев. Он не снял куртку, хотя в комнате было жарко. Сидел боком к столу, вытянув больную ногу, и массировал пальцами колено. Последним вошёл Аркадий Волков, заместитель руководителя межведомственной группы по защите несовершеннолетних. Полноватый, с красными от недосыпа глазами и слишком мягким голосом для должности, на которой приходилось говорить о вещах, после которых люди переставали спать.

— Начинаем, — сказал Ланской.

Свет приглушили. На экране пошло видео. Никто не отворачивался. Мельникова сняла очки и положила их рядом с блокнотом. Савельев перестал массировать колено. Волков сцепил пальцы и прижал большие пальцы друг к другу так сильно, что ногти побелели. Когда запись закончилась, экран на секунду стал чёрным. В нём отразились лица сидящих.

— Ещё раз последние четыре секунды, — попросила Мельникова.

Оператор вернул фрагмент. Роман замахивается. Учительница падает. Голос Тимы: «Ром, хватит». Стоп-кадр.

— Кто это сказал? — спросила Мельникова.

— Тимур Гусев, шестнадцать лет, — ответил Волков. — Сын Владимира Андреевича Гусева.

Он открыл папку. Бумага зашуршала слишком громко:

— Региональный предприниматель, — зачитал Волков. — Строительные контракты, логистика, торговые площади, обслуживание муниципального транспорта, две частные охранные организации. Учредитель благотворительного фонда. Член попечительского совета лицея. Финансировал ремонт местного отдела полиции, спортивного комплекса и городской детской больницы.

— Финансировал? — переспросил Савельев. — Или покупал?

Волков не ответил. Ланской посмотрел на экран:

— Состояние учителя? — спросил Ланской.

— Ушибы, перелом носа, рассечение губы, подозрение на сотрясение, — доложил Волков. — Заявление подано и почти сразу отозвано.

— Почти сразу? — уточнил Ланской.

Мельникова надела очки.

— Муж — сотрудник полиции, — пояснил Волков. — Старший лейтенант Белов. Он принёс заявление лично. Через сорок минут забрал.

— Почему? — спросила Мельникова.

— Официально — примирение сторон, — ответил Волков.

Савельев коротко выдохнул через нос:

— За сорок минут? — с сарказмом переспросил Савельев.

— Неофициально, — продолжил Волков, — начальник отдела Пахомов вызвал его к себе. После разговора Белов забрал заявление. На следующий день учительница уволилась.

— А школьник? — спросила Мельникова.

На экране появилось лицо Артёма. Фотография из личного дела: худой мальчик с неровно подстриженной чёлкой смотрел чуть ниже объектива.

— Тяжёлая сочетанная травма. Жив, — сообщил Волков. — Находится в реанимации. В сознание полностью не приходил.

Ланской поднял взгляд:

— Телефон? — спросил Ланской.

— Изъят местной полицией, — ответил Волков. — В протоколе указано, что найден сотрудниками на территории школы.

— На видео его поднимает директор, — заметил Ланской.

— Да, — подтвердил Волков.

— Запись сохранилась? — спросил Ланской.

— Неизвестно, — ответил Волков. — Аппарат уже передали на экспертизу местному специалисту.

Савельев усмехнулся:

— Значит, нет, — констатировал Савельев.

— Мы запросили копию образа памяти, — добавил Волков. — Нам сообщили, что устройство повреждено.

Савельев снова потёр колено:

— Как удобно, — прокомментировал Савельев.

Ланской открыл серую папку:

— Что по обращениям до этого? — спросил Ланской.

На экране появилась таблица. За два года — семнадцать жалоб родителей на травлю, вымогательство, избиения, угрозы и уничтожение личного имущества. Девять заявлений отозваны. Пять отказных материалов. Три не зарегистрированы.

— Не зарегистрированы? — переспросила Мельникова.

— У родителей нет талонов-уведомлений, — пояснил Волков. — В журнале сообщений записи отсутствуют.

— В прокуратуру обращались? — спросила Мельникова.

— Четыре раза, — ответил Волков. — Ответы подписаны одним и тем же заместителем прокурора. Нарушений не установлено.

— Образование? — уточнил Ланской.

— Городской отдел образования проводил две проверки, — доложил Волков. — Обе закончились рекомендациями усилить профилактическую работу и провести классные часы.

Мельникова снова сняла очки:

— Классные часы... — с горькой иронией произнесла Мельникова.

Она произнесла это так, будто пробовала на вкус что-то испорченное.

Ланской листал материалы. Страница за страницей. Справки, ответы, жалобы, фотографии синяков, характеристики учеников, объяснительные. В каждой бумаге было достаточно слов, чтобы скрыть отсутствие действий.

— Здесь система, — убеждённо сказал Савельев.

— Здесь район, — возразил Волков. — Не надо сразу...

— Я сказал — система, — перебил Савельев.

Савельев повернулся к нему всем корпусом. Больная нога осталась вытянутой, и от резкого движения его лицо на секунду исказилось:

— Директор прячет телефон. Начальник полиции формулирует версию до осмотра места. Учителя заставляют забрать заявление. Прокуратура не видит семнадцать обращений. Образование проводит беседы. Это не район. Это замкнутый контур.

— Мы можем направить комиссию, — предложил Волков.

— Кого? — переспросила Мельникова. — Тех же людей, которые проверяли их два года?

— Областную, — уточнил Волков.

— Они предупредят местных за сутки, — возразила Мельникова. — Директор проведёт уборку, родители подпишут нужные объяснения, телефоны исчезнут, дети скажут, что всё придумали.

— Тогда прокурорскую группу, — настоял Волков.

Савельев скептически хмыкнул:

— В форме и с официальным письмом? Они встретят её хлебом, солью и пустыми серверами.

Волков устало провёл ладонью по лицу:

— Мы не можем вводить силовое подразделение в школу, — вздохнул Волков.

— Почему? — строго спросил Ланской.

Комната замолчала. Волков растерянно посмотрел на него.

— Потому что это школа, — ответил Волков.

— Сегодня ученик выпал из окна, а через два часа другой ученик избил педагога перед классом, — отчеканил Ланской. — Местный полицейский не смог защитить собственную жену. В какой момент это перестало быть школой?

Волков открыл рот, но не ответил. На столе завибрировал телефон Мельниковой. Она посмотрела на экран и отклонила вызов.

— Есть ещё один фактор, — сообщила Мельникова. — Запись уже увидели журналисты. Утром она выйдет за пределы региона. Если мы пойдём обычной процедурой, начнутся утечки. Местные зачистят следы раньше, чем будет подписано первое поручение.

— Что вы предлагаете? — растерянно спросил Волков.

Ланской закрыл папку:

— Экспериментальную группу, — твёрдо произнёс Ланской.

— На каком основании? — удивился Волков.

— Межведомственное поручение по защите несовершеннолетних, организованной преступности и противодействию коррупции, — чеканя формулировку, ответил Ланской.

— Такого отдела не существует! — возразил Волков.

— Через два часа будет существовать, — отрезал Ланской.

Волков откинулся в кресле. Пластик тихо скрипнул под его весом:

— Вы понимаете, что говорите? — понизив голос, спросил Волков.

— Да, — лаконично подтвердил Ланской.

— Широкие полномочия в образовательной организации? Оперативные мероприятия против несовершеннолетних? Силовое вмешательство? — с тревогой перечислил Волков.

— Против организаторов насилия, взрослых покровителей и лиц, препятствующих расследованию, — жёстко уточнил Ланской.

— Это всё равно беспрецедентно, — покачал головой Волков.

— Поэтому и называется экспериментальным, — поставил точку Ланской.

— Полномочия должны идти напрямую от федерального координационного центра, — потребовала Мельникова. — Без согласования с районной полицией и администрацией.

— Иначе всё бессмысленно, — согласился Савельев.

— Доступ к финансовым данным, школьным архивам, записям камер, медицинским документам, журналам полиции и материалам прокуратуры, — продолжила Мельникова. — Возможность немедленного отстранения сотрудников, если они уничтожают доказательства или давят на свидетелей.

— Вы хотите дать одному человеку право отстранять директора, полицейского и чиновника образования? — потрясённо спросил Волков.

Ланской посмотрел на Волкова:

— Не одному человеку, — спокойно возразил Ланской. — Руководителю специальной межведомственной группы.

— Кого вы вообще поставите? — не унимался Волков.

Ответ прозвучал не сразу. Савельев перестал смотреть на экран и перевёл взгляд на Ланского:

— Только не её, — хмуро предупредил Савельев.

Ланской слегка поднял брови:

— Почему? — спросил Ланской.

— Потому что вы знаете, что она делает, — твёрдо сказал Савельев.

— Именно поэтому, — с ледяной уверенностью ответил Ланской.

Волков растерянно оглядел их:

— О ком речь? — спросил Волков.

Мельникова закрыла папку:

— Ростова, — произнесла Мельникова.

В комнате снова стало тихо. Не так, как после видеозаписи. Иначе. Имя не вызвало удивления. Оно вызвало память. Савельев медленно покачал головой:

— Она не следователь, — возразил Савельев.

— Она работала в оперативном подразделении, — напомнил Ланской. — И ушла после того, как отказалась выполнять незаконный приказ.

— Она сломала челюсть полковнику, — констатировал Савельев.

— После того как он приказал вернуть ребёнка человеку, на которого поступило заявление о насилии, — отчеканил Ланской.

— Всё равно сломала, — настоял Савельев.

— Полковник выжил, — с ледяной иронией парировал Ланской.

Мельникова посмотрела поверх очков:

— Это теперь критерий отбора? — с иронией спросила Мельникова.

Ланской даже не улыбнулся:

— Она умеет действовать там, где процедура используется для прикрытия преступления, — подвёл черту Ланской.

— Она неуправляемая, — сомневался Савельев.

— Нет. Она неуправляема людьми, которые требуют от неё нарушить задачу.

— Есть разница? — спросила Мельникова.

— Большая, — ответил Савельев.

Волков задумчиво провёл пальцем по краю бутылки с водой:

— И где она сейчас? — спросил Волков.

Ланской посмотрел на часы:

— Через сорок минут будет здесь, — ответил Ланской.

— Это собеседование или задержание? — спокойным, сухим голосом спросила Ростова.

— Садитесь, — предложил Ланской.

— Значит, собеседование, — заключила Ростова.

Она сняла куртку и повесила на спинку стула. Под ней был чёрный свитер без надписей. Ростова села, положила перед собой телефон и посмотрела на замерший кадр школьного кабинета. Учительница на полу. Роман над ней:

— Кто выложил? — спросила Ростова.

— Неизвестно, — ответил Волков.

— Плохо искали, — отрезала Ростова.

— Мы занимаемся этим меньше трёх часов, — попытался оправдаться Волков.

— Тогда рано говорить «неизвестно», — жёстко отметила Ростова.

Она провела пальцем по краю стола. На коже осталась тонкая полоска пыли. Ростова посмотрела на неё, стёрла большим пальцем и только потом перевела взгляд на Ланского:

— Что вам нужно? — прямо спросила Ростова.

— Возглавить специальную группу, — ответил Ланской.

— Нет, — отчеканила Ростова.

Волков моргнул. Ланской не изменился в лице:

— Вы ещё не слышали условия, — спокойно заметил Ланской.

— Я услышала слово «специальную», — пояснила Ростова. — Обычно оно означает, что обычные службы всё испортили, а теперь нужен человек, на которого потом удобно повесить последствия.

Савельев отвёл взгляд, скрывая улыбку.

— Посмотрите материалы, — сказал Ланской.

— Я посмотрела видео в машине, — ответила Ростова.

— Это не всё, — возразил Ланской.

— Никогда не всё, — с сарказмом произнесла Ростова.

Мельникова придвинула к ней папку. Ростова не открыла:

— Мальчик жив? — спросила Ростова.

— Да, — ответил Волков. — Тяжёлое состояние.

— Учительница? — продолжила расспрашивать Ростова.

— Уволилась, — пояснил Волков. — Заявление отозвано под давлением.

— Кем? — уточняла Ростова.

— Начальником отдела полиции, — сообщил Волков. — Вероятно, по указанию Гусева.

— «Вероятно» или по указанию? — въедливо переспросила Ростова.

— Прямой записи разговора нет, — развёл руками Волков.

Ростова открыла папку. Читала быстро, но не перелистывала страницы небрежно. Задерживалась на фотографиях, возвращалась к фамилиям, проводила ногтем под строками с датами:

— Семнадцать жалоб, — подытожила Ростова. — И никто не сел.

— Именно, — подтвердил Ланской.

— Пять отказных материалов написал один дознаватель, — подчеркнула Ростова.

— Да, — с досадой подтвердил Волков.

— Три заявления исчезли, — продолжала считать факты Ростова.

— Да, — снова признал Волков.

— Директор школы входит в попечительский фонд Гусева, — зачитала Ростова.

— Да, — откликнулся Волков.

— Начальник полиции получил от его фонда два автомобиля, — зафиксировала Ростова.

Савельев подался вперёд:

— Формально автомобили переданы муниципалитету, — пояснил Савельев.

Ростова посмотрела на него:

— Значит, взятка с гербом, — сухо резюмировала Ростова.

Савельев усмехнулся:

— Можно и так, — согласился Савельев.

Она дошла до справки об Артёме. Палец остановился на фотографии:

— Кто был с ним последним? — спросила Ростова.

— Роман Орлов, — ответил Волков. — Ученик. Входит в близкий круг Тимура Гусева.

— Задержан? — резко спросила Ростова.

— Нет, — с неохотой ответил Волков.

Ростова подняла глаза:

— После избиения учительницы? — жёстко переспросила Ростова.

— Нет, — снова повторил Волков.

— После возможной причастности к падению? — давила Ростова.

— Нет, — вздохнул Волков.

— Тогда почему мы сидим? — с недоумением спросила Ростова.

Ланской сцепил руки:

— Потому что обычное задержание сейчас даст местным возможность уничтожить остатки доказательств, — взвешенно ответил Ланской. — И потому что нам нужен не только подросток.

— Вам нужен отец, — мгновенно поняла Ростова.

— Нам нужна вся структура, — уточнил Ланской.

Ростова закрыла папку:

— Полномочия? — коротко спросила Ростова.

Мельникова достала отдельный документ:

— Федеральная межведомственная группа, — зачитала Мельникова. — Прямое подчинение координационному центру. Доступ к материалам полиции, прокуратуры, органов образования и муниципальных структур. Право проводить оперативные действия без предварительного уведомления местных руководителей.

— Отстранение? — деловито уточняла Ростова.

— По согласованию с федеральным куратором, — ответила Мельникова.

— Это долго, — коротко отрезала Ростова.

— Экстренное отстранение до сорока восьми часов — вашим постановлением, если есть риск давления на свидетелей или уничтожения доказательств, — пояснила Мельникова.

— Обыск? — давила вопросами Ростова.

— По ускоренной процедуре через дежурного судью, — подтвердила Мельникова.

— Задержание? — не сбавляла темпа Ростова.

— В рамках федерального производства, — откликнулась Мельникова.

— Несовершеннолетние? — вёдливо спросила Ростова.

— С участием законных представителей и федерального специалиста по делам несовершеннолетних, — зафиксировала Мельникова.

Ростова перевела взгляд на Ланского:

— А теперь скажите то, ради чего меня позвали, а не следователя, — прямо потребовала Ростова.

Ланской выдержал паузу:

— Вы имеете право применять силу при непосредственной угрозе жизни и здоровью, — отчеканил Ланской. — В том числе внутри образовательных учреждений. Местные силовые структуры не могут отменить ваши решения или задержать членов группы при исполнении без санкции федерального центра.

— Иммунитет? — уточнила Ростова.

— Функциональная защита, — поправил Ланской.

— Красивое слово, — с усмешкой отметила Ростова.

— Не абсолютная, — с нажимом добавил Ланской. — Каждое применение силы фиксируется и проверяется.

— Кем? — мгновенно спросила Ростова.

— Не Пахомовым, — жёстко ответил Ланской.

Ростова откинулась на спинку кресла. Ткань свитера натянулась на плечах:

— Вы хотите, чтобы я вошла в школу, где дети привыкли снимать избиение на телефон, а взрослые — стирать записи, — медленно произнесла Ростова. — И за несколько недель объяснила всем, что правила изменились.

— Не объяснила, — поправил Ланской. — Доказала.

— А когда Гусев позвонит вам? — спросила Ростова.

— Позвонит, — согласился Ланской.

— Когда предложит деньги? — продолжала Ростова.

— Предложит, — кивнул Ланской.

— Когда найдёт на вас материалы? — давила Ростова.

— Найдёт, — спокойным тоном ответил Ланской.
— И вы не отзовёте мандат? — спросила Ростова.
Ланской посмотрел на неё прямо:
— Нет, — твёрдо ответил Ланской.
Ростова постучала ногтем по папке. Один раз. Второй:
— Вы уже врёте, — без колебаний заявила Ростова.
Волков напрягся. Ланской остался неподвижен:
— Почему? — выдержанно спросил Ланской.
— Потому что любой мандат действует, пока цена его защиты ниже цены скандала, — пояснила Ростова. — Когда станет наоборот, вы скажете, что я превысила полномочия.
— Возможно, — честно признал Ланской.
Мельникова повернула голову к нему. Ростова перестала стучать:
— Вот теперь честно, — сухо отметила Ростова.
— Поэтому все распоряжения будут письменными, — пояснил Ланской. — С цифровой регистрацией вне региональной системы. Если нас заставят отступить, материалы автоматически уйдут в несколько ведомств и средств массовой информации.
— Страховка, — резюмировала Ростова.
— Для вас и для нас, — подтвердил Ланской.
— Состав группы? — деловито спросила Ростова.
— Вы выбираете сами, — ответил Ланской. — Временно получите аналитика, следователя, двух оперативников и специалиста по работе с несовершеннолетними.
— Местных не беру, — отрегулировала условия Ростова.
— Это разумно, — согласился Ланской.
— Кабинет не в полиции, — добавила Ростова.
— Подготовим отдельное помещение, — пообещал Ланской.
— Связь своя, — потребовала Ростова.
— Да, — без колебаний ответил Ланской.
— Транспорт без районных номеров, — продолжала диктовать условия Ростова.
— Да, — снова подтвердил Ланской.
— Доступ к больнице, школе и архивам — до моего прибытия, — настойчиво выделила Ростова.
— Будет, — отчеканил Ланской.
— И последнее, — с особым нажимом произнесла Ростова.
Ростова наклонилась вперёд:
— Если подросток поднимает руку на учителя, а рядом стоят тридцать человек с телефонами, проблема не в одном подростке, — глядя ему прямо в глаза, чеканя каждое слово, заявила Ростова. — Если вы ждёте, что я найду виновного, оформлю дело и уеду, ищите другого.
— Что вы намерены сделать? — с тревогой спросил Волков.
Она посмотрела на экран. На Романа. На телефоны. На лежащую женщину:
— Найти того, кто научил их, что последствий не существует, — с ледяной угрозой подвела черту Ростова.
— Тогда подписывайте, — произнёс Ланской.
Ростова взяла ручку. Не сразу коснулась бумаги. Сначала прочитала каждую строку, включая мелкий текст внизу. Потом быстро зачеркнула один пункт.
— Что вы убрали? — нахмурившись, спросила Мельникова.
— Обязательное согласование публичных заявлений с региональной администрацией, — спокойно ответила Ростова.
— Они будут возражать, — предупредила Мельникова.

— Пусть начинают заранее, — отрезала Ростова.

Она поставила подпись. Ланской поставил подпись рядом.

В этот момент за окном прошёл снегоуборочный трактор. Жёлтый проблесковый маяк скользнул по стенам комнаты, по лицам людей, по школьному кадру на экране. На несколько секунд всё стало похоже на место происшествия.

В Павловский Посад Ростова въехала в шесть двадцать утра. Ночь ещё не закончилась, но небо уже посветлело над крышами. Снег перестал. Дороги очистили только наполовину, и машина время от времени уходила колёсами в рыхлую белую кашу. Ростова сидела на заднем сиденье серого служебного автомобиля и читала материалы на планшете. Рядом лежала та самая папка, теперь уже заполненная закладками и её короткими пометками.

Кто снимал? Кто удалял? Телефон Артёма.

Белов — поговорить без отдела.

Учительница — не давить.

Илья Морозов — свидетель.

Последнюю фамилию она обвела дважды.

Водитель, молчаливый мужчина лет пятидесяти с седыми усами, убавил скорость возле железнодорожного переезда.

— Шлагбаум, — сказал он.

Ростова подняла взгляд. За стеклом тянулся обычный подмосковный город. Невысокие дома, магазины с ещё не включёнными вывесками, остановки, замётённые снегом дворы. На перекрёстке дворник в оранжевом жилете разбивал лопатой ледяной вал. У круглосуточной аптеки курьер перекладывал коробки из фургона. Из трубы над частным домом поднимался ровный дым. Ничего угрожающего. Ничего, что предупреждало бы: здесь закон уже научился уступать дорогу нужным людям.

За переездом показалась белая церковь. Купола темнели на фоне серого неба. По тротуару шла женщина с ребёнком, держа его за капюшон, чтобы тот не выбежал на дорогу. Мальчик вырывался, наступал в сугробы и оставлял неровную цепочку следов. Ростова смотрела на них, пока машина не свернула.

— Лицей далеко? — спросила Ростова.

— Минут десять, — ответил водитель.

— Сначала больница, — скомандовала Ростова.

Водитель посмотрел в зеркало:

— По плану штаб, — возразил водитель.

— План изменился, — сухо отрезала Ростова.

— Мне сообщили... — попытался аргументировать водитель.

— Теперь я сообщила, — поставила точку Ростова.

Он кивнул. Машина повернула к больничному комплексу. Ростова погасила экран планшета и положила ладонь на папку. Под пальцами чувствовались неровности скрепок, края фотографий, сложенный вдвое мандат.

Она не любила школы. Не здания, не уроки, не детей. Школы она не любила за закрытые двери и слова «мы разберёмся». За коридоры, в которых взрослый всегда успевал повернуть голову на секунду позже. За коллективные объяснения, где никто ничего не видел. За фотографии улыбающихся классов, снятые через день после того, как одного из учеников довели до больницы.

Машина проехала мимо остановки. На прозрачной стенке кто-то написал пальцем по инею: «ТЫ СЛЕДУЮЩИЙ». Буквы уже начали таять. Ростова повернула голову, но остановка осталась позади. Она снова открыла планшет. На экране возникло лицо Ильи Морозова —

фотография из школьного личного дела. Шестнадцать лет. Обычная стрижка. Напряжённый взгляд. Чуть поднятый подбородок, будто фотограф приказал сидеть ровнее, а он воспринял это как вызов. Единственный ученик, который вызвал скорую. Единственный, кто вслух назвал Романа.

Ростова увеличила фотографию.

— И долго ты продержишься один? — тихо произнесла она.

Водитель не расслышал.

— Что? — переспросил водитель.

— Ничего, — ответила Ростова и отвернулась к окну.

Впереди появилась больница. За её главным корпусом уже занимался бледный зимний рассвет. Ростова застегнула куртку, убрала планшет в сумку и проверила внутренний карман, где лежало удостоверение нового отдела. Металл значка был холодным. Машина остановилась. Елена Ростова открыла дверь и ступила в снег.

К четвёртому уроку снег снова пошёл. Не крупный, праздничный, как на открытках, а мелкий и колючий. Он шёл почти горизонтально, царапал стёкла и забивался в щели старых рам. За окном школьного кабинета город постепенно терял очертания. Белели крыши частных домов, растворялись ветви деревьев, исчезала дорога за оградой лицея. Машины на парковке превращались в неподвижные серые холмы.

В кабинете истории пахло влажной одеждой, пылью от мела и резким мужским одеколоном, которым учитель, Виктор Семёнович, пользовался слишком щедро. Запах держался возле доски плотным облаком и смешивался с горячим металлом батарей. Урок формально шёл. Виктор Семёнович стоял у карты и указкой проводил по западным границам Российской империи. Указка дрожала. Не сильно, но достаточно, чтобы деревянный кончик постукивал по ламинированной поверхности.

— После подписания... соответствующих соглашений, — произнёс он, — политическая ситуация в регионе...

Никто не слушал. Учебники лежали раскрытыми, но глаза учеников тянулись к телефонам. В школьных чатах продолжали обсуждать увольнение Елены Андреевны. Появилась фотография, сделанная утром у гардероба: учительница в тёмных очках выходит из здания. Под снимком уже набралось больше сотни комментариев. «Сама виновата». «Нечего было лезть к ученику». «У Романа нервный срыв после падения Артёма». «Её муж мент, а толку?» Последний комментарий повторяли чаще других. Илья видел, как слова возникают на экране и тут же пересылаются дальше. Они словно обрастали уверенностью от одного количества повторов. К середине урока никто уже не сомневался, что Елена Андреевна сама ударила Романа первой, а он всего лишь защищался.

Видео исчезло почти отовсюду. Некоторые ученики сохранили копии, но не показывали. После утренней беседы с завучем телефоны проверяли выборочно. Двоих вызвали к директору. Одному пригрозили исключением за распространение материалов, порочащих лиц.

Роман сидел на задней парте, закинув ногу на соседний стул. На пальцах правой руки блестели два массивных кольца. Он снимал их и снова надевал, разглядывая следы на коже. Рядом лежала банка энергетика, хотя напитки в кабинетах запрещались. Время от времени Роман делал глоток, громко ставил банку на парту и смотрел на Виктора Семёновича. Учитель каждый раз сбивался.

— Таким образом, — продолжал Виктор Семёнович, — переход к новой системе управления...

— Громче, — перебил его Роман.

Виктор Семёнович остановился:

— Что? — растерянно переспросил Виктор Семёнович.

— Ничего не слышно, — отрезал Роман.

— Я говорю достаточно громко, — попытался возразить Виктор Семёнович.

— Для себя, может быть, — с усмешкой бросил Роман.

Класс зашевелился. Кто-то усмехнулся. Кто-то уткнулся в учебник. Виктор Семёнович взял мел и повернулся к доске. На воротнике его рубашки проступила тёмная полоска пота:

— Запишите дату, — попробовал вернуть контроль Виктор Семёнович.

— Какую? — спросил Роман.

— Она указана на доске, — ответил Виктор Семёнович.

— Я не вижу, — небрежно заявил Роман.

— Пересядь ближе, — потребовал Виктор Семёнович.

— А вы напишите больше, — дерзко парировал Роман.

Виктор Семёнович сжал мел. Белая крошка посыпалась ему на пальцы.

Илья смотрел на учителя и видел то, чего не замечал раньше. Не раздражение и не слабость. Расчёт. Сколько осталось до звонка. Стоит ли отвечать. Кто сидит рядом с Романом. Где находится Тима. Открыта ли дверь. Есть ли в коридоре кто-то из администрации. Урок превратился в минное поле, и взрослый человек возле доски выбирал, куда поставить ногу.

Тима сидел у окна. Он не вмешивался. Перед ним лежала закрытая тетрадь, рядом — дорогая ручка с серебристым корпусом. Тима медленно вращал её между пальцами, слушая не учителя, а происходящее вокруг. После падения Артёма он стал ещё спокойнее. Илья заметил это сразу. Когда люди нервничали, они говорили громче, двигались быстрее, чаще трогали лицо. Тима, наоборот, будто замедлился. Каждое его движение стало точным. Он дольше смотрел на собеседника. Реже улыбался. Не тратил слов там, где хватало поворота головы. Роман смеялся, хамил, размахивал руками. Тима сидел. И всё равно именно он держал класс. Илья чувствовал его присутствие кожей, как чувствуют человека, стоящего слишком близко за спиной.

В коридоре раздались шаги. Не быстрые. Не учительские. Учителя в лицее ходили по-разному, но все перед дверью замедлялись. Проверяли журнал, поправляли одежду, готовили лицо к встрече с классом. Эти шаги не замедлились. Они приблизились и остановились прямо у двери. Ручка опустилась.

В кабинет вошла женщина в чёрной кожаной куртке. Виктор Семёнович замолчал на середине фразы. Женщина закрыла за собой дверь, не оглядываясь. С её плеч и коротких тёмных волос таял снег. На шее был туго повязан яркий павлопосадский платок — глубокий красный цвет, тяжёлые зелёные листья, золотистые цветы. На фоне чёрной куртки он выглядел почти вызывающе, как знак, который невозможно не заметить. Женщина сняла перчатки. Пальцы у неё были сильные, с короткими ногтями. На правой кисти — тонкий белый шрам, уходивший под рукав. Она оглядела класс. Не пробежала взглядом, как делают учителя, пытаясь понять обстановку. Она увидела каждого. Илья почувствовал это сразу. Её взгляд задержался на лицах, телефонах, банке энергетика, раскрытых учебниках, ноге Романа на стуле. На Тиме она остановилась на секунду дольше. Потом посмотрела на Виктора Семёновича.

— Продолжайте урок, — спокойно сказала Ростова.

Учитель моргнул:

— Простите, вы кто? — растерянно спросил Виктор Семёнович.

— Ростова, — ответила она.

Она произнесла фамилию так, будто её должно было хватить:

— Я не получал распоряжений о посещении урока, — попытался возразить Виктор Семёнович.

— Поэтому я здесь, — отрезала Ростова.

Виктор Семёнович положил указку на стол:

— В таком случае вам следует сначала обратиться к директору, — указал Виктор Семёнович.

Ростова сняла куртку. Под ней оказался чёрный свитер и узкий кожаный ремень. На ремне висел небольшой чехол, похожий на служебный. Куртку она повесила на спинку свободного стула:

— Я уже обратилась, — ответила Ростова.

— И? — уточнял Виктор Семёнович.

— Он попросил меня подождать, — пояснила Ростова.

Виктор Семёнович выдавил неловкую улыбку:

— Значит, вероятно, вам лучше... — замялся Виктор Семёнович.

— Я плохо жду, — с ледяной уверенностью поставила точку Ростова.

Она подошла к последней свободной парте у стены и села. Не за учительский стол. Не возле двери. Так, чтобы видеть весь кабинет. Платок остался туго повязанным на шее. Яркие цветы лежали на чёрной ткани, будто пламя, которое не давало тепла.

В классе стало тихо. Телефоны медленно исчезли под партами. Даже Роман опустил ногу со стула. Виктор Семёнович кашлянул и снова взял указку.

— Продолжим, — вымолвил Виктор Семёнович.

Он повернулся к карте:

— После заключения соглашения... — начал читать Виктор Семёнович.

— А она что, проверяющая? — нагло спросил Роман.

Учитель не обернулся:

— Роман, не отвлекайся, — сделал замечание Виктор Семёнович.

— Я с ней разговариваю, — дерзил Роман.

Ростова смотрела на него:

— Тогда разговаривай, — спокойно разрешила Ростова.

Её голос был спокойным. В нём не слышалось ни раздражения, ни угрозы. Роман усмехнулся:

— Вы кто такая? — развязно спросил Роман.

— Я представилась, — напомнила Ростова.

— Мне ваша фамилия ничего не говорит, — фыркнул Роман.

— Это поправимо, — холодно ответила Ростова.

По классу прошёл лёгкий шум. Роман откинулся на спинку стула:

— Вы из полиции? — прощупывал почву Роман.

Ростова не ответила.

— Из опеки? — продолжал Роман.

Молчание.

— Психолог? — давил Роман.

Кто-то тихо хихикнул. Роман почувствовал поддержку и улыбнулся шире:

— Тогда вам не сюда, — с издевкой бросил Роман. — Психи в соседнем классе.

Виктор Семёнович резко повернулся:

— Роман, прекрати! — вскрикнул Виктор Семёнович.

— А что я сделал? — с наигранным удивлением ответил Роман.

Ростова поднялась. Не резко. Просто встала и пошла к нему между рядами. Звук её шагов по линолеуму был почти неслышен. Только каблук невысокого ботинка иногда касался металлической ножки парты. Роман продолжал улыбаться, но Илья увидел, как он выпрямился. Ему не понравилось, что женщина приближается. Не потому, что он боялся. Потому что она не просила разрешения войти в его пространство.

Ростова остановилась у последней парты.

— Встань, — ровным тоном приказала Ростова.

Роман посмотрел на неё снизу:

— Что? — с вызовом переспросил Роман.

— Встань, — повторила Ростова.

— Вы училка, что ли? — фыркнул Роман.

Ростова протянула руку и взяла банку энергетика. Она была почти полной. Алюминий тихо хрустнул под её пальцами. Ростова поставила банку на соседнюю парту:

— Я сказала встать, — ещё тише, но жёстче произнесла Ростова.

Роман медленно поднялся. Он был выше её на полголовы и шире в плечах. Рядом Ростова казалась почти обычной женщиной — не крупной, не тяжёлой, без внешней угрозы. Только взгляд оставался неподвижным:

— Ну встал, — развязно ответил Роман.

— Телефон, — потребовала Ростова.

— А что телефон? — усмехнулся Роман.

— Положи на стол, — отчеканила Ростова.

— Не хочу, — огрызнулся Роман.

— Это не вопрос, — холодно заметила Ростова.

Роман посмотрел через её плечо на Тиму. Тима перестал вращать ручку. Илья заметил, как сузились его глаза. Роман снова перевёл взгляд на Ростову:

— Вы слышали? Я не хочу, — с напором повторил Роман.

— Слышала, — спокойно подтвердила Ростова.

— Тогда отойдите, — бросил Роман.

Он поднял руку и толкнул её в плечо. Не сильно. Проверил. Обычно этого хватало. Учителя отступали, охранники хватались за рацию, взрослые начинали говорить громче и теряли время. Ростова не сдвинулась. Роман нахмурился.

— Я сказал, отойдите, — с нарастающей угрозой повторил Роман.

Он толкнул снова. На этот раз сильнее. Ростова сделала полшага назад. Роман улыбнулся. Победа длилась меньше секунды. Он вытянул руку в третий раз. Ростова перехватила её в движении. Всё произошло настолько быстро, что Илья сначала услышал звук, а уже потом понял, что изменилось. Короткий щелчок. Не громче сломанного карандаша. Роман вскрикнул. Его указательный палец оказался выгнут назад, кисть развёрнута ладонью наружу. Ростова держала его за руку двумя пальцами и большим пальцем давила на сустав. Роман попытался вырваться. Она шагнула в сторону, повернула его корпус и опустила запястье вниз. Роман согнулся.

— Сука! Отпусти! — заорал Роман от вспыхнувшей боли.

Ростова ещё немного усилила давление. Колени Романа с глухим стуком ударились о край парты:

— Агрессия зафиксирована, — с ледяным спокойствием произнесла Ростова. — Сопротивление зафиксировано. Угроза сотруднику при исполнении зафиксирована.

— Ты мне палец сломала! — прохрипел Роман, пытаясь вырваться.

— Пока нет, — сухо ответила Ростова.

Она сказала это без злости. Илья увидел страх в глазах Романа. Настоящий. Не обиду. Не бешенство. Страх человека, который впервые понял, что его тело перестало принадлежать только ему.

Роман рванул свободной рукой к лицу Ростовой. Она отпустила палец, перехватила запястье, развернула его и толкнула вперёд. Лоб и щека Романа ударились о дубовую крышку парты. Глухо. Банка энергетика подпрыгнула и покатилась по полу, разбрызгивая сладкую липкую жидкость. Телефоны попадали следом. Один стукнулся о линолеум возле Ильи. Второй проскользил под батареею. Кто-то вскрикнул и прижал руки к груди. Девочка у двери заплакала, ещё не понимая, почему.

Ростова удерживала Романа за плечо и запястье. Его лицо лежало на парте, щека расплющилась о тёмное дерево. Он дышал тяжело, с присвистом. Повреждённую руку прижимал к груди.

— Отпусти меня! — срываясь на фальцет, крикнул Роман.

— Перестань дёргаться, — спокойно приказала Ростова.

— Я тебя посажу! — заорал Роман.

— Запомни эту мысль, — сухо ответила Ростова.

Она чуть ослабила хватку. Роман снова попытался подняться. Ростова вернула его на парту одним коротким движением:

— Вторая попытка сопротивления, — ровным тоном зафиксировала Ростова.

— Тима! — отчаянно прохрипел Роман.

В классе никто не пошевелился. Тима сидел прямо. На лице его не было страха, но ручка в пальцах замерла. Большой палец побелел от давления на корпус. Ростова посмотрела на него.

— Ты Тима? — напрямую спросила Ростова.

Он не ответил сразу:

— Тимур Гусев, — сухо чеканя имя, поправил Тима.

— Я знаю фамилию, — ровно ответила Ростова.

— Тогда зачем спрашиваете? — с холодным вызовом уточнял Тима.

— Хотела услышать, как ты сам её произнесёшь, — спокойно пояснила Ростова.

Тима отложил ручку:

— Вы напали на несовершеннолетнего, — ровным, поставленным голосом заявил Тима.

— Он первым применил силу, — отрезала Ростова.

— Его слово против вашего, — парировал Тима.

Ростова слегка повернула голову. Вокруг лежали телефоны. Несколько продолжали снимать с пола, захватывая ножки парт, обувь и отражения в блестящем линолеуме.

— Не думаю, — спокойно возразила Ростова.

Виктор Семёнович наконец пришёл в движение. Он шагнул от доски, натолкнулся бедром на стол и едва не уронил журнал:

— Немедленно отпустите ученика! — дрожащим от волнения голосом потребовал Виктор Семёнович.

Ростова посмотрела на него:

— Подойдите, — ровно произнесла Ростова.

Учитель остановился:

— Что? — растерялся Виктор Семёнович.

— Подойдите и освободите его, — повторила Ростова.

Виктор Семёнович посмотрел на Романа. На руку Ростовой. На дверь:

— Я вызываю директора, — суетливо заявил Виктор Семёнович.

— Вызывайте, — с ледяным спокойствием разрешила Ростова.

Он схватил телефон со стола. Пальцы не слушались, и экран дважды погас, прежде чем он набрал номер. Ростова отпустила Романа. Тот резко выпрямился, прижимая повреждённый палец к груди. На щеке остался красный след от края парты. Из носа выступила тонкая полоска крови. Он посмотрел на Ростову с ненавистью.

— Ты труп, — процедил Роман.

Виктор Семёнович побледнел. Класс замер. Ростова достала из кармана небольшой диктофон, нажала кнопку:

— Повтори, — спокойно потребовала Ростова.

Роман открыл рот. В этот момент Тима поднялся со своего места:

— Роман, сядь, — властно скомандовал Тима.

Роман повернулся к нему. На секунду в его лице мелькнуло унижение. Не от боли и не от того, что его прижали к парте, — от приказа сесть перед всем классом:

— Она мне палец... — попытался оправдаться Роман.

— Сядь, — перебил его Тима.

Роман сел. Стул скрипнул под ним. Ростова убрала диктофон обратно в карман:

— Вот теперь урок можно продолжать, — произнесла Ростова.

Никто не поверил, что она говорит серьёзно. Но она вернулась к свободной парте, села и сложила руки перед собой. Виктор Семёнович стоял у стола с телефоном у уха:

— Александр Викторович, — дрожащим голосом произнёс Виктор Семёнович, — здесь... здесь женщина. Она напала на Романа Орлова.

Ростова посмотрела на часы:

— Через сколько он прибежит? — спросила Ростова у класса.

Никто не ответил.

— Минута двадцать, — подал голос Илья. — Его кабинет этажом ниже. Но он сначала позвонит охране.

Ростова едва заметно кивнула:

— Наблюдательный, — подметила Ростова.

Илья почувствовал, как нагрелись уши.

За дверью послышался топот. Охранник вошёл первым. Тот самый, который утром пропустил Романа и Тиму без карточек. Сейчас на его груди висела рация, в руке он держал резиновую дубинку, хотя доставать её не решался. Следом появился Карпов. На ходу он застёгивал пиджак. Лицо сохраняло директорскую собранность, но дыхание выдавало спешку.

— Что здесь происходит? — потребовал ответа Карпов.

Ростова не встала:

— Урок истории, — ровным тоном ответила Ростова.

Карпов увидел Романа. Красный след на щеке. Опухший палец. Кровь под носом:

— Кто это сделал? — нахмурился Карпов.

— Я, — ответила Ростова.

Директор будто только теперь заметил её:

— Вы? — опешил Карпов.

— Я, — повторила Ростова.

— На каком основании вы находитесь в классе? — повысил голос Карпов.

— На основании служебной необходимости, — холодно пояснила Ростова.

— Ваши документы! — скомандовал Карпов.

Ростова достала удостоверение и положила на парту. Карпов подошёл, но не взял его. Наклонился, прочитал обложку:

— Экспериментальный межведомственный отдел, — вслух произнёс Карпов. — Что это ещё такое?

— То, о чём вам не успели сообщить, — ответила Ростова.

— Вы применили насилие к ребёнку! — закипел Карпов.

— Я пресекла нападение, — отрезала Ростова.

— Здесь ребёнок с травмой! — возмутился Карпов.

— Здесь молодой человек, который вчера избил учителя, — жёстко парировала Ростова. В классе стало ещё тише. Карпов взглянул на учеников:

— Всем убрать телефоны! — гаркнул Карпов.

Никто не двинулся.

— Я сказал убрать! — повторил Карпов.

Ростова положила ладонь на стол:

— Не убирать, — спокойно приказала Ростова.

Два приказа столкнулись в воздухе. Ученики смотрели то на директора, то на Ростову. Раньше выбора не было. Голос Карпова всегда завершал спор. Теперь он завис. Карпов понял это. Лицо его напряглось:

— Вы не имеете права отдавать распоряжения моим ученикам! — процедил Карпов.

- Уже имею, — ответила Ростова.
- Покиньте лицей, — потребовал Карпов.
- Нет, — с ледяной уверенностью отрезала Ростова.
- Тогда я вызываю полицию, — пригрозил Карпов.
- Уже вызвали, — поставила точку Ростова.

Карпов нахмурился. В коридоре появилась новая группа людей. Начальник ОВД Пахомов вошёл в класс в расстёгнутой куртке. За ним двигались двое сотрудников патрульно-постовой службы. Молодой сержант держал руку возле кобуры и старательно не смотрел на учеников. Второй был старше, с широким лицом и красными от мороза ушами. Пахомов увидел Ростову и остановился. Не узнал её, но почувствовал неладное раньше, чем успел заговорить.

— Кто здесь Ростова? — громко спросил Пахомов.

Она подняла руку:

- Я, — ровно ответила Ростова.
- Встаньте, — потребовал Пахомов.
- Зачем? — спокойно уточнила Ростова.
- Вы задержаны по подозрению в применении насилия к несовершеннолетнему, —

отчеканил Пахомов.

По классу прошёл шорох. Ростова медленно поднялась:

- Уже задержана? — с иронией спросила Ростова.
- Я сказал: встаньте и пройдётесь с нами, — повысил голос Пахомов.
- Вы не назвали должность, не представились и не предъявили основание, — холодно

напомнила Ростова.

Пахомов достал удостоверение:

- Начальник ОВД Пахомов Сергей Петрович, — представился Пахомов.
- Знаю, — коротко ответила Ростова.
- Тогда не затягивайте, — сухо бросил Пахомов.

Он кивнул сержанту. Молодой сотрудник сделал шаг. Ростова посмотрела на него:

— Не советую, — с ледяным спокойствием предупредила Ростова.

Сержант остановился. Пахомов повысил голос:

— Выполняйте! — гаркнул Пахомов.

Сержант снова двинулся. Пальцы его дрогнули возле ремня. Ростова достала планшет. Не торопясь, разблокировала экран и нажала на значок видеосвязи:

- Вы пытаетесь сорвать федеральную операцию, — спокойно констатировала Ростова.
- Не смешите меня, — усмехнулся Пахомов.
- Уже нет, — поставила точку Ростова.

На экране появилось лицо Ланского. Он находился в том же кабинете, где ночью подписывали мандат. Галстук теперь был завязан, волосы уложены. За его плечом сидела Мельникова.

— Ростова, связь есть? — спросил Ланской.

— Есть, — ответила Ростова. — Передо мной начальник местного ОВД. Пытается меня задержать.

Пахомов побледнел, но быстро взял себя в руки:

— Назовите себя, — потребовал Пахомов, глядя в экран.

Ланской посмотрел прямо в камеру.

— Полковник внутренней безопасности Михаил Аркадьевич Ланской, — представился Ланской. — Федеральный координатор экспериментального отдела. Рядом со мной специальный прокурор области Вера Константиновна Мельникова.

Мельникова наклонилась к экрану:

— Сергей Петрович, — строго произнесла Мельникова, — отзовите сотрудников.

Пахомов сглотнул:

— У нас сообщение о нападении на несовершеннолетнего, — постарался возразить Пахомов.

— Исполнитель действовал в рамках специального мандата, — отрезала Мельникова.

— Она сломала ребёнку палец! — воскликнул Пахомов.

Ростова посмотрела на Романа:

— Палец не сломан, — ровно заметила Ростова.

— Он опух! — указывая на руку Романа, крикнул Пахомов.

— Это не медицинский диагноз, — сухо отчеканила Ростова.

Мельникова открыла документ.

— Согласно пункту семь экстренного протокола, — зачитала Мельникова, — руководитель отдела вправе применять физическое принуждение для немедленного пресечения нападения, угрозы свидетелям, уничтожения доказательств и сопротивления законным требованиям.

Пахомов провёл ладонью по подбородку:

— Это школа, а не зона контртеррористической операции, — попытался сыграть на абсурдности ситуации Пахомов.

— На период действия мандата, — чеканя каждое слово, продолжила Мельникова, — режим внутри проверяемого учреждения приравнен по объёму защиты сотрудников к специальной силовой операции.

Виктор Семёнович опустил на стул. Карпов остался стоять:

— Это невозможно, — сдавленно произнёс Карпов.

Ланской услышал:

— Директор Карпов? — уточняюще спросил Ланской.

— Да, — откликнулся Карпов.

— С этой минуты вы обязаны выполнять распоряжения Ростовой, — твёрдо заявил Ланской. — Препятствие работе группы повлечёт немедленное отстранение и возбуждение дела о воспрепятствовании федеральной проверке.

Карпов сделал шаг к планшету:

— У нас автономное образовательное учреждение! — попытался ухватиться за статус Карпов.

— У вас место совершения серии преступлений, — отрезала Мельникова.

Слова ударили по классу сильнее звонка. Преступлений. Не конфликтов. Не происшествий. Не сложных подростковых ситуаций. Илья почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Словно тяжёлую мебель, годами стоявшую у двери, наконец оттащили в сторону.

Пахомов достал из папки бланк.

— Протокол уже составлен, — с холодным упрямством заявил Пахомов.

Ростова протянула руку:

— Покажите, — ровным тоном потребовала Ростова.

Он не хотел отдавать. Она ждала. Пахомов передал лист. Ростова прочитала первые строки:

— «Гражданка Ростова совершила неспровоцированное нападение», — зачитала Ростова.

Она подняла глаза:

— Вы опросили свидетелей? — строго спросила Ростова.

Пахомов молчал.

— Посмотрели записи? — продолжала давить Ростова.

Молчание.

— Установили порядок действий? — задала третий вопрос Ростова.

— Мы получили сообщение, — буркнул Пахомов.

— От директора, который уже скрывал телефон пострадавшего ученика, — отчеканила Ростова.

Карпов резко вдохнул:

— Это ложь! — возмутился Карпов.

— Видео у меня, — ровно ответила Ростова.

Ростова повернула планшет к классу. На экране Ланской молчал, позволяя ей действовать:

— Сергей Петрович, — обратилась Ростова к Пахомову, — вы снова приняли решение до проверки обстоятельств. Вчера — несчастный случай. Сегодня — неспровоцированное нападение. У вас талант заранее знать удобную правду.

На лбу Пахомова выступил пот:

— Вы переходите границы! — с трудом удерживая голос, прошипел Пахомов.

— Нет. Я их показываю, — ледяным тоном парировала Ростова.

Она вернула ему протокол:

— Порвите, — приказала Ростова.

Он не взял:

— Что? — опешил Пахомов.

— Порвите протокол задержания, — жёстко повторила Ростова.

Пахомов посмотрел на экран. Мельникова не отвела глаз:

— Документ можно аннулировать установленным порядком, — попытался найти выход Пахомов.

— Его составили без проверки и с заведомо ложной формулировкой. Порвите, — потребовала Ростова.

— Это унижение сотрудника полиции! — закипел Пахомов.

— Учительницу били перед детьми. Её мужа заставили забрать заявление. Это было унижением. Сейчас — процедура восстановления понимания полномочий, — отрезала Ростова.

Пахомов сжал челюсть. За его спиной стояли двое патрульных. Вдоль стен — ученики. Карпов. Учитель. Роман. Тима. Все смотрели:

— Я не буду устраивать цирк, — процедил Пахомов.

Ланской заговорил впервые за несколько минут:

— Сергей Петрович, отказ будет расценён как прямое неповиновение руководителю федеральной группы, — гробовым голосом произнёс Ланской. — Сотрудники рядом с вами получают приказ задержать уже вас.

Молодой сержант опустил глаза. Второй патрульный переступил с ноги на ногу. Пахомов взял протокол. Бумага дрожала в его руках. Он согнул лист пополам. Ростова ждала. Тогда Пахомов разорвал его. Звук получился негромким. Но Илья услышал его ясно. Пахомов разорвал половинки ещё раз и бросил куски в мусорную корзину.

Ростова посмотрела на Романа.

— Теперь извинитесь, — ровным, непреклонным тоном приказала Ростова.

Пахомов замер:

— Перед кем? — с нескрываемым шоком переспросил Пахомов.

— Передо мной. Перед классом. За попытку незаконного задержания и давление на свидетелей, — холодно отчеканила Ростова.

Карпов закрыл глаза на секунду. Тима сидел неподвижно. Только жилка на его виске начала биться быстрее. Пахомов повернулся к ученикам. Лицо его стало тяжёлым, серым:

— Приношу извинения за поспешное решение, — сквозь зубы выдавил Пахомов.

Ростова качнула головой:

— Не так, — отрезала Ростова.

Он посмотрел на неё:

— Как? — сдавленно спросил Пахомов.

— Полностью, — потребовала Ростова.

Пахомов тяжело выдохнул:

— Я незаконно попытался задержать руководителя федеральной группы, не проверив обстоятельства, — сухим, безжизненным голосом произнёс Пахомов. — Приношу извинения сотруднику и присутствующим.

— Громче, — ледяным тоном скомандовала Ростова.

Он повторил. Теперь слышали даже в коридоре. Илья видел лица одноклассников. Никто не смеялся. Некоторые сидели, открыв рты. Лиза сжимала телефон обеими руками. Катя медленно опустилась на стул. Виктор Семёнович смотрел на Пахомова так, будто перед ним только что рухнула стена, которую он всю жизнь считал несдвигаемой.

Роман побледнел. Его палец опухал, но он уже не жаловался.

Ростова отключила связь. Экран планшета потемнел.

— Сотрудники ППС могут уйти, — спокойным, распорядительным тоном произнесла Ростова. — Пахомов остаётся.

Начальник ОВД поднял голову:

— Зачем? — со скрытым раздражением спросил Пахомов.

— Будете присутствовать при первом опросе. Заодно научитесь не начинать с готовой версии, — отчеканила Ростова.

Она посмотрела на Карпова:

— Директор тоже остаётся, — приказала Ростова.

— У меня учебный процесс, — попытался возразить Карпов.

— Был, — отрезала Ростова.

Ростова повернулась к Виктору Семёновичу:

— Выведите класс в соседний кабинет, — отдала распоряжение Ростова. — Кроме Морозова, Гусева и Орлова.

Илья почувствовал удар сердца. Катя посмотрела на него. Он медленно поднялся. Ученики начали выходить. Никто не толкался и не разговаривал громко. Каждый проходил мимо Ростовой, стараясь не смотреть прямо. На полу оставались телефоны, разлитый энергетик и мелкие капли крови возле последней парты.

Илья остался у окна. Роман сидел, прижимая руку к груди. Тима смотрел на Ростову. Карпов стоял возле доски, где на карте всё ещё тянулись старые границы. Пахомов молча наблюдал, как двое патрульных уходят без него.

Ростова подняла с пола один из телефонов. Экран продолжал записывать. Она посмотрела на изображение, остановила видео и положила устройство на учительский стол.

— Никому ничего не удалять, — сказала она. — С этого момента каждый файл — доказательство.

Илья смотрел на неё. На чёрную куртку, оставшуюся на стуле. На яркий платок. На спокойные руки. На людей, которые ещё утром казались неприкосновенными, а теперь стояли перед ней, не зная, куда деть глаза. Он ждал привычного продолжения. Сейчас кто-то позвонит. Сейчас найдётся человек выше. Сейчас Ростовой объяснят, что она не понимает местных условий, что нельзя так резко, что нужно учесть репутацию лица, интересы влиятельных семей, возраст детей, сложившиеся отношения. Но никто не звонил. Вернее, телефоны звонили. У Карпова вибрировал в кармане. У Пахомова загорался экран. У Тимы на парте появлялись входящие вызовы. Никто не отвечал. Впервые звонки не меняли происходящее.

Ростова открыла папку.

— Начнём с падения Артёма, — деловым тоном зафиксировала Ростова. — Потом перейдём к избиению учительницы.

Роман попытался усмехнуться:

— А палец? — со скрытой желчью спросил Роман.

— Медик осмотрит после опроса, — ровно ответила Ростова.

— Вы не имеете права, — огрызнулся Роман.

Ростова посмотрела на него:

— Эта фраза больше не работает, — отрезала Ростова.

Илья почувствовал, как по рукам прошла дрожь. Но теперь она была другой. Не холодной. Он видел человека, который не просто не боялся местной власти. Она заставила эту власть отступить. Не криком, не обещанием мести, не тайной записью, которую завтра удалят. При всех. По закону. Сила и право впервые оказались на одной стороне.

Илья понял, что Ростова не знает половины того, что происходит в лицее. Она не знает, где камеры перестают работать. Кто передаёт Тиме списки жалоб. В каком туалете Роман забирает деньги у младших. Кто из учителей предупреждает Карпова о родителях, собирающихся писать заявление. Какие ученики действительно боятся, а какие уже стали частью банды. Она вошла в школу с мандатом. Но лицей не жил по документам. Он жил по взглядам, паузам, закрытым дверям, удалённым сообщениям, случайно услышанным фамилиям.

Ей понадобится тот, кого здесь перестали замечать.

Илья посмотрел на Ростову. Она листала материалы, задавала вопросы, заставляла Карпова отвечать точно. Не знала ещё, что под лестницей есть дверь в старый архив. Что серверная соединена с кабинетом завхоза. Что Роман не принимал решений без Тимы. Что Тима никогда не говорил прямо. Илья знал. Не всё. Но достаточно, чтобы начать.

Он не собирался просить Ростову взять его в помощники. Она бы отказала. Сказала, что он свидетель, несовершеннолетний, что ему нужно держаться подальше. Поэтому он станет не помощником. Тенью. Будет идти там, где она ещё не видит дороги. Слушать то, что замолкает при её появлении. Замечать, кто первым предупреждает директора. Сохранять то, что другие удаляют.

Впервые после падения Артёма слова Романа перестали звучать в голове. «Следующим будешь ты». Их вытеснила другая мысль. Короткая. Твёрдая. Почти спокойная.

Теперь вы не одни.

За окном снег густо накрыл школьный двор. Следы машин, полиции, скорой и учеников исчезали под свежим слоем. Город снова выглядел мирным. Но внутри лицея старый порядок уже дал первую трещину.

Глава 2. Стая и овчарка

Столовую вымыли перед большой переменной так старательно, что запах хлорки перебивал даже свежую выпечку. Он стоял в воздухе белёсым, едким слоем, забирался в нос, оседал на языке и мешался со сладостью дешёвого чая, который разливали из огромного алюминиевого бака. За раздаточным окном блестели противни с румяными булочками — на их гладких боках ещё выступало масло, а сахарная пудра лежала ровно и нарядно, будто столовую готовили не к обычной перемене, а к съёмке школьной рекламы. На стенах висели фотографии старого Павловского Посада: деревянные дома с резными наличниками, заснеженные улицы, церковные купола, торговые ряды. Рядом — плакаты о правильном питании, дружбе и безопасной образовательной среде.

За высокими окнами город действительно выглядел почти пряничным. Снег лежал на подоконниках толстыми мягкими пластами, крыши соседних домов белели до самого горизонта, ветки лип возле школьной ограды согнулись под тяжестью инея. Над дальними домами поднимался лёгкий дым, и казалось, что весь город дышит медленно, размеренно, не подозревая, что происходит внутри лица. Издалека донёсся колокольный звон — он прошёл сквозь стекло глухо, будто из-под воды: один низкий удар, второй, потом несколько более лёгких, серебристых. У окна две девочки перестали шептаться и на мгновение прислушались. В столовой никто не звякнул ложкой. Даже младшие ели осторожно, опуская приборы на пластиковые подносы так, словно громкий звук мог привлечь внимание кого-то опасного.

Илья сидел за крайним столом вместе с Катей и Лизой Сафроновой. Перед ним остывала тарелка вермишелевого супа — на поверхности плавали кружочки моркови и тонкая радужная плёнка жира. Хлеб размок между пальцами, но Илья продолжал держать его, не замечая. Со вчерашнего дня лицей жил иначе. Не лучше. Не безопаснее. Просто иначе.

Ростова заставила начальника полиции порвать протокол. Это видели ученики, учителя, директор, охрана. Запись уже ходила по закрытым чатам, хотя официально никаких записей не существовало. Кто-то пересказывал, как у Пахомова дрожали руки, кто-то утверждал, будто федеральный прокурор пригрозил арестовать весь отдел полиции, другие говорили, что Ростову к вечеру отзовут, потому что Гусев-старший уже «поднял Москву». Но утром она снова вошла в лицей. Именно это пугало сильнее всего. Не её удостоверение, не чёрная куртка, не то, как она уложила Романа на парту. Она *вернулась*. Старый порядок не успел восстановить дыхание.

Тима сидел в центре столовой за длинным столом, который никто официально не закреплял за его компанией, но никто другой туда не садился. Вокруг него расположились Роман, Дэн Сурков, братья Климовы и несколько старшеклассников помладше — тех, кто смеялся быстрее остальных, носил чужие рюкзаки и по первому взгляду освобождал проход. Тима ел медленно. Перед ним стояла чашка чая, две булочки и нетронутая порция каши. Он отламывал от булочки маленькие куски и отправлял их в рот, почти не двигая губами. Роман не ел — он сидел боком, вытянув ноги в проход, и постоянно трогал указательный палец правой руки. Сустав оставался припухшим после встречи с Ростовой. Школьный медик наложил эластичную повязку, но Роман снял её ещё до первого урока — повязка выглядела как знак слабости. Теперь палец двигался хуже остальных, и каждый раз, сгибая его, Роман морщился, тут же оглядывался, не заметил ли кто-нибудь, и начинал говорить громче.

— Она мне его чуть не вырвала, — рассказывал он Дэну. — Просто я не ожидал. Я бы знал — она бы со мной не встала.

Дэн кивал, пряча улыбку в кружке.

— Конечно, — проронил он с едва уловимой иронией.

— Чего «конечно»? — Роман резко повернул к нему голову, въедаясь взглядом.

— Ничего, — Дэн спокойно опустил глаза к своему напитку. — Говорю, конечно.

Роман посмотрел на него дольше, чем требовал ответ. Дэн опустил глаза. За столом стало тихо. Тима взял чашку, сделал глоток и поставил её точно на круглое пятно от прежнего стакана.

— Хватит про неё, — негромко произнёс он.

Роман повернулся.

— Я просто объясняю.

— Уже всем объяснил, — голос Тимы оставался абсолютно ровным, без единой эмоции. Голос Тимы оставался ровным, но Роман перестал трогать палец.

— Ладно.

Он откинулся на стуле и оглядел столовую. Ему нужно было вернуть себе пространство.

Илья понял это раньше, чем Роман кого-то выбрал. После вчерашнего унижения тот двигался резче, смеялся громче, задевал плечом учеников в коридорах. Он ловил чужие взгляды и не отпускал, пока человек не отворачивался. Несколько раз остановил младших без причины, проверил карманы, забрал у одного мальчика шоколадный батончик и тут же выбросил его в мусорное ведро. Ему было мало доказать, что он не боится Ростова — он должен был доказать, что остальные всё ещё боятся его.

Макс появился у раздаточной с подносом в руках. Высокий, худой, с чуть сутулой спиной и светлыми волосами, которые всегда лежали так, будто он только что снял шапку. Форма сидела на нём аккуратно: рубашка заправлена, галстук затянут, значок лица приколот ровно над карманом. Даже тарелки он расставил на подносе симметрично — суп слева, второе справа, чай в верхнем углу. Макс учился в параллельном классе и почти не участвовал в школьной жизни за пределами олимпиад. Его фамилия постоянно появлялась на стенде возле учительской: победитель, призёр, участник. Он отвечал у доски тихо, но без ошибок. На переменах читал с телефона учебники или стоял у окна, глядя на электрички.

Утром он прошёл мимо Тимы и его компании в коридоре. Илья видел это. Роман тогда сказал ему вслед: *«Эй, профессор, язык проглотил?»* Макс не остановился. Может быть, не услышал. Может быть, услышал и решил не отвечать. В нормальной школе это не значило бы ничего. Здесь это стало приговором, который ждал подходящей сцены.

Макс прошёл между столами. Поднос дрожал у него в руках совсем немного, чай выплёскивался через край и оставлял коричневые полукружья на пластике. Он увидел компанию Тимы, и шаг замедлился. Можно было свернуть к другому столу, но там сидели младшие. Можно было повернуть назад, но это заметили бы все. Макс продолжил идти. Роман выставил ногу. Поднос качнулся, Макс успел остановиться. Суп плеснул через край и попал ему на пальцы. Он резко вдохнул от жара.

— Осторожнее, — сказал Роман. — Люди сидят.

Макс переступил через его ботинок. Роман вытянул руку и взял поднос за край.

— Я с тобой разговариваю, — с открытой угрозой процедил Роман, подтягивая поднос на себя.

Макс удержал поднос двумя руками.

— Отпусти, — отчеканил он, глядя Роману прямо в глаза.

За соседним столом кто-то коротко и сочно засмеялся. Роман чуть поднял брови, маскируя вспыхнувшую злость наигранным удивлением:

— Что?

— Отпусти поднос, — повторил Макс уже тише, но с такой плотной, натянутой струной в голосе, что смех за столом мгновенно утих.

Слова вышли тихо, но в столовой их услышали. Не потому, что Макс говорил громко, а потому что вокруг снова перестали звенеть ложки. Роман медленно поднялся. Стул заскреб по кафелю — звук прошёл по столовой, как разрез по стеклу.

— Ты утром тоже торопился, — сказал он.

Макс молчал.

— Я тебя позвал, — Роман чуть подался вперёд, сжимая край подноса и въедаясь в него взглядом.

— Я шёл на урок, — так же ровно, без единого всплеска в голосе ответил Макс.

— И что? — огрызнулся Роман, всё больше распаляясь от этой непробиваемой отстранённости.

— Ничего.

— Тогда почему не остановился? — Роман сузил глаза, в голосе зазвенела открытая угроза.

— Потому что шёл на урок, — отчеканил Макс, глядя ему прямо в глаза.

Ответ был простым. Именно поэтому он прозвучал как вызов. У Романа дёрнулась щека. Он отпустил поднос, но тут же взял Макса за галстук, потянул к себе. Чай выплеснулся окончательно, потёк по тарелке, по пластмассовому краю и закапал на пол.

— Ты меня не уважаешь? — процедил Роман сквозь зубы, всматриваясь в лицо Макса с близкого расстояния.

Макс подвёл пальцы к шее и попытался ослабить затянутый узел, чтобы хотя бы перехватить дыхание.

— Пусти, — отчеканил он, стараясь сохранить ровный тон.

— Громче, — с издевкой поддел Роман, ещё сильнее натягивая ткань.

— Пусти меня, — повторил Макс, фиксируя на нём холодный, немигающий взгляд.

Роман резко дёрнул галстук. Макс ударился грудью о его плечо. Поднос выскользнул из рук и рухнул на кафель. Тарелка с супом перевернулась — вермишель растеклась по полу вместе с морковью и жирным бульоном. Чашка раскололась на две части, булочка покатилась под соседний стол. Повариха за раздачей вскрикнула: *«Осторожно, посуда!»* — она произнесла

это прежде, чем поняла, что происходит. Потом увидела Романа и отступила в глубину кухни. Её руки, красные и влажные от пара, застыли возле фартука.

Роман потащил Макса к стене. Никто не преградил путь. Ученики сдвигались вместе со стульями, освобождая проход. Поднос оставался на полу. Кто-то поднял ноги, чтобы суп не попал на обувь. Один мальчик пятого класса быстро пересел к соседу и прижал к груди стакан компота. Макс упёрся пяткой в кафель, но подошва проскользнула по мокрому следу. Спинай он ударился о стену рядом с умывальником. Над его головой висел белый пластиковый диспенсер с жидким мылом, на корпусе наклеили весёлую картинку: две нарисованные ладони под голубой пеной и надпись «Чистые руки — залог здоровья».

Роман увидел её. Его лицо изменилось — раздражение ушло, уступив место тому оживлению, которое появлялось у него, когда он придумывал не просто наказание, а представление.

— Рот у тебя грязный, — сказал он. — Не отвечает, когда старшие разговаривают.

Макс попытался оттолкнуть его. Дэн и один из братьев Климовых схватили его за руки.

— Не дёргайся, — сказал Дэн. Говорил он неуверенно, пальцы лежали на запястье Макса слабо, будто Дэн надеялся, что тот не станет сопротивляться и не заставит его принять настоящее участие.

Роман взял со стола пластиковый стакан, поднёс к диспенсеру, нажал. На дно упала густая голубоватая масса. Он нажал снова — мыло складывалось в стакане вязкими кольцами. От него шёл резкий цветочный запах, приторный и химический, мгновенно перебивший выпечку и чай. По столовой прокатился нервный смешок. Роман оглянулся на Тиму. Тот сидел на прежнем месте. Не улыбался. Не останавливал. Этого оказалось достаточно. Роман добавил ещё мыла и слегка встряхнул стакан.

— Сейчас почистим, — с некой зловещей будничностью в голосе произнёс он, переведя взгляд на Макса.

Макс побледнел, на его верхней губе выступили мелкие капли пота. Глаза метались между Романом, выходом и учениками. Он искал не героя — хотя бы взрослого. У раздачи стояли две поварихи — одна держала половник, другая прижала к груди полотенце. Обе смотрели в сторону двери кухни. Дежурная учительница исчезла несколько минут назад, отправившись за журналом питания. В столовой находилось больше сотни человек. Макс остался один.

— Открой рот, — сказал Роман.

— Нет, — отрезал Макс, не сдвинувшись с места.

— Что? — Роман чуть подался вперед, сузив глаза.

Макс сглотнул. Галстук затянулся вокруг шеи, жёсткий воротник врезался в кожу, пережимая дыхание.

— Я не буду, — повторил он тише, но так же упрямо.

Роман с размаху ударил стаканом о стену прямо рядом с его головой — густая пена и мыло плеснули на обои и медленно поползли вниз прозрачной, липкой полосой.

— Открой, — уже с откровенным нажимом процедил Роман.

Макс крепко сжал губы. В ту же секунду один из Климовых схватил его за волосы и с силой запрокинул голову назад, фиксируя в беспомощном положении.

Илья поднялся. Стул с грохотом ударился о стол сзади. Катя тут же вцепилась и схватила его за край свитера:

— Не ходи, — прошептала она, не разжимая пальцев.

Илья опустил взгляд и посмотрел на неё. Её лицо стало белым, а губы едва двигались от страха.

— Они его заставят, — сквозь зубы бросил Илья.

— Ростовый нет, — попыталась остановить его Катя.

— И что?

— Они тебя тоже... — Она не договорила, заклинив на полуслове.

Она не договорила. Илья выдернул ткань из её пальцев. Первый шаг оказался лёгким. На втором ноги налились тяжестью. На третьем Роман заметил его.

— Мороз, сядь, — скомандовал он, не поворачивая головы полностью, но четко фиксируя Илью взглядом.

Илья продолжил идти. Внутри всё сжималось: живот, грудь, горло. Пальцы стали холодными и неловкими. Он знал, что Роман сильнее. Знал, как ударил Елену Андреевну. Помнил щёку Артёма на фотографии из личного дела. Слышал собственное дыхание — частое, неглубокое, чужое. Но остановиться сейчас означало снова смотреть снизу, издалека, без движения.

— Отпусти его, — сказал Илья.

Голос прозвучал слабее, чем хотелось.

Роман рассмеялся.

— Ты опять? — в его тоне прорезалась снисходительная издёвка.

— Он ничего тебе не сделал, — попытался выровнять позицию Илья, зная, что прав.

— А ты его адвокат? — Роман чуть прищурился, разглядывая его как досадное препятствие.

— Отпусти, — повторил Илья уже тверже, сделав шаг вперед.

Роман передал стакан Дэну, повернулся к Илье всем корпусом.

— Ты после вчерашнего бессмертным стал? — процедил он, въедаясь в Илью тяжелым, давящим взглядом.

Илья остановился в двух шагах. Сладкий запах мыла лез в горло. Под подошвой хрустнул осколок чашки. За спиной Макса кто-то тяжело дышал.

— Ростова всё видела, — сказал Илья.

— Её здесь нет, — ухмыльнулся Роман, сделав полшага вперёд.

— Будет, — отчеканил Илья, ровно и без колебаний.

Лицо Романа дёрнулось — одного имени хватило. Он шагнул к Илье и ударил тыльной стороной ладони. Илья не успел поднять руки. Перед глазами вспыхнул белый свет, голова откинулась, он потерял равновесие, наступил на разлитый суп и рухнул боком на кафель. Локоть ударился первым — боль прошила руку до плеча. Затем о пол стукнулось бедро, воздух вышибло из лёгких. Илья попытался вдохнуть, но грудная клетка не раскрылась. Рот открылся, а воздуха не было. Над ним засмеялись.

Кафель оказался холодным даже через брюки. Под ладонью растекался жирный бульон, вермишель липла к пальцам, щека горела после удара. Илья поднял голову — снизу мир выглядел иначе. Ноги учеников, мокрые подошвы, сдвинутые стулья. Под столом девочка, прячущая телефон у колен. Осколки чашки. Булочка, лежащая возле мусорного ведра. Никто не двигался к Максусу. Роман снова взял стакан.

— Смотри, Мороз, — сказал он. — Учись помогать людям.

Илья упёрся ладонью в пол. Локоть пронзило болью, рука подломилась. *Не встаёт. Тело не встаёт. Давай. Поднимись. Хоть на колено. Не лежи.* Максус разжали рот, надавив пальцами на щёки. Он дёрнулся, из горла вырвался короткий звук — не крик, а захлебнувшийся вдох. Роман поднёс стакан к его лицу.

Дверь столовой открылась. Никто не услышал. Колокольный звон за окнами закончился. На кухне шумела вода. Вентиляция гудела под потолком. Кто-то всхлипывал возле окна. Елена Ростова вошла бесшумно. На ней была чёрная кожаная куртка. Снег на плечах ещё не успел растаять. Яркий павлопосадский платок туго охватывал шею — алые цветы, тёмная зелень, золотые завитки. От мороза её кожа побледнела, на скулах выступил холодный румянец.

Она закрыла дверь. Остановилась. Две секунды. Илья потом пытался вспомнить, куда именно она посмотрела сначала. На Макса. На стакан. На руки, удерживавшие его. На Тиму, который сидел в центре стола и наблюдал. На Илью, лежащего в разлитом супе.

Ростова не повысила голос. Не потребовала отпустить. Не спросила, что происходит. Она пошла. Роман стоял к ней вполоборота. Дэн заметил движение первым — его пальцы разжались на руке Макса.

— Ром...

Роман обернулся.

Ростова уже была рядом. Она отвела стакан от лица Макса одним коротким ударом по запястью. Пластик вылетел из руки Романа, ударился о стену и упал на пол. Густое мыло расплескалось по кафелю. В ту же секунду Ростова шагнула ему за спину. Её левая рука перехватила его локоть, правая зафиксировала кисть. Корпус Романа развернулся против собственного движения. Он попытался вырвать руку, но плечо поднялось вверх, а запястье ушло назад. Роман вскрикнул. Ростова прижала его грудью к стене. Не ударила. Не размахнулась. Просто лишила его возможности двигаться. Щека Романа упёрлась в холодный кафель между умывальниками.

— Руки отпустили, — сказала Ростова.

Дэн отскочил от Макса. Братья Климовы сделали то же самое. Макс сполз по стене, закашлялся и зажал ладонью рот. Его трясло. Галстук остался перекрученным, на шее проступила красная полоса.

— Она первая... — начал Роман.

Ростова чуть изменила угол его запястья. Он замолчал.

— Говорить будешь, когда спросят, — ровно и ледяным тоном произнесла Ростова, даже не глядя на него.

Она перевела строгий взгляд на Дэна:

— Подними стакан.

Дэн не сразу понял, растерянно замешкавшись на месте:

— Что?

— Тот, который он приготовил, — чеканно уточнила она, указывая на сброшенную посуду.

— Я... — запнулся Дэн, попытавшись выгородить себя.

— Подними, — отрезала Ростова, не оставляя пространства для возражений.

Дэн нагнулся. Руки дрожали так сильно, что стакан выпал у него дважды. На стенках оставалось немного мыла — густой голубоватый слой. Он протянул его Ростовой. Она не взяла.

— Поставь перед ним, — сухо распорядилась она, глядя исключительно на Романа.

Дэн сглотнул и осторожно поставил стакан на край умывальника. Роман увидел его — и всё его тело мгновенно напряглось под держащей его рукой Ростовой.

— Убери эту хрень, — выплюнул Роман, пытаясь вырваться.

Ростова жёстко повернула его лицом к стакану, не ослабляя захвата ни на миллиметр.

— Посмотри, — спокойно, без тени эмоций приказала она.

— Я сказал, убери! — рявкнул Роман, сжимая зубы от злости и боли.

— Ты хотел заставить другого человека это проглотить, — так же ровно констатировала Ростова.

— Это прикол был! — выкрикнул Роман, дернувшись всем корпусом.

— Посмотри на стакан, — повторила она чеканным, не допускающим возражений тоном.

— Пошла ты, — огрызнулся Роман, видя, что сбежать не удастся.

Ростова не ответила. Её правая рука, всё ещё держащая его запястье, рванула вверх, разворачивая корпус Романа против сустава. Он охнул, попытался вывернуться, но она уже зашла ему за спину — левое плечо поднырнуло под его локоть, правая ладонь легла на затылок. Одно движение, короткое и жёсткое, — и Роман оказался прижат грудью к стене, а его лицо — в паре сантиметров от стакана с мылом.

— Открой рот, — сказала Ростова.

Голос был ровным. Без крика. Без угрозы. Роман дёрнулся, но её захват держал его мёртво. Пальцы на затылке сжались сильнее.

— Нет... — выдохнул он.

Ростова левой рукой взяла стакан, поднесла к его губам и, не дав ему ни секунды на сопротивление, влила содержимое ему в рот. Густая голубоватая жидкость полилась по языку, затекла за щёки, обожгла горло. Роман захрипел, попытался выплюнуть, но она зажала ему челюсть, не давая закрыть рот, пока стакан не опустел. Только тогда она отпустила его.

Роман рухнул на колени. Его вырвало прямо на кафель — мыльная пена смешалась со слюной и кровью, потому что он в панике прикусил губу. Он кашлял, хрипел, хватался за горло, пытаясь выдавить из себя химическую мерзость, но она уже пошла внутрь, обжигая слизистую, оставляя на губах белый налёт. В столовой было тихо. Никто не смеялся. Дэн отшатнулся, братья Климовы замерли. Тима сидел неподвижно, только побелевшие пальцы сжались на край стола. Кто-то из младших девочек вскрикнул и выбежал из столовой — через секунду из коридора донёсся её голос, срывающийся на плач, в трубку телефона: «Скорая, пришлите скорую, здесь человек задыхается...»

Роман корчился на полу, прижимая ладони к лицу. Мыло попало в глаза, и он тёр их, но становилось только хуже — слёзы текли по щекам, смешиваясь с пеной. Его дыхание превратилось в свистящий, рваный кашель. Ученики, сидевшие ближе, отодвинулись вместе со стульями, оставляя вокруг него пустое пространство. Ростова стояла над ним и смотрела. Она не сказала ни слова. Не прочитала нотацию. Не объяснила, почему сделала это. Её лицо оставалось каменным, только в глазах мелькнула тень — не удовольствия, не жалости. Констатация факта.

Она отвернулась от Романа, обошла его и неторопливо направилась к крайнему столу у окна. Сняла с плеча чёрную куртку, положила на спинку стула. Яркий павлопосадский платок по-прежнему туго охватывал шею. Она достала из сумки стальной термос, отвинтила крышку, налила в неё чай. Пар поднялся к лицу — запах был крепким, терпким, без сахара. Он мгновенно перебил приторную сладость мыла. Ростова села. Положила перед собой планшет, но не открыла его. Просто смотрела на столовую — спокойно, без напряжения, как человек, который никуда не спешит и готов ждать столько, сколько потребуется.

Нина Павловна, школьная медсестра, прибежала через пару минут. Она уже была на втором этаже, когда услышала крики, и теперь, увидев Романа на полу, с пеной у рта, ахнула, но быстро взяла себя в руки. Встала на колени рядом с ним, пытаясь промыть ему лицо водой из умывальника и заставить прополоскать рот.

— Открой глаза! — командовала она. — Дыши! Не паникуй!

Роман хрипел, но паника не отпускала его. Он цеплялся за руку медсестры, как за спасательный круг, а его взгляд метался по столовой — он искал Тиму, искал мать, искал кого-то, кто мог бы остановить этот кошмар. Тима не двигался. Он сидел на своём месте, и только на его лице выступила бледность, а пальцы сжимали подлокотники стула так, что побелели костяшки.

Илья наконец поднялся с пола. Сначала на колено, потом ухватился за край стола. Локоть пульсировал, в бедре разливалась тупая боль, брюки промокли от супа. Катя подбежала к нему, но он отстранился и посмотрел на Ростову. Она сидела у окна, пила чай и ждала. В столовой царил то особенное оцепенение, когда воздух становится тягучим, как кисель. Никто не смел выйти, хотя дверь была открыта. Никто не смел заговорить громче шёпота. Поварихи за раздачей застыли, прижав руки к фартукам. Ученики, притихшие, сидели как мыши, боясь шелохнуться. Роману становилось хуже. Ожог слизистой давал о себе знать: он задыхался, кашлял, изо рта шла пена с кровью. Нина Павловна пыталась промыть ему горло, но он отбивался, истерично выкрикивая ругательства, перемежающиеся всхлипами.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Ростова сделала ещё один глоток чая. Поставила кружку на стол. Достала из кармана маленький диктофон и положила его рядом. Она никого

не опрашивала. Не требовала объяснений. Просто ждала. Только когда из коридора донеслись шаги Карпова, она подняла голову. Директор влетел в столовую, тяжело дыша, с завучем и охранником за спиной. Он увидел Романа на полу, в мыльной пене, с красным лицом, и замер.

— Что...

Ростова подняла палец, не давая ему договорить. Карпов замолчал. Он перевёл взгляд с Ростовой на Романа, потом на Тиму, потом на Илью, который стоял у стола с перевязанным локтем, и понял, что сейчас не тот момент, чтобы задавать вопросы. Он сел на предложенный стул у стены. Илья чувствовал странное головокружение — не от боли, а от того, что привычные роли перестали совпадать с телами. Директор сидел. Роман лежал. Тима молчал. Ростова пила чай. Страх не исчез. Он просто начал менять направление.

Сирена стала слышна через двадцать семь минут. Сначала далёкая, почти слившаяся с ветром. Потом громче. Красно-синие отблески скользнули по заснеженным окнам, прошли по потолку и стенам столовой. Роман дёрнулся, попытался подняться, но его вырвало снова, и он остался лежать на боку, обнимая себя за плечи. Двери распахнулись. В столовую ворвались фельдшер и врач с красными сумками. За ними, почти споткнувшись о порог, вбежала женщина в светлой норковой шубе — без шапки, с растрёпанными волосами, с размазанной тушью под глазами.

— Рома! — закричала она.

Она бросилась к сыну, упала на колени рядом с ним, схватила его за лицо, пытаясь понять, что произошло.

— Что они с тобой сделали?! — визжала она, оборачиваясь к Ростовой. — Вы! Что вы сделали с моим ребёнком?!

Ростова спокойно поставила крышку на термос.

— Ваш сын пытался заставить другого ученика проглотить концентрированное мыло. Я просто дала ему попробовать то, что он приготовил для другого.

Мать Романа замерла. Её лицо перекосилось от ярости и неверия.

— Вы чудовище! Он несовершеннолетний! Вы ответите за это!

— Я отвечу, — сказала Ростова, не повышая голоса. — Но сначала пусть врачи спасут вашего сына от последствий его собственной шутки.

Врачи уже работали: промывали Роману горло, ставили капельницу, измеряли давление. Мать оттеснили, и она стояла в стороне, сжимая кулаки, глядя на Ростову с ненавистью, которая не могла ничего изменить. Ростова медленно поднялась. Она надела куртку, поправила платок, взяла термос и планшет. Прошла мимо матери Романа, мимо врачей, мимо Карпова, который так и сидел у стены с пустым лицом. Остановилась на мгновение возле Макса — тот всё ещё держал стакан воды, глядя на происходящее с каким-то оцепенением.

— Ты в порядке? — спросила она тихо.

Макс кивнул.

— После уроков зайди в кабинет психолога. Скажешь, что я прислала.

Он снова кивнул.

Ростова направилась к двери. Её шаги звучали ровно, спокойно. Яркий платок двигался по чёрной коже, как живое пламя. Перед самым выходом она остановилась, не оборачиваясь, и сказала:

— Макса кормят заново. За счёт лица.

Повариха возле раздачи быстро кивнула:

— Конечно, — отозвалась она, спешно подбирая чистый поднос.

Ростова вышла. Дверь закрылась мягко, без стука. Несколько секунд никто не двигался. Потом за раздачей зашумели тарелки — повариха налила свежий суп, положила две булочки вместо одной и сама понесла поднос Макс. Ложка в руках мальчика у соседнего стола наконец ударилась о край тарелки. Тихий металлический звон прошёл по столовой. Никто не вздрогнул.

Илья сел рядом с Максом. Тот смотрел на новый поднос, но не начинал есть.

— Она ушла, — негромко сказал Макс, не поднимая головы.

— Вернётся, — отозвался Илья.

— Ты уверен? — Макс перевёл на него взгляд, в котором читалось скрытое напряжение.

Илья посмотрел на дверь. По ту сторону коридора затихали и постепенно удалялись ровные шаги Ростовой.

— Да, — спокойно ответил Илья.

На противоположной стороне столовой Тима поднял свой телефон. На экране появилось имя отца. Он долго смотрел на вызов. Потом ответил.

— Пап, — сказал он тихо. — У нас проблема.

За окном снова ударили колокола. На этот раз их звон прозвучал отчётливее.

После столовой лицей притих не сразу. Сначала по этажам ещё носились обрывки слухов: Романа увезли на осмотр, кто-то говорил, что ему промывают желудок, кто-то — что врачи нашли ожог, другие уверяли, будто он ничего не проглотил и просто изображал приступ, чтобы его мать смогла поднять скандал. Каждая новая версия звучала увереннее предыдущей. К началу шестого урока в школе уже знали главное: Романа нет. Его место возле Тимы пустовало. На парте осталась царапина от металлической пряжки его рюкзака. Никто не сел туда. Даже Дэн Сурков, который обычно старался держаться ближе к центру компании, выбрал соседний ряд.

Пустой стул изменил класс сильнее, чем присутствие самого Романа. Раньше он шумел, перебивал, толкал чужие стулья, требовал внимания. Теперь его отсутствие лежало между учениками тяжёлым предметом, который все обходили взглядом. Тима не говорил о нём. На уроках он сидел прямо, отвечал учителям спокойно и даже один раз поднял руку. Но Илья видел, как большой палец Тимы раз за разом нажимает на боковую кнопку телефона, гася и снова зажигая экран. Сообщений от отца не было. Или они не помогали.

В раздевалке перед физкультурой пахло мокрыми носками, дешёвым дезодорантом и резиной от подошв. Парни переодевались быстрее обычного. Никто не толкался, не бросал чужую форму под лавку. Даже младшие голоса за стеной звучали приглушённо. Илья натягивал спортивную кофту осторожно, стараясь не сгибать ушибленный локоть. Боль стала тупой, глубокой. Она отзывалась при каждом движении и напоминала о кафельном полу столовой, о вермишели, прилипшей к ладони, о собственном теле, которое не поднялось сразу.

Макс сидел рядом. Он уже переоделся, но не завязывал шнурки. Держал концы в пальцах и смотрел на них, будто забыл, что нужно делать дальше.

— Ты можешь не идти, — сказал Илья, внимательно разглядывая его лицо.

Макс поднял голову, выныривая из собственных мыслей.

— Куда? — не сразу понял он.

— На урок, — пояснил Илья, кивнув в сторону коридора. — После того, что было.

— А что было? — ровно спросил Макс, и в его взгляде не проскользнуло ни единой эмоции.

Илья не сразу понял вопрос. Макс усмехнулся, но улыбка вышла неровной.

— Они скажут, ничего. Прикол. Я сам испугался. Сам упал. Сам всё придумал.

Он наклонился и затянул шнурок слишком сильно. Пальцы побелели.

— Ростова не скажет.

— Ростова не всегда будет рядом.

Макс выпрямился. Из соседнего ряда на них смотрел Дэн. Когда Илья повернул голову, тот быстро занялся застёжкой олимпийки.

— Поэтому и надо идти, — сказал Макс.

Илья хотел спросить зачем, но дверь распахнулась. В раздевалку заглянул физрук. Сергей Николаевич выглядел так, будто форму носил не по профессии, а по привычке, оставшейся

от другой жизни. Ему было около сорока пяти. Когда-то широкие плечи начали опускаться, живот обозначился под серой футболкой, волосы поредели на макушке. На шее висел красный пластиковый свисток.

— В зал, — сказал он. — Построение через минуту.

Голос прозвучал хрипло. Он ушёл, не проверив, услышали ли его.

Тима поднялся последним. Перед тем как выйти, задержался возле женской раздевалки. Дверь открылась, и оттуда появилась Кристина Лаврова — высокая, спортивная, с длинным хвостом и ярко покрашенными глазами. На урок она пришла в укороченной чёрной футболке и новых кроссовках, белых настолько, что казались чужими в старом школьном зале. Кристина была из тех, кто разговаривал так, будто вокруг всегда работала камера. Каждое движение имело зрителя. Каждая фраза требовала реакции.

Она увидела Тиму, замедлилась. Он не сказал ни слова. Только посмотрел на Сергея Николаевича, который расставлял конусы в зале, потом — на Кристину. Едва заметно поднял подбородок. Кристина улыбнулась. Не Тиме. Будущему представлению.

Спортзал находился в старом крыле лицея. Высокие окна начинались почти под потолком. На стёклах лежал иней, и зимний свет входил внутрь рассеянным, голубоватым. На стенах висели шведские лестницы, баскетбольные щиты и выцветшие фотографии школьных команд. Пахло пылью, старым лаком, резиной и чем-то кислым от матов, которые слишком редко просушивали. Под потолком гудели лампы. Каждый шаг отдавался эхом.

Сергей Николаевич построил класс вдоль белой линии.

— Равняйся, — громко скомандовал он.

Ученики нестройно задвигались, переступая с ноги на ногу и выравнивая строй.

— Смирно.

Кристина, стоя в шеренге, даже не подняла головы и продолжала быстро печатать сообщение в телефоне.

— Лаврова, телефон убрала, — строго отчеканил Сергей Николаевич, зафиксировав на ней жесткий взгляд.

Она подняла глаза.

— Сейчас.

— Не сейчас. Убрала, — чеканно повторил Сергей Николаевич, не сдвинувшись с места. В его голосе прозвучали металлические нотки, не терпящие возражений.

— Я маме отвечаю, — с легким вызовом бросила Кристина, даже не думая прятать смартфон.

— После урока.

Кристина показала экран соседней девочке.

— Видишь? Он мне запрещает с матерью общаться.

Девочка хихикнула. Сергей Николаевич поджал губы.

— Пять кругов разминочного бега. Потом суставная гимнастика.

— Я бегать не буду, — громко, на весь зал сказала Кристина, так и оставшись стоять на месте.

Класс ещё не успел начать движение и замешкался. Физрук медленно повернулся к ней всем корпусом:

— Почему?

— Потому что у меня освобождение, — отрезала она, дерзко вскинув подбородок и скрестив руки на груди.

— Где справка? — спросил Сергей Николаевич, с трудом удерживая голос в рамках строгого, сухого тона.

— У мамы, — отрезала она.

— Тогда сегодня работаешь со всеми, — спокоен и непреклонен был учитель, делая шаг в её сторону.

— Вы врач? — Кристина чуть приподняла бровь, смерив его взглядом с ног до головы.

— Нет, — сухо ответил Сергей Николаевич, удерживая прямой взгляд.

— Тогда не решайте, что я могу, — отрезала Кристина, зная, что последнее слово останется за ней.

Кто-то сзади тихо засмеялся. Сергей Николаевич посмотрел на Тиму. Тот стоял в центре строя, руки за спиной, лицо спокойное.

— Лаврова, встань на скамейку и подготовь доклад по технике безопасности, — ровно скомандовал Сергей Николаевич.

— Это наказание? — Кристина чуть прищурилась, откровенно провоцируя его на эмоции.

— Это задание, — отрезанно ответил он, сохраняя полный покой.

— А почему только мне? — Кристина скрестила руки на груди, пытаясь втянуть в этот спор оставшийся строй.

— Потому что ты отказываешься выполнять разминку.

— А может, вы сами её выполните? — с вызовом бросила она, сделав полшага вперёд.

Смех стал громче. Сергей Николаевич провёл ладонью по затылку. На коже блестел пот, хотя в зале было прохладно.

— Прекрати, — сдержанно сказал физрук.

— Что прекратить? — спросила Кристина.

Кристина вышла из строя. Телефон она не убрала. Держала его перед собой, камера смотрела прямо на учителя.

— Вы нам покажите, как правильно бегать. Вы же специалист, — произнесла она с вызовом.

— Убери телефон, — отчеканил Сергей Николаевич.

— А что, стесняетесь? — ухмыльнулась Кристина.

Она начала медленно обходить его. Подошвы почти не скрипели по паркету. Сергей Николаевич поворачивался следом, стараясь не оставлять её за спиной.

— Лаврова, вернись в строй, — повторил он.

— А то что? — дерзко спросила Кристина.

В голосе прозвучала та же интонация, которой вчера пользовался Роман. Илья почувствовал её раньше, чем понял. Класс тоже. Плечи учеников расслабились. Несколько телефонов появились в руках. Дэн включил камеру и прикрыл её ладонью.

Кристина остановилась перед физруком.

— Вы мне в прошлом месяце тройку поставили, — заявила она.

— За норматив, — ответил Сергей Николаевич.

— Я всё сдала, — возмутилась Кристина.

— Ты не выполнила требования, — возразил физрук.

— Другим поставили четвёрки, — не отступала она.

— Другие выполнили, — отрезал Сергей Николаевич.

Она рассмеялась.

— Покажите, — потребовала Кристина.

Сергей Николаевич моргнул.

— Что? — переспросил он.

— Норматив. Покажите, как надо, — с ухмылкой уколола она.

— Урок не об этом, — попытался завершить разговор физрук.

— Конечно. У вас живот мешает, — фыркнула Кристина.

Смех взорвался резко. Кто-то хлопнул ладонью по бедру. Дэн отвернулся, пряча лицо, но камера продолжала снимать. Сергей Николаевич покраснел — краснота пошла от шеи вверх, к щекам, к ушам. Свисток на груди мелко дрожал.

— Замолчи, — сказал он.

Слишком тихо. Кристина наклонила голову.

— Что? — переспросила она.

— Я сказал, хватит, — повторил Сергей Николаевич.

— Не слышно, — с ухмылкой ответила Кристина.

Она шагнула к нему, но не толкнула сама. Вместо этого она повернулась к Дэну и одному из братьев Климовых, стоявшим в первом ряду.

— Дэн, помоги учителю вспомнить, как надо, — скомандовала Кристина.

Дэн не сразу понял, но Тима за его спиной едва заметно кивнул. Дэн шагнул вперёд, за ним — Климов. Они подошли к Сергею Николаевичу с двух сторон, взяли его за локти и резко дёрнули вниз. Учитель охнул, колени ударились о паркет. Он попытался подняться, но Климов надавил ему на плечи, прижимая к полу.

— Не дёргайся, — сказал Дэн, и голос его дрогнул, но рук он не убрал.

Сергей Николаевич поднял голову. Кристина стояла перед ним, телефон направлен на его лицо.

— Десять отжиманий, — сказала она. — Или я пишу заявление, что ты меня домогался. Ты знаешь, отцу поверят. Или ты думаешь, кто-то встанет на твою сторону?

Он посмотрел на неё, потом на Дэна, потом на Тиму. Тима стоял неподвижно, руки за спиной, лицо бесстрастное. Климов нажал на плечи сильнее, заставляя учителя опуститься на четвереньки.

— Считаем, — сказала Кристина.

Сергей Николаевич медленно согнул локти.

— Раз.

Тело опустилось тяжело, неровно. Он почти коснулся грудью пола, но руки дрогнули.

— Ниже! — крикнул кто-то из класса.

Дэн надавил ему на затылок, прижимая лицом к паркету.

— Я сказал, ниже, — повторил Дэн, и в голосе его появилась та же интонация, которую Илья слышал у Романа.

Сергей Николаевич выдохнул, его руки подломились, и он рухнул на пол. По залу прошёл смех. Кто-то свистнул. Кристина подошла ближе, камера смотрела в его глаза.

— Устали?

Он не ответил. Климов схватил его за воротник футболки и рывком поднял на колени.

— Отвечай учительнице.

— Какой учительнице? — прошептал Сергей Николаевич.

— Мне, — сказала Кристина. — Ты понял, кто здесь командует?

Тима подал знак — едва заметный, только пальцами. Дэн и Климов развернули учителя лицом к классу, взяли за плечи, заставляя стоять на коленях. Воротник футболки был перекручен, открывая шею. Кристина присела перед ним на корточки, приблизила телефон к его лицу, снимая крупным планом.

— Пять, — сказала она. — Давай, Сергей Николаевич. Покажи, как надо.

— Я не могу, — выдохнул он.

— Можешь, — сказала она, и её нога коснулась его плеча, подталкивая вниз. — Или хочешь, чтобы я позвонила отцу?

Он сжал кулаки. Пальцы дрожали. Он посмотрел на дверь — она была закрыта. На завуча — её не было. На учеников — они снимали. Он снова опустился на четвереньки. Тело двига-

лось отдельно от воли. Руки упёрлись в паркет, он согнул локти и начал отжиматься под счёт Кристины.

— Шесть... семь...

Телефоны снимали с разных углов. Илья смотрел на руки учителя. Пальцы широко расставлены. Левое запястье дрожит. На безымянном пальце след от кольца, хотя самого кольца нет.

— Восемь...

Кристина присела рядом.

— Девять... десять!

Он упал. Грудь коснулась пола. Он лежал на паркете, тяжело дыша, и не пытался подняться. Дэн отпустил его плечо. Климов отошёл на шаг. Кристина поднесла телефон к его лицу.

— Может, двойку себе поставите?

Смех ударил с новой силой. Кто-то хлопнул по скамейке. Дэн засмеялся, запрокинув голову. Тима стоял неподвижно, но в уголках его губ мелькнула тень улыбки.

— Пять! — крикнула Кристина, и в этот момент массивная дверь спортзала открылась без скрипа.

Ростова вошла в тот момент, когда весь класс смотрел в центр зала. Никто её не заметил. Она бесшумно закрыла за собой дверь, подняла тяжёлый металлический засов и опустила его в паз. Щелчок прозвучал негромко, почти растворяясь в шуме голосов. Илья услышал его первым. Он повернул голову и увидел её: чёрная кожаная куртка, яркий павлопосадский платок, спокойное, будто вырезанное из камня лицо.

Ростова остановилась на мгновение, оценивая сцену. Учитель на полу. Кристина с телефоном, снимающая его унижение. Тима в центре строя, руки за спиной, лицо бесстрастное. Остальные ученики с камерами. Смех. Она не спросила, что происходит. Она увидела достаточно.

Кристина, не замечая ничего вокруг, продолжала кричать, наклоняясь к физруку:

— Четыре! — её голос звенел от возбуждения. — Давай, Сергей Николаевич, ещё! Не сдавайтесь! Покажите класс!

Ростова пошла через зал. Её шаги тонули в смехе учеников, в топоте ног, в гуле ламп под потолком. Она двигалась ровно, без спешки, но каждое её движение было просчитано. Первым её заметил Макс — его пальцы на рукаве Ильи разжались, глаза расширились. Затем Дэн Сурков, стоящий ближе всех к двери, перестал смеяться и сделал полшага назад.

Кристина поднялась, отступая от учителя и продолжая держать камеру. Она уже не смотрела на физрука — она снимала для зрителей, для соцсетей, для будущих просмотров. Телефон был направлен прямо на Сергея Николаевича, который с трудом поднимал грудь после очередного отжимания.

— Пять! — выкрикнула она, и в этот момент Ростова оказалась рядом.

Она не стала вырывать телефон — это было бы слишком долго. Её правая нога, обутая в тяжёлый ботинок на толстой подошве, взметнулась в коротком, резком ударе. Удар пришёлся в бедро Кристины, чуть выше колена, сбоку — точно в центр тяжести. Девушка не успела вскрикнуть. Её тело оторвалось от пола, телефон вылетел из ослабевших пальцев, и она рухнула на сложенные маты в нескольких метрах от того места, где только что стояла. Падение было глухим, мягким — мат прогнулся под её весом, поглощая удар. Кристина застыла на мгновение, пытаясь вдохнуть, потом из её горла вырвался сдавленный, истерический всхлип.

Ростова уже не смотрела на неё. Телефон Кристины соскользнул по паркету и остановился у ног Ильи — он даже не нагнулся, чтобы поднять его. Ростова развернулась и пошла к Тиме. Он понял раньше остальных — его глаза расширились, он сделал шаг назад, пытаясь сохранить дистанцию.

— Не подходите.

Ростова продолжила идти.

— Я ничего не делал, — закричал Тима.

— Ты руководил, — сказала она ровно.

— Докажите! — выкрикнул он.

Тима метнулся к боковой двери, ведущей в раздевалку. Его рука уже лежала на ручке, но дверь оказалась заперта — засов с той стороны был опущен. Он дёрнул её раз, второй — бесполезно. Ростова сократила расстояние за два шага. Её левая рука перехватила его запястье выше локтя, правая легла на плечо. Она развернула его корпус, заламывая руку за спину, и с коротким, жёстким движением впечатала его лицом в деревянные перекладины шведской стенки. Удар был глухим, но отчётливым — щека Тимы коснулась лакированного дерева, и он дёрнулся, пытаясь вырваться. Ростова подняла его запястье выше, заставляя сустав согнуться под неестественным углом.

— Отпустите! — визгливо заорал Тима.

— Перестань сопротивляться, — жестко произнесла она.

— Я несовершеннолетний! — выкрикнул он.

— Это не разрешение унижать людей, — отрезала Ростова.

Тима попробовал ударить её пяткой назад, целясь в колено. Ростова сместилась, перенесла вес, и её нога упёрлась в его голень, разводя его ноги шире. Он потерял опору, повис на её захвате, и его лицо снова ударилось о перекладину. На этот раз тише, почти беззвучно.

В зале повисла тишина. Смех исчез, словно его выключили звукорежиссёры. Ученики замерли. Кристина приподнялась на локтях с мата, её лицо было мокрым от слёз, тушь размазалась под глазами. Она смотрела на Тиму, который висел на шведской стенке, прижатый к ней Ростовой.

— Тима! — выкрикнула она, но голос её дрожал.

Он повернул голову насколько позволял захват.

— Закрой рот, — сказал он. Команда вырвалась автоматически, но в ней уже не было прежней силы.

Кристина замолчала.

Ростова услышала.

— Встань, — сказала она девушке.

Кристина не пошевелилась.

— Я сказала встань.

Та поднялась. Её ноги дрожали, она держалась за край мата, но встала. На щеке остался красный след от сетки мата.

Ростова отпустила Тиму не сразу. Она взяла его за воротник спортивной кофты и, не давая ему опомниться, оттащила от стенки. Второй рукой она схватила Кристину за локоть, рывком подняла с пола и поставила рядом с ним. Они оказались в центре зала, в круге, где минуту назад лежал учитель. Кровь с разбитых от удара губ Тимы капала на паркет. Кристина всхлипывала, вытирая лицо дрожащей ладонью.

— Руки перед собой, — сказала Ростова.

Тима попытался вырваться, но она сжала его запястье, и он замер.

— Вы не имеете права! — выкрикнул он.

— Эту фразу я уже слышала, — ответила Ростова.

— Мой отец...

— Твой отец сейчас не в спортзале. — Она отступила на шаг, отпустив обоих. — А теперь слушайте внимательно. Вы хотели устроить представление. Я дам вам представление.

Она указала на середину зала — на тот самый круг, где ещё лежал забытый свисток.

— Бейтесь.

Кристина не поняла.

— Что?

— Ты с ним. Он с тобой. Пока один не окажется на полу.

— Вы с ума сошли! — выкрикнула Кристина, и в её голосе послышалась истерика.

— Я сказала: бейтесь. — Голос Ростовой не повысился, но в нём появилась сталь, которая резала, не оставляя ран. — Ты хотела унижить учителя? Теперь унижай того, кто приказал тебе это сделать. Или ты слабее его? Тогда зачем ты его слушалась?

Тима стоял неподвижно. Его лицо, и без того бледное, стало почти серым. Кровь с разбитой губы стекала на подбородок, и он вытер её тыльной стороной ладони, оставляя на коже красную полосу. Он смотрел на Кристину, и в его глазах мелькнула та же тень, что появлялась, когда он решал, кого ударить первым. Но сейчас он не знал, как ударить.

— Это незаконно, — сказал он.

— Законно то, что я решу оставить в протоколе, — ответила Ростова. — Если не начнёшь — я запишу, что ты организовал травлю, и добавлю сопротивление при задержании. Сделай выбор.

Она сделала ещё один шаг назад, освобождая пространство.

— Начали.

Кристина посмотрела на Тиму. Он не двигался. Она сглотнула, сжимая кулаки. Её дыхание стало частым, прерывистым. Ногти с длинным наращенным покрытием впились в ладони, оставляя белые следы.

— Я не могу... — прошептала она.

— Можешь, — сказала Ростова. — Ты уже показала, что умеешь бить без рук. Теперь попробуй руками.

Кристина стояла, глядя на Тиму, и в её глазах отражалась внутренняя борьба. Она не хотела драться — не с ним, не здесь, не перед всем классом. Но страх перед Ростовой был сильнее страха перед последствиями. Она сделала шаг вперёд. Её руки дрожали, пальцы разжимались и сжимались, будто сами не знали, что им делать. Тима стоял неподвижно. Он смотрел на неё сверху вниз, пытаясь сохранить остатки достоинства, но его лицо уже начало покрываться испариной. Он не верил, что она посмеет его тронуть. Он ошибался.

Кристина бросилась на него неожиданно — не как спортсменка, не как боец, а как загнанный зверь, который вдруг понял, что клетка открыта. Она вцепилась ему в волосы обеими руками, рванула вниз, и Тима охнул, его голова дёрнулась, шея напряглась. Он попытался оттолкнуть её, но его ладони беспомощно скользнули по её плечам, не находя точки опоры. Кристина занесла ногу и ударила его коленом в бедро — не сильно, но достаточно, чтобы он покачнулся. Она была быстрее, потому что страх превращал её движения в судорожные, беспорядочные рывки, в которых не было техники, но была ярость.

— Пусти! — крикнул он, пытаясь схватить её за запястья, но она уже вцепилась ему в лицо. Её длинные ногти, покрашенные ярким лаком, впились в его щёку, оставляя за собой рваные красные борозды. Тима заорал — не от боли, а от унижения. Он никогда не был в такой позиции. Никто никогда не смел поднять на него руку, а тем более — женщина. Он попытался отшатнуться, но Кристина шагнула за ним, её пальцы снова вцепились в его волосы, и она рванула его голову вниз, одновременно поднимая колено. Удар пришёлся в грудь — он охнул, согнулся, и она тут же ударила его ладонью по затылку, заставляя опуститься ещё ниже.

Тима упал на колени. Кровь текла по его лицу из царапин на щеках и лбу. Он попытался закрыться руками, но Кристина села на него сверху, придавив коленом грудь. Её лицо было мокрым от слёз, но в глазах горела истерическая ярость. Она била его по голове, по плечам, по рукам — беспорядочно, без системы, но каждый удар был наполнен той самой силой, которую даёт отчаяние. Её кулаки, сжатые в маленькие, твёрдые комки, обрушивались на его голову, на его уши, на его затылок. Она царапала его лицо, оставляя на коже глубокие полосы, из которых сочилась кровь. Тима пытался защититься, но его руки дрожали, и он не мог найти в себе силы,

чтобы оттолкнуть её. Он был слабее — не физически, а морально. Он не умел драться. Он умел только приказывать.

— Отойди! — крикнул он, но голос его сорвался, и в нём слышались слезы. — Отойди, я сказал!

Кристина не слушала. Она вцепилась ему в воротник спортивной кофты и рванула на себя, заставляя его приподняться. Её колено всё ещё давило на его грудную клетку, и он чувствовал, как воздух с трудом проходит в лёгкие. Она занесла руку для удара, но в этот момент Тима сделал отчаянный рывок — он схватил её за плечи и оттолкнул. Она упала на бок, но тут же вскочила, готовая продолжить. Однако Ростова уже шагнула между ними.

— Хватит, — сказала она.

Но Кристина не услышала. Она снова бросилась на Тиму, вцепилась ему в волосы и начала бить его головой о паркет. Глухие удары разносились по залу, и каждый из них отдавался в груди учеников.

— Хватит! — Ростова схватила Кристину за капюшон и рывком оторвала от Тимы. Девушка рухнула на паркет, зарыдала, закрыв лицо руками. Её ногти были в крови — чужой. На губе остался след от её же зубов.

Тима остался лежать на спине. Его лицо было в крови: расцарапанные щёки, разбитая губа, на лбу глубокие царапины, из которых сочилась кровь. Он дышал рвано, всхлипывая, и даже не пытался встать. Его руки дрожали, а пальцы были в чужой крови — Кристины, смешанной с его собственной.

Ростова подошла к нему, взяла за плечо и поставила на ноги. Он шатнулся, но удержался, глядя в пол.

— Ты хотел управлять? — спросила она. — Теперь ты знаешь, как выглядит твоя власть, когда кто-то не боится тебя.

Она отпустила его и повернулась к Сергею Николаевичу. Тот стоял в центре зала, опираясь одной рукой на стену, но уже без чужой помощи. Его дыхание успокаивалось. Свисток по-прежнему висел на шее, красный пластик тускло блестел под лампами.

Ростова подошла к нему. Сняла с его шеи свисток — он не сопротивлялся. Она вытерла его краем своего платка, от платка пахло чаем и морозом, и вернула учителю.

— Урок продолжается, — сказала она. — Завтра сдачу нормативов приму лично.

Сергей Николаевич сжал свисток в ладони. Его пальцы дрожали, но кивок получился твёрдым.

Ростова повернулась к двери. Металлический засов вышел из паза с тяжёлым скрежетом. Она распахнула дверь и вышла. Кожаная куртка скрипнула в дверном проёме. Яркий платок вспыхнул среди серых стен коридора и исчез.

В зале повисла тишина. Тима стоял, прижимая руку к лицу. Между пальцев сочилась кровь. Кристина плакала на полу, закрыв голову руками. Дэн Сурков наконец опустил телефон, который так и не выключил.

Сергей Николаевич поднёс свисток к губам. Подув воздуха не хватило — раздался слабый сип. Он вдохнул глубже, и свисток прорезал зал резко и чисто.

Все вздрогнули.

— В одну шеренгу, — сказал он.

Никто не засмеялся. Ученики начали строиться. Тима занял место в конце, вытирая лицо рукавом. Кристина встала рядом, шмыгая носом, не поднимая глаз.

Илья бежал рядом с Максом. Локоть болел, но он не останавливался. На каждом круге они проходили мимо Тимы — тот держался сзади, тяжело дышал. Без Романа, без зрителей, без возможности остановить урок одним взглядом он выглядел обычным школьником, который давно не бегал.

Сергей Николаевич стоял в центре с секундомером. Он больше не оглядывался на дверь. Его плечи ещё были опущены, но не так низко, как полчаса назад.

Илья посмотрел на закрывшуюся дверь. Ростовской уже не было. Но зал не вернулся к прежнему порядку. Страх не исчез — он ещё жил в плечах, во взглядах, в паузах перед ответом. Но теперь он больше не принадлежал одному хозяину.

Последние четыре дня Илья замечал пакеты. Не сами по себе — в лице постоянно что-нибудь носили: коробки с бумагой, спортивную форму, рулоны цветного картона, пластиковые контейнеры из столовой. Но эти пакеты появлялись всегда в одно и то же время, после шестого урока, когда коридоры начинали пустеть, а за высокими окнами быстро густела зимняя синь. И носили их одни и те же люди — из окружения Тимы.

Сначала Илья увидел Даньку Селиванова — длинного, сутулого, с красными от мороза ушами. Тот вышел из туалета второго этажа с чёрным мусорным пакетом, плотно затянутым узлом. На лестничной площадке он оглянулся: сначала вверх, потом вниз, потом в отражение стеклянной дверцы пожарного шкафа. Илья стоял у окна, делая вид, что читает сообщение в телефоне. Данька спустился к двери под главной лестницей, трижды стукнул костяшками — коротко, с одинаковыми паузами между ударами. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель просунулась рука — мясистая, в сером рукаве свитера. Данька молча вложил в неё пакет. Рука исчезла, дверь закрылась. Ни слова. Ни взгляда. Только глухой щелчок замка. Данька постоял секунду и ушёл.

На следующий день Гришка Котов нёс плотный бумажный свёрток, перевязанный бечёвкой. Он так же трижды стукнул, так же приоткрылась дверь, так же появилась рука в сером рукаве. Гришка передал свёрток, дверь закрылась. Он вышел без него. У Арсена, молчаливого десятиклассника с широкими плечами, в руках был красно-золотой сувенирный пакет. Арсен не стучал — у него был свой ключ. Он отпер дверь и шагнул внутрь. Через минуту вышел без пакета. Илья заметил, как он поправил куртку и быстро пошёл к выходу.

В пятницу Макс сам дёрнул Илью за рукав возле кабинета химии.

— Видел?

По нижнему коридору шёл Селиванов. В руках у него были два сувенирных пакета с красно-золотыми цветами. Из одного торчал край офисной коробки. Селиванов остановился у двери под лестницей и, не достав ключа, трижды стукнул костяшками. Дверь приоткрылась, показалась та же рука в сером свитере. Селиванов передал оба пакета, дверь закрылась. Он засунул руки в карманы и ушёл.

— Опять туда, — прошептал Макс. — И каждый раз без пакетов. Там кто-то сидит внутри.

— Может, бумагу носят, — сказал Илья, но голос прозвучал неубедительно.

— В подарочных пакетах? — Макс покачал головой. — И Селиванов теперь секретарь-референт?

Он потёр ладонью шею под воротником. На коже возле уха проступили красные пятна.

Илья вспомнил, что за последние дни пакеты в эту дверь носили ещё несколько человек из компании Тимы: Котов, Арсен, один из братьев Климовых. И однажды, в субботу, он сам видел Тиму — тот быстро подошёл к служебному входу, держа под мышкой тот же красно-золотой сувенирный пакет. Тима отпер дверь своим ключом и скрылся внутри. Через пару минут он вышел с пустыми руками, поправил пиджак и ушёл, не оглянувшись.

— У учеников нет ключей, — сказал Макс. — Только у того, кто принимает.

— Значит, кто-то дал.

— Или Карпов.

Фамилия директора прозвучала слишком громко. Оба невольно оглянулись. В коридоре никого не было.

— Надо посмотреть, что там внутри, — сказал Макс.

Илья повернулся к нему.

— Что? — переспросил он.

— Внутри. Ночью, — повторил Макс.

Слова повисли между ними. Макс произнёс их почти беззвучно, но Илье показалось, что гудение вентиляции оборвалось.

— Ты с ума сошёл, — шепнул Илья.

— Возможно, — ответил Макс.

— В школе камеры, — напомнил Илья.

— Не везде. У служебного входа одна не работает. Я видел, как электрик с неё кожух снимал. Уже неделю так висит.

— Есть сторож, — возразил Илья.

— Один, — уточнил Макс.

— Это аргумент не в нашу пользу, — ответил Илья.

Макс снова потёр шею.

— Илюх, они туда что-то таскают. Не учебники. Не старые журналы. Ты сам видел, как они оглядываются, — настойчиво произнёс Макс.

— И что мы сделаем, даже если найдём? — спросил Илья.

— Хотя бы будем знать, — ответил Макс.

Илья хотел ответить, что знание ничего не меняет. Его брат знал, кто над ним издевался. Учителя знали. Директор знал. Наверняка знали родители Тимы. Знание спокойно ходило по коридорам, пило кофе, подписывало отчёты и отворачивалось в нужный момент. Но слова не вышли. Вместо них из соседнего кабинета донёсся смех — громкий, уверенный, с коротким Тиминим покашливанием в конце. Илья почувствовал, как по спине прошёл холод, хотя батарея под окном жарила так, что от неё пахло пылью.

— Сегодня, — сказал Макс. — После полуночи.

Илья посмотрел на дверь под лестницей. Красная табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН» казалась ярче всех детских рисунков.

В половине первого ночи лицей выглядел меньше, чем днём. Двухэтажное купеческое здание стояло в снегу, подсвеченное фонарями. Белые наличники и лепнина на фасаде делали его похожим на старинную шкатулку. За оградой лежали нетронутые сугробы, на чугунных столбиках серебрился иней. Вдали, за крышами, ударил колокол. Звук прокатился над городом, чистый, глубокий, и растворился в морозном воздухе.

Илья стоял в тени старой липы и не чувствовал пальцев ног.

— Ты уверен, что камера не работает? — спросил он. Пар от его дыхания сразу закрывал лицо.

Макс присел за низкой кирпичной оградой и посмотрел на служебный вход. На нём была короткая синяя куртка старшего брата, слишком широкая в плечах. Из кармана торчала отвёртка.

— Кожух снят. Вон провода висят, — шепнул Макс.

— Она может писать без кожуха, — возразил Илья.

— Может, — согласился Макс.

— Отлично, — саркастично заметил Илья.

— Можешь идти домой, — буркнул Макс.

Илья посмотрел на него. Макс не улыбался.

— Вместе пришли, — отрезал Илья.

— Тогда не ной, — ответил Макс.

— Я не ною. Я фиксирую признаки нашей коллективной тупости, — огрызнулся Илья.

Они перебежали через двор. Снег хрустел так громко, будто под ногами ломались тонкие кости. Илье казалось, что этот звук слышит весь город: сторож в будке, директор Карпов у себя дома, Тима в своей спальне, мёртвый брат под землёй.

У служебной двери Макс достал из кармана тонкую металлическую пластину.

— Откуда это? — спросил Илья.

— Из набора для ремонта телефона, — ответил Макс.

— Ты умеешь вскрывать замки? — усомнился Илья.

— Нет, — буркнул Макс.

— Тогда зачем она? — удивился Илья.

— В интернете получилось, — пожал плечами Макс.

Пластина дважды выскользнула из его пальцев. Макс ругнулся, поднял её из снега, вытер о рукав. Илья стоял спиной к двери и смотрел на двор. Из будки охраны падал прямоугольник жёлтого света. За мутным стеклом двигалась тень. Сторож не спал. Сердце ударило сильнее. Воздуха сразу стало мало. Илья расстегнул верхнюю кнопку куртки, хотя мороз полез за воротник.

— Быстрее, — поторопил Илья.

— Не помогай, — буркнул Макс.

— Я не помогаю. Я предупреждаю, что нас сейчас поймают, — ответил Илья.

В замке тихо щёлкнуло. Макс замер, не веря собственным рукам.

— Открыто, — шепнул Макс.

Они проскользнули внутрь и медленно прикрыли дверь.

Школа встретила их теплом, темнотой и запахом хлорки. После улицы воздух показался тяжёлым. В коридоре горели только аварийные лампы — зелёные указатели выходов отбрасывали на стены болезненный свет. Где-то в глубине здания работал холодильник столовой: компрессор включался, гудел несколько секунд и стихал.

Илья снял перчатку. Ладонь была мокрой.

Они двинулись вдоль стены, обходя центральный холл. Подошвы скользили по натёртому линолеуму. Знакомые стенды выглядели чужими: портреты отличников превратились в бледные прямоугольники, грамоты блестели под стеклом, как зубы.

На лестнице Макс остановился. Внизу, у двери архива, горела тонкая полоска голубого света.

— Там кто-то есть, — прошептал Илья.

Макс покачал головой.

— Это индикаторы. Серверная же.

Они спустились. Дверь оказалась заперта, но ключ торчал в замке с внешней стороны. Илья увидел его и почувствовал, как желудок медленно сжался.

— Это слишком просто, — шепнул Илья.

— Может, завхоз забыл, — предположил Макс.

— Или нас ждут, — возразил Илья.

Макс положил пальцы на ключ.

— Назад ещё не поздно, — тихо произнёс он.

Илья слышал собственное дыхание. Слышал, как за стеной щёлкает реле. Слышал далёкое гудение котельной и шорох веток по окну. Перед глазами снова возник брат — не мёртвый, а живой, стоящий у кухонной двери и говорящий: *«Не лезь. Всё равно ничего не докажешь»*. Илья повернул ключ. Замок открылся с сухим металлическим хрустом.

Из серверной пахло пылью, нагретым пластиком и сырой бумагой. Они вошли внутрь. Синие и зелёные огоньки мигали в дальнем углу. Вдоль стен громоздились старые мониторы, системные блоки, сломанные принтеры и серые архивные папки. На полу лежали спутанные

кабели. Между двумя стеллажами стояли новые белые коробки с красной надписью «Комус» — совсем обычные, чистые, почти нарядные среди этой пыли.

Макс прикрыл дверь и включил фонарик на телефоне.

— Вот они, — сказал он.

Илья не ответил. На крышке верхней коробки лежал яркий лоскут ткани с крупными алыми розами. Такой же узор был на платке, висевшем дома над фотографией брата. Илья узнал узор не сразу — сначала только сочетание цветов: густой малиновый, чёрный, тёмно-зелёный, тонкие золотистые прожилки. Потом взгляд собрал их в знакомые лепестки, и грудь сдавило так, будто под курткой затянули ремень.

Он протянул руку к ткани, но не коснулся.

— Что? — спросил Макс.

Илья покачал головой.

— Ничего.

Слово прозвучало глухо. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу. Он видел этот рисунок сотни раз: на стене дома, на плечах матери по праздникам, на сувенирных витринах в центре города. Но здесь, под лестницей, среди списанных принтеров и пыльных папок, алые розы выглядели не украшением, а меткой.

Макс поднял лоскут двумя пальцами. Ткань оказалась дорогой, плотной, с гладкой изнанкой. Край был обрезан неровно, будто его торопливо вырвали из большого полотна. Под ним на крышке коробки обнаружилось бурое пятно величиной с монету.

— Кофе? — прошептал Макс.

— Не трогай, — отдёргнул его Илья.

— Я уже трогаю, — буркнул Макс.

— Тогда не размазывай, — огрызнулся Илья.

Макс посветил телефоном ближе. Пятно засохло и потемнело по краям. В центре к нему прилип короткий светлый волос. Они переглянулись. Илья почувствовал, как под кожей живота пробежала мелкая дрожь. В серверной было душно, однако его знобило. Над головой монотонно гудели вентиляторы, выдувая тёплый воздух. В этом гуле легко было представить тихий человеческий голос — чужое дыхание, шёпот за спиной, звук шагов, которых пока ещё не существовало.

Макс снял крышку. Внутри лежали пачки бумаги формата А4.

— Я же говорил, — выдохнул Илья, и сам не понял, чувствует ли облегчение или разочарование.

Макс вынул верхнюю пачку. Под ней была вторая. Потом третья. Он уже хотел поставить всё обратно, но вдруг остановился.

— Подержи.

Илья взял телефон с включённым фонариком. Свет дрожал в его руке и прыгал по стенам. Макс запустил пальцы между пачками, нащупал что-то и потянул. Из коробки вышел плотный прямоугольный свёрток, обмотанный прозрачной плёнкой. Внутри лежал серовато-белый порошок. Несколько секунд они просто смотрели на него. Плёнка тихо потрескивала в пальцах Макса. На её поверхности выступил конденсат от тёплой ладони.

— Это что? — спросил он.

Илья ответил не сразу.

— Не сахар, — тихо произнёс он.

— Может, порошок для принтера? — предположил Макс.

— В плёнке? — усомнился Илья.

— Я пытаюсь найти нормальное объяснение, — буркнул Макс.

— Не ищи, — отрезал Илья.

Макс медленно опустил свёрток на крышку коробки. Его дыхание стало громче. Ноздри раздувались, на верхней губе блестел пот.

— Не трогай лицо, — сказал Илья.

— Что? — переспросил Макс.

— Ты руками это держал. Не трогай глаза и рот, — предупредил Илья.

Макс замер, уже поднеся ладонь к носу.

— Думаешь, наркотики? — шепнул он.

Илья не любил это слово. Оно звучало слишком просто, почти газетно. В нём не было ни того липкого страха, который сейчас полз по позвоночнику, ни тёплой серверной пыли, ни чужого ключа, торчавшего снаружи в замке.

— Думаю, нам надо уходить, — прошептал он.

— Подожди, — ответил Макс.

Макс снова полез в коробку.

— Ты оглох? — разозлился Илья.

— Если здесь один пакет, можно сказать, что мы ошиблись. Если их десять — уже нет, — возразил Макс.

— Кому сказать? Нас сейчас самих посадят за проникновение, — остудил его Илья.

— Хотя бы Ростовой, — тихо произнёс Макс.

Перед внутренним взглядом сразу возникла чёрная кожаная куртка, туго повязанный яркий платок, спокойное лицо женщины, которая не моргала, когда другие начинали кричать. Ростова однажды сказала ему: *«Страх — это не запрет. Это сигнал проверить углы»*. Сейчас углов вокруг было слишком много.

Макс вынул вторую пачку бумаги. Под ней обнаружились ещё два свёртка. Потом ещё один, меньше, завернутый в тёмную плёнку. На нём чёрным маркером стояла буква «С».

— Не вскрывай, — сказал Илья.

— Я не идиот, — огрызнулся Макс.

— Мы ночью залезли в лицей, — напомнил Илья.

— Это не диагноз. Пока, — буркнул Макс.

В соседней коробке лежали упаковки с канцелярскими файлами, старые журналы посещаемости и несколько сломанных клавиатур. Макс быстро перебирал их, стараясь не шуметь, но пластик всё равно шуршал слишком громко. Илья стоял рядом, держал фонарик и каждую секунду ждал, что дверь распахнётся. Он ловил движения периферическим зрением. Световой индикатор мигнул — сердце дёрнулось. Кабель качнулся от их ног — мышцы спины свело. Где-то в трубе прошёл воздух, и Илья резко обернулся, едва не уронив телефон.

— Тихе, — прошептал Макс.

— Это ты здесь роешься! — сдавленно ответил Илья.

— Потому что мы не за макулатурой пришли, — огрызнулся Макс.

Под старой клавиатурой обнаружился прозрачный пластиковый пакет. В нём лежало восемь флешек. Все одинаковые — чёрные, без маркировки, только на боках белой ручкой были написаны цифры: «9Б», «10А», «спортзал», «душ», «крыша», «Степан», «Мороз».

Илья перестал дышать. Макс тоже увидел последнюю надпись.

— Это про тебя? — прошептал Макс.

— Не знаю, — едва слышно ответил Илья.

— Или про брата? — спросил Макс.

Фамилия словно прозвучала вслух. Илья взял флешку. Пластик был тёплым после руки Макса, гладким, дешёвым. На чёрном корпусе белела надпись «Мороз», а рядом стояла короткая царапина. У брата была такая же фамилия. И такая же привычка смотреть в пол, когда Тима проходил мимо. Перед глазами Ильи вспыхнуло воспоминание: кухонный стол, чашка с недопитым чаем, телефон брата экраном вниз. Тогда на запястье у него синел след, похожий

на отпечаток пальцев. Он сказал, что упал на физкультуре. Мать поверила. Илья сделал вид, что тоже.

В серверной воздух стал плотным. Гул вентиляторов усилился, хотя на самом деле не изменился. Илья сжал флешку так сильно, что края впились в ладонь.

— Надо посмотреть, что там, — сказал Макс.

— Здесь нечем, — возразил Илья.

— Ноутбук завхоза, — коротко ответил Макс.

Макс кивнул в сторону двери, ведущей из серверной в соседний кабинет. Она была приоткрыта. За ней темнело небольшое помещение. На столе угадывались силуэт монитора, кружка, стопка бумаг. В окне висели жалюзи, и сквозь щели проходил оранжевый свет уличного фонаря.

— Нет, — сказал Илья.

— Две минуты, — попросил Макс.

— Нет, — повторил Илья.

— Илюх, на флешке твоя фамилия, — напомнил Макс.

— Поэтому нет, — отрезал Илья.

Макс нахмурился:

— Не понял.

— Если там брат, я не буду смотреть это здесь, — жестко произнёс Илья.

Слова вышли резче, чем он хотел. В горле зашипало. Илья положил флешку обратно в пакет, но пальцы не слушались, и она дважды ударилась о другие — тихий сухой стук прозвучал как выстрел. Макс отвёл глаза.

— Ладно.

Он уже начал возвращать вещи в коробку, когда из коридора донёсся металлический лязг. Оба замерли. Кто-то открыл служебную дверь. Сначала послышался сквозняк. Потом тяжёлый шаг. Ещё один. Подошвы медленно прошли по линолеуму и остановились. В темноте за дверью кашлянул мужчина. Илья почувствовал, как кровь мгновенно отхлынула от лица. Кожа на затылке стала холодной, ладони — горячими и мокрыми. Макс выключил фонарик. Серверная погрузилась в полумрак, где остались только мигающие синие индикаторы.

Шаги возобновились. Не торопясь. Сторож шёл по коридору, слегка шаркая правой ногой. Вместе с ним приближался запах дешёвого табака и влажной овчины.

Макс наклонился к самому уху Ильи.

— Через кабинет завхоза, — шепнул он.

Они бесшумно двинулись к внутренней двери. Илья задел бедром стопку старых системных блоков. Верхний корпус качнулся. Он успел поймать его обеими руками, но металлическая боковина всё равно скрипнула. Шаги остановились.

— Кто там? — раздался голос из коридора.

Макс втолкнул Илью в кабинет завхоза. Здесь пахло растворимым кофе, сырыми тряпками и мужским одеколоном. На стене висел календарь текстильного холдинга Гусевых: зимний город, храм, красный платок на снегу. На письменном столе горел спящий монитор. Рядом стояла кружка с надписью «Хозяин всегда прав». Макс рванул к дальней двери. Она не открылась.

— Заперто, — прошептал он.

Илья дёрнул ручку сам. За дверью, вероятно, находилась подсобка или второй выход, но замок не поддался. Он оглянулся. Вернуться в серверную уже было поздно. Под лестницей зажёгся свет. Тонкая жёлтая полоса легла на пол кабинета.

— Выходите, — сказал сторож. — Я всё равно вижу.

Голос у него был не сонный и не испуганный. Спокойный. Почти скучающий. Макс прижался спиной к шкафу. Его грудь быстро поднималась. Он зажал рот ладонью, будто боялся,

что дыхание выдаст их. Илья посмотрел на окно — первый этаж, но снаружи стояла решётка. На столе лежали ножницы, степлер, тяжёлый дырокол. Ни один предмет не казался полезным. В углу у двери стоял красный огнетушитель.

Сторож вошёл в серверную.

— Я вам по-хорошему говорю, — продолжил он. — Вышли оба. Руки показали. Тогда, может, без полиции обойдёмся.

Илья услышал, как мужчина переставляет коробки. Потом наступила короткая тишина.

— Вот, значит, куда полезли, — произнёс сторож уже другим голосом. В нём исчезла скука. Макс посмотрел на Илью. Теперь оба поняли: охранник увидел вскрытые коробки.

— Бежим на него, — прошептал Макс.

— Он шире двери, — остудил его Илья.

— Тогда что? — сдавленно спросил Макс.

Илья смотрел на огнетушитель. Красный баллон стоял на металлической подставке, опутанный тонкой цепочкой. На его боках блестела свежая краска. До него было два шага.

— Выходите! — рявкнул сторож.

Дверь в кабинет резко распахнулась. В проёме появился коренастый мужчина в чёрной форме ЧОПа. Расстёгнутая овчинная куртка увеличивала его и без того тяжёлую фигуру. На поясе висели дубинка и связка ключей. Лицо было широким, серым, с набухшими мешками под глазами. От усов пахло сигаретным дымом. Он сразу увидел парней. Потом посмотрел на огнетушитель. Илья понял, что охранник тоже всё понял.

— Стоять, щенки, — загудел охранник, заступая проход.

Мужчина шагнул внутрь и вытянул руку к Максy. Тот отшатнулся. Шкаф дрогнул, сверху посыпались папки. Охранник схватил его за ворот куртки и рванул к себе. Макс захрипел, ударился плечом о дверной косяк. Его лицо мгновенно побелело.

— Отпусти его! — крикнул Илья.

Сторож повернул голову.

— Ты следующий.

Илья сорвал огнетушитель с подставки. Цепочка натянулась. Металл лязгнул. Охранник бросил Макса и двинулся к Илье — не быстро, уверенно, как человек, привыкший, что под-
ростки отступают сами.

— Поставил на место.

Илья держал баллон обеими руками. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Пальцы скользили по гладкому металлу. Локти дрожали. В голове не было ни плана, ни мысли, только тесный кабинет, широкое тело в дверях и брат, который когда-то тоже, возможно, стоял загнанный в угол. Охранник сделал ещё шаг.

— Последний раз говорю.

Он протянул руку. Илья качнулся назад, перенося вес на правую ногу. Баллон потянул плечи вниз. Сторож увидел нерешительность и усмехнулся.

— Вот и умница.

В этот момент Макс толкнул его сбоку. Не сильно. Но мужчина потерял равновесие и развернулся к нему. Илья ударил. Он не размахивался широко — места не было. Поднял огнетушитель от груди и коротко толкнул металлическим дном вперёд. Удар пришёлся охраннику в висок, ближе к уху. Раздался глухой звук — не киношный треск, не звон, а тяжёлый влажный стук. Сторож замер. Его глаза расширились. Рот открылся, но вместо крика вышел воз-
дух. Колени подломились не сразу: сначала мужчина ухватился за край стола, смял календарь, потянул на себя монитор. Потом опустился на одно колено и завалился боком между стулом и дверью. Монитор упал следом и ударился о пол. Экран вспыхнул белым светом. На секунду кабинет осветился целиком: разбросанные папки, кружка, цветы на календаре, лицо охранника, по виску которого медленно стекала тёмная полоса.

Илья выпустил огнетушитель. Баллон ударился о линолеум и прокатился к стене.

— Ты его убил, — прошептал Макс.

Илья смотрел на тело. Грудь сторожа двигалась. Слабо, но двигалась.

— Живой, — прошептал он.

— Откуда ты знаешь? — сдавленно спросил Макс.

— Дышит, — ответил Илья.

Макс присел, но Илья схватил его за плечо:

— Не трогай.

Из коридора донёлся короткий электронный писк. На поясе охранника ожила рация.

— Первый, ответьте, — произнёс далёкий голос. — У вас всё нормально?

Парни замерли. Рация снова зашипела:

— Первый, приём.

Макс посмотрел на дверь.

— Уходим, — шепнул он.

Они переступили через охранника и бросились в серверную. Коробки остались раскрытыми. Свёртки лежали на крышке. Пакет с флешками торчал из пачки журналов. Макс протянул к нему руку. Илья ударил его по запястью.

— Не брать, — отрезал он.

— Там доказательства! — возразил Макс.

— И наши отпечатки. Если поймут с этим — скажут, что принесли мы, — остудил его Илья.

— А без этого нам никто не поверит! — злился Макс.

— Ростова поверит, — ответил Илья.

— Ты уверен? — тихо спросил Макс.

Илья не был уверен ни в чём. Но рация за спиной снова ожила, и времени на спор не осталось. Они вылетели в коридор.

Служебная дверь находилась в двадцати метрах, но путь до неё показался бесконечным. Свет аварийных ламп плыл перед глазами. Макс первым добежал до выхода, дёрнул ручку. Заперто.

— Ключ! — выдохнул он.

Илья оглянулся на кабинет завхоза. Связка осталась на поясе охранника. За стеной тот застонал. Потом послышался скрежет стула — он приходил в себя.

— Назад, — сказал Илья.

— Нет.

Макс схватил стоящую у двери пластиковую урну и со всей силы ударил ею по узкому стеклу. Урна отскочила. Стекло покрылось трещинами, но не разбилось. Из серверной донёлся хриплый кашель.

— Ещё раз!

Они взялись за урну вдвоём. Ударили. Стекло лопнуло, осыпавшись наружу. В коридор ворвался морозный воздух. Макс выбил оставшиеся осколки рукавом, полез в проём и вскрикнул — край стекла распорол куртку на спине. Илья подтолкнул его. Потом протиснулся сам, чувствуя, как острые края царапают кожу через одежду. Они рухнули в снег. Сзади хлопнула внутренняя дверь.

— Стоять! — заорал охранник. Голос был уже слабее, но в нём звучала ярость.

Парни вскочили и побежали через школьный двор. Илья не чувствовал ног. Воздух резал лёгкие, сердце колотилось где-то в горле. За спиной звякнула дверь, потом раздался свисток. Они перескочили через низкую часть ограды, провалились в сугроб по колено и выскочили на старую улицу.

Город спал. На углу светилась вывеска круглосуточной пекарни. За стеклом женщина в белом колпаке раскладывала на подносе булочки с корицей. Над крышами чернело небо, на куполах лежал снег, фонари золотили узоры на закрытых витринах. Илья бежал мимо этой красоты, задыхаясь, с металлическим запахом чужой крови в носу.

Они остановились только возле замёрзшей Вохны, под пешеходным мостом. Макс согнулся, упёршись руками в колени. Его вырвало в снег. Илья стоял рядом и смотрел на свои ладони. На правой, возле большого пальца, темнело маленькое бурое пятно. Он не знал, кровь это охранника или ржавчина с огнетушителя. Снег падал на кожу и таял.

— Мы ничего не взяли, — прохрипел Макс, вытирая рот рукавом. — Вообще ничего.

— Правильно, — ответил Илья.

— Они всё уберут, — добавил Макс.

Илья сжал ладонь. Перед глазами стояла чёрная флешка с белой надписью «Мороз».

— Не успеют, — сказал он.

— Почему?

Илья поднял голову. За мостом белел ночной город, тихий и нарядный, как праздничная декорация.

— Утром идём к Ростовой.

До утра Илья почти не спал. Он лежал, не раздеваясь, поверх одеяла и смотрел в потолок. За окном медленно светлело зимнее небо. По стеклу ползли ледяные узоры, похожие на переплетение нитей павлопосадского орнамента. Из кухни доносился негромкий звон посуды — мать собиралась на работу, стараясь не шуметь. Но шум был внутри. Каждый раз, когда Илья закрывал глаза, он видел один и тот же момент: красный огнетушитель, широкое лицо охранника, короткий замах, глухой удар. Не киношный. Настоящий. Он никогда раньше не бил человека предметом. Даже в драках всё ограничивалось толчками, случайными ударами локтем, бегством. А теперь ладонь будто всё ещё чувствовала холодную металлическую ручку огнетушителя.

Я мог его убить.

Мысль приходила снова и снова. Следом возникала другая: *А если бы не ударил?* Тогда перед глазами вставал Макс, зажатый в дверном проёме огромной рукой сторожа. Илья резко сел. Нет. Он не выбирал между добром и злом. Он выбирал между двумя видами страха.

Из кухни выглянула мать.

— Не спал? — спросила она.

— Проснулся, — соврал Илья.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты бледный.

— Контрольная сегодня, — буркнул он.

— Только поэтому?

Илья кивнул. Ложь далась неожиданно легко. Это испугало его сильнее всего.

К восьми утра город уже жил своей обычной жизнью. Автобусы медленно ползли по заснеженным улицам. Возле булочной пахло свежим хлебом и ванилью. На площади дворники аккуратно сметали снег с гранитных плит. Белые стены храмов отражали слабое зимнее солнце. Город выглядел спокойным, будто под его улицами не прятались чужие секреты.

Макс ждал возле лица. Он выглядел хуже, чем ночью — под глазами появились тёмные круги, губы пересохли, на рукаве куртки осталась тонкая прорезь от разбитого стекла.

— Спал? — спросил Илья.

Макс усмехнулся.

— Минут двадцать.

Они молча вошли в лицей. Внутри всё было почти как всегда: ученики снимали куртки, учителя здоровались друг с другом, из столовой тянуло кашей и кофе. Только возле служеб-

ного коридора стояла красно-белая сигнальная лента. Разбитое ночью стекло уже закрыли листом фанеры. Возле него разговаривали двое полицейских и директор Карпов. Карпов говорил слишком эмоционально, активно разводя руками. Сторожа нигде не было. Илья почувствовал, как сердце снова ускорилося.

— Живой, — тихо сказал Макс.

— Почему?

— Если бы умер — здесь было бы человек двадцать.

Илья понимал, что тот прав. Но легче не стало.

Ростову они нашли в бывшем кабинете заместителя директора. Она стояла у окна и читала какие-то документы. Чёрная кожаная куртка была расстёгнута. Яркий павлопосадский платок резко выделялся на фоне строгой одежды, словно кусок живого огня среди серых стен. Она подняла глаза ещё до того, как они постучали.

— Заходите.

Илья переглянулся с Максом.

— Мы не стучали, — пробормотал он.

— Вы собирались, — спокойно ответила она и закрыла папку. — Садитесь.

Никто не сел. Ростова несколько секунд смотрела на обоих. Не торопила. Не задавала вопросов. Эта пауза оказалась тяжелее любого крика.

— Что случилось? — наконец спросила она.

Макс начал первым. Сначала слова путались: он перескакивал с одного события на другое, возвращался назад, сбивался. Ростова ни разу его не перебила. Потом заговорил Илья. И неожиданно понял, что рассказывает совсем иначе. Он вспоминал запах серверной, коробки, лоскут ткани, свёртки, флешки, надпись «Мороз», шаги охранника — каждую мелочь.

Ростова слушала неподвижно. Только один раз уточнила:

— Коробки? — спросила она.

— Белые. «Комус», — ответил Илья.

— Количество? — переспросила Ростова.

— Штук десять. Может, больше, — пояснил Илья.

— Свёртки одинаковые? — уточнила она.

— Почти, — ответил Илья.

— Флешек? — спросила Ростова.

— Восемь, — подсчитал Илья.

— Вы что-нибудь забрали? — спросила она.

— Нет, — ответил Илья.

— Почему? — спросила Ростова.

Макс виновато опустил голову. Ответил Илья:

— Потому что тогда нас задержали бы с ними, — объяснил он.

Ростова впервые слегка кивнула.

— Правильно, — одобрила она.

Макс удивлённо поднял голову.

— Правда? — переспросил он.

— Да, — подтвердила Ростова.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на школьный двор.

— Вы проникли незаконно, — констатировала она.

— Да, — признал Илья.

— Применили насилие, — добавила Ростова.

Илья почувствовал, как желудок снова сжался.

— Да, — прошептал он.

Ростова повернулась.

— Но вы не уничтожили вещественные доказательства и не стали их выносить. Это единственное правильное решение, которое вы могли принять после того, как уже совершили остальные ошибки.

Она застегнула куртку.

— Показывайте, — приказала Ростова.

Через семь минут они стояли возле двери под главной лестницей. Карпов уже был там. Рядом находился заведующий хозяйством — полный мужчина лет пятидесяти с круглым лицом и густыми усами. Возле стены переминался полицейский.

— Елена Сергеевна, — начал директор, — ночью произошло проникновение...

Ростова молча показала удостоверение. Карпов сразу замолчал. Она открыла дверь.

— Все остаются снаружи, — отрезала она.

— Но... — попытался возразить Карпов.

— Снаружи, — повторила Ростова.

В её голосе не было раздражения. Только констатация. Она первой вошла в серверную. Илья и Макс остались в дверях. Внутри всё выглядело почти так же, как ночью. Коробки стояли на месте. Крышка верхней была закрыта. Ростова надела тонкие одноразовые перчатки. Очень спокойно подошла к коробкам, осмотрела их со всех сторон. Потом открыла первую. Пачка бумаги. Вторая. Под ней появился знакомый свёрток. Ростова даже не изменилась в лице. Лишь негромко произнесла:

— Понятые.

Полицейский вошёл внутрь. Следом — завхоз. Тот удивлённо вытаращил глаза.

— Что это такое? — спросил он.

Ростова посмотрела на него.

— Вы мне скажите, — ответила она.

— Первый раз вижу, — заверещал завхоз.

— Это ваше помещение? — уточнила Ростова.

— Да... но... — замялся он.

— Ключи у кого? — спросила она.

— У меня... директора... иногда электрика... — перечислил завхоз.

— Ещё? — допытывалась Ростова.

— Больше ни у кого, — ответил он.

Ростова молча вскрывала коробку за коробкой. В каждой обнаруживались одинаковые плотные свёртки. Потом пакет с флешками. Потом ещё несколько упаковок. Завхоз всё сильнее бледнел.

— Это не моё...

— Пока никто не сказал, что ваше, — спокойно ответила Ростова.

Карпов нервно поправил очки.

— Возможно... кто-то подбросил... — пробормотал он.

Ростова перевела взгляд на него.

— В помещение с ограниченным доступом? — спросила она.

Директор не ответил.

Через полчаса серверная уже перестала быть обычной школьной кладовой. На полу лежали пронумерованные пакеты. Полицейский составлял протокол. Каждый найденный свёрток фотографировали отдельно. Ростова лично следила за упаковкой вещественных доказательств. Она двигалась без суеты. Каждое действие было выверено. Каждая подпись появлялась только после проверки. Илья впервые видел человека, который работал так, словно заранее просчитывал несколько следующих ходов. Завхоз всё повторял одну и ту же фразу: «Не понимаю... не понимаю...»

Ростова наконец закрыла последний пакет.

— Понимать будете позже, — ответила она.

Она сняла перчатки.

— Все обнаруженные вещества направляются в областную химическую лабораторию, — добавила Ростова.

Карпов облегчённо выдохнул.

— Значит, теперь... — начал он.

— Теперь — ничего, — отрезала Ростова.

Он не понял.

— В смысле? — спросил Карпов.

Ростова посмотрела на него долгим взглядом.

— Здесь есть неизвестное вещество. Есть помещение. Есть коробки. Но нет человека, который их сюда принёс. Нет момента передачи. Нет распространителя. Нет цепочки хранения. Нет владельца, — перечислила она.

Она кивнула в сторону коробок.

— Любой адвокат скажет, что их могли положить сегодня ночью, — произнесла она.

Илья почувствовал разочарование.

— Но ведь... — начал он.

Ростова повернулась к нему.

— Именно поэтому уголовные дела выигрываются доказательствами, а не догадками, — отрезала она.

Она подошла ближе. Говорила уже только для него и Макса.

— Сегодня вы подтвердили, что здесь существует склад. Это важно. Но склад — ещё не организация сбыта. Мне нужен человек. Тот, кто принимает. Передаёт. Получает деньги. Или отдаёт товар. Вот тогда система начнёт рушиться.

Она ненадолго замолчала.

— Гусев слишком осторожен. Он никогда не будет держать подобное в собственных руках. Значит, нужно найти того, кто делает грязную работу вместо него.

Макс спросил:

— А флешки? — уточнил он.

Ростова посмотрела на пакет.

— Их изучат специалисты, — ответила она.

— Там может быть... — начал было Илья и тут же осёкся.

Она поняла без продолжения.

— Может, — лаконично подтвердила Ростова.

Несколько секунд они молчали. Ростова взяла пакет с флешками.

— Если на них действительно записи систематической травли... некоторые люди в этом лицее очень пожалеют, что вовремя не выключили камеры, — жестко добавила она.

Она направилась к выходу. У самой двери остановилась. Не оборачиваясь, сказала:

— И ещё.

Парни подняли головы.

— Больше никогда не пытайтесь проводить подобные операции самостоятельно, — предупредила Ростова.

Макс тихо усмехнулся:

— Потому что нас могут поймать? — переспросил он.

Ростова отрицательно покачала головой.

— Потому что в следующий раз человек, который выйдет из темноты, может оказаться быстрее вас, — отрезала она.

Она вышла в коридор. За окнами продолжал медленно падать снег. По школьным коридорам уже звенел звонок на первый урок. Ученики спешили в классы, не подозревая, что всего

в нескольких метрах от них только что исчез целый тайник, существовавший, возможно, многие месяцы. Но Илья понимал другое. Сегодня они нашли не конец истории. Они только приподняли крышку над тем, что долгие годы пряталось под красивой, ухоженной поверхностью лица и всего города. И запах сырой бумаги, нагретого пластика и пыльных коробок ещё долго не уходил из его памяти.

К вечеру снег стал мелким и злым. Он уже не падал мягкими хлопьями, как днём, а летел почти горизонтально, бил в щёки сухой крупой и с тихим шуршанием сбивался по каменным парапетам пешеходного моста через Вохну. Река внизу казалась чёрной только там, где течение не успело схватиться льдом; всё остальное пространство затянуло мутной белизной, испосованной серыми, витиеватыми трещинами.

По берегам стояли старые купеческие дома. Новоделные фонари бросали на наст золотые овалы, над заснеженными крышами поднимались белые колокольни, и город, если смотреть издали, выглядел именно таким, каким его печатали на коробках с павловопосадскими платками и туристических открытках: тёплым, тихим, безупречно благочестивым. Пахло сизым дымом из печных труб, сладким горячим тестом из пекарни у перекрёстка и сырой ледяной водой, которая просачивалась наружу через незамерзающие промоины.

Илья шёл рядом с Максом и всё время ловил себя на том, что считает шаги между фонарными столбами. Двадцать восемь до первого. Тридцать один до второго. Двадцать девять до середины моста. Будто эти исчисляемые расстояния могли удержать накренившийся мир в порядке, если измерять его достаточно точно.

Макс говорил что-то о флешках. Уже минут пять говорил, не останавливаясь, перескакивая с одного сбивчивого предположения на другое, но Илья слышал не сами слова, а то, как у друга стучат зубы. И далеко не от холода. Макс то прятал руки в глубокие карманы, то вытаскивал их обратно, нервно потирая большим пальцем посветлевшие костяшки. После ночного проникновения он стал оглядываться намного чаще, хотя всё ещё старался делать это незаметно. Поворачивал голову якобы к витрине, якобы на проходящий автобус, а сам глазами судорожно выхватывал отражения в тёмных окнах, чернеющие арки и занесённые машины у обочины.

— Они могли всё стереть, — произнёс Макс, сглатывая. — Пока эксперты туда добрались, эти флешки могли быть уже пустыми. Или с какими-нибудь дурацкими роликами. Ты понимаешь? Мы видели надписи, но не само содержимое. — Ростова сказала, что посмотрят. — Ростова много чего говорит с таким видом, будто уже знает ответ наперёд. — Может, и знает. Макс фыркнул, но в этом звуке не было его обычной язвительной насмешки. — Она не бог. — Я этого не говорил. — Ты так смотришь. Илья повернул к нему голову: — Как? — Как будто она пришла, и теперь всё автоматически будет по правилам.

Снежная крупа залетела Макс за широкий воротник. Он дёрнул плечом, пригнул голову и глухо ругнулся. На правой щеке у него всё ещё темнела тонкая царапина от разбитого стекла служебной двери. За день она подсохла, вокруг выступила розовая припухлость. Илья смотрел на этот порез и невольно вспоминал охранника, оседающего на пол между столом и косяком, тёмную плотную полосу на его виске и собственные занемевшие руки на металлическом баллоне огнетушителя.

Воспоминание не приходило целиком. Оно било короткими, ослепляющими вспышками: тяжесть в ладонях, вырывающийся из открытого рта пар, влажный, тупой звук удара. Иногда Илье казалось, что он всё ещё физически чувствует этот звук, отдающийся отдачей в локтях.

— Правил нет, — сказал Илья. — Есть только люди, которые делают вид, что они существуют. — Вот. Наконец-то ты начал хоть что-то понимать.

В этот же самый момент Елена Ростова сидела в машине на краю старой фабричной территории. Чёрный внедорожник стоял между глухим кирпичным корпусом и сугробом, в который дорожная техника за неделю свалила серую тяжёлую массу снега. Снаружи машину почти

не было видно: боковую поверхность забрызгало солёной жижей, лобовое стекло пересекали тонкие дорожки талой воды, капот постепенно припорошивало новой крупой. За кирпичной стеной гудела трансформаторная будка. Этот низкий электрический звук проникал в салон сквозь уплотнители дверей, смешивался с редким потрескиванием остывающего металла и делал тишину не пустой, а настороженной.

В машине пахло кожей, кофе без сахара и влажной шерстью. Яркий платок Ростова сняла и бросила на пассажирское сиденье. На чёрном фоне горели крупные красные цветы, будто ткань впитала в себя весь цвет, которого не осталось в зимнем городе. Кожаная куртка поскрипывала всякий раз, когда она меняла положение плеч. Правую ногу Елена держала вытянутой, левую согнула и упёрла пяткой в коврик. После старой травмы колено начинало ныть раньше перемены погоды. Сегодня оно ныло с полудня.

Планшет лежал на руле. Экран делился на несколько окон. В одном медленно сменялись изображения с городских камер: перекрёсток у площади, въезд на мост, узкая улица возле лицея, парковка у торгового центра, пустой участок набережной. В другом окне двигались цветные точки. Каждая имела номер, краткую подпись и тонкий след маршрута за последние часы.

Точка Тимура Гусева находилась дома. Слишком демонстративно. Телефон лежал в особняке на окраине, подключённый к домашней сети. Сам Тима мог сидеть рядом с ним, а мог задействовать чужие руки. В таких семьях грязь редко переносили самостоятельно. Для этого существовали люди, которых приглашали через задний вход и называли по имени только тогда, когда нужно было отдать приказ.

Ростова провела пальцем по экрану. Три маячка, которые интересовали её с вечера, держались в районе старого рынка. Номера принадлежали людям, не имевшим формального отношения ни к лицу, ни к Гусевым. Первый — Андрей Суровцев, кличка Сурий, два срока, один условный, последние полгода числился грузчиком в компании, входившей в структуру текстильного холдинга. Второй — Артём Бледнов, драки, вымогательство, прекращённое дело по примирению сторон. Третий — Николай Пряхин, водитель без постоянного места работы, зато с постоянным местом возле складов Гусева-старшего. Трое взрослых мужчин не собирались поздним вечером возле рынка ради свежих овощей.

Ростова увеличила карту. Их точки переместились к Вохонской улице, потом разделились. Один пошёл к реке с севера, двое — со стороны центра. Маршруты не пересекались, но сходились в одном месте. На карте появились синие точки «Лавров М.» и «Морозов И.». Они приближались к Вохне. Точки Суровцева и Бледнова заходили на мост с разных сторон. Пряхин перекрывал южный выход. Треугольник. Простой, грубый, надёжный.

В наушнике щёлкнуло. — Второй канал, — сказал мужской голос. — Машина Гусева-младшего на месте. Движения нет. Ростова нажала кнопку на гарнитуре. — Визуальный контакт с домом? — Только фасад и ворота. Окна второго этажа горят. — Это не контакт. Это архитектура. На другом конце помолчали. Дежурный из областного центра не обиделся — за последние три дня научился различать, когда Ростова саркастична, а когда просто экономит слова. — Дополнительная камера на переулке недоступна, — сказал он. — Технические работы. — Конечно. — Что-нибудь ещё? — Подними последние исходящие Суровцева. — Основание прежнее? — Основание не стареет за три часа. — Принял. Связь оборвалась.

Елена положила ладонь на руль. Кожа под пальцами остыла. Она несколько секунд смотрела на свои руки. На правом указательном пальце, возле ногтя, оставалась тонкая белая линия — след старого пореза. Такие отметины тело хранило лучше памяти. В памяти события слипались, меняли освещение, переставляли лица. Шрамы не спорили. Они просто оставались.

После обнаружения тайника в лицее Тима должен был ответить. Не обязательно сразу. Не обязательно внутри школы. В здании теперь стояли камеры, дежурил областной следователь, Ростова лично проверяла служебные помещения. Карпов боялся даже закрыть дверь кабинета,

не сообщив, куда идёт. Коридоры стали слишком тесными для мести. Значит, месть вынесут наружу. Не Илью. Пока нет. Илья был связан с погибшим братом, а это делало его заметным, почти символическим. С ним Тима, скорее всего, захотел бы работать лично или хотя бы оставить собственную подпись. Макс подходил лучше: живой, резкий, глупо смелый, тот самый, кто полез в коробки руками. Его можно избить, напугать, выставить случайной жертвой. Через него можно передать сообщение всем остальным.

Ростова переключила окно и открыла камеру на мосту. Картинка зернилась от снега. Настил переходили двое подростков. И тут же навстречу им и сзади вышли фигуры бандитов.

На мосту Макс попытался усмехнуться, но его взгляд неожиданно ушёл куда-то за плечо Ильи. Тот не сразу обернулся. Сначала почувствовал острую перемену рядом — в это время на мосту Макс резко перестал двигать руками, сбился с шага, втянул голову в плечи. Потом сзади донёсся тяжёлый, вёдливый скрип подошв по плотному насту. Шёл не один человек. Несколько.

На дальнем конце моста, прямо под фонарём, стояли трое. Они не прятались. Это было хуже всего. Один курил, заслоняя огонёк зябнувшей ладонью. Второй сидел на низком металлическом ограждении, широко расставив ноги в грубых ботинках. Третий медленно вышел на самую середину прохода. Всем им было явно за двадцать. Не школьники. На них не просматривалось ни одинаковых курток, ни знаков какой-либо банды, но держались они как люди, привыкшие безраздельно занимать всё пространство вокруг себя.

У того, что вышел вперёд, ворот короткого пуховика оставался растёгнутым, несмотря на крепчавший мороз. Под ним виднелась чёрная толстовка и толстая золотая цепочка. На шее темнели старые, расплывшиеся под кожей татуировки. Он ступал неторопливо, чуть разворачивая левую стопу наружу — не хромал, просто когда-то, вероятно, у него неправильно срослась кость.

Илья оглянулся назад. Со стороны города на мост поднялись ещё двое. Один — высокий, в белой спортивной куртке, другой ниже ростом, с вязаной шапкой, натянутой до самых бровей. Они шли не спеша, перекрывая собой почти всю ширину прохода. За их спинами тепло светила пекарня. В окне женщина в белом фартуке ровно ставила на поднос коричневые булочки, и это её движение — спокойное, уютное, абсолютно домашнее — показалось Илье чем-то диким и оскорбительным.

— Не беги, — прошептал он. — Я и не собирался, — сказал Макс слишком быстро, фальшиво. — Телефон достань. — Они увидят. — Они уже увидели нас.

Макс полез в карман, но человек с золотой цепью на шее лениво поднял палец. — Не надо, молодой. Голос у него был мягкий, с лёгкой поволокой, почти дружелюбный. Так мог говорить опытный продавец, предлагающий дорогую вещь без малейшей скидки. Макс замер с рукой в кармане. — Мы вас знаем? — Я тебя знаю. Мужчина подошёл ближе. От него резко пахло табаком, морозом и сладким дешёвым одеколоном. На подбородке лежала неровная тень щетины. Правое веко чуть подрагивало. — Максим Лавров, — произнёс он, словно зачитывал данные из анкеты. — Шестнадцать лет. Лицей. Любишь ночью по чужим помещениям лазить. У Макса под нижней губой едва заметно дрогнула мышца.

— Вы ошиблись, — ответил Макс.

— Конечно. Я вообще всё время ошибаюсь.

Кутивший позади него сигарету засмеялся, заходясь короткой одышкой. Он бросил сигарету в снег и с нажимом растёр её носком.

Илья почувствовал, как его тело начинает готовиться к драке раньше, чем голова успевает выстроить хоть какой-то план. В животе всё сжалось и опустело. Дыхание подступило к самым ключицам. Пальцы внутри перчаток леденели, хотя ладони моментально вспотели. Мост сузился до размеров мышеловки. Осталась только чистая дистанция до первого — метра три, может, чуть меньше; чугунное ограждение справа — по пояс; слева снег утопан хуже;

двое сзади — в семи шагах. Если рвануть в сторону берега, высокий успеет перехватить Макса. Если толкнуть первого в перила, остальные мгновенно навалются сверху. Если кричать... в пекарне, возможно, услышат. А возможно, там просто громко играет музыка. Или женщина в фартуке просто закроет жалюзи.

— Мы уходим, — ровно сказал Илья. Человек с цепью перевёл на него взгляд, словно только сейчас зафиксировал его присутствие.

— А ты брат того самого. Внутри у Ильи всё замерло. Мужчина чуть склонил голову, безропотно разглядывая его. Его взгляд прошёл по лицу, задержался на глазах, на плотно сжатых губах — будто сравнивал с качественной фотографией.

— Похож, — резюмировал он. — Только тот тише был.

Макс сделал шаг вперёд, заслоняя его: — Не трогайте его.

Мужчина усмехнулся: — Я его и не трогаю.

Он действительно даже не подходил. Просто перенёс вес тела на переднюю ногу, и Илья лишь уловил, как под пуховиком мгновенно натянулась ткань на плече. Удар пришёлся Максиму точно в живот. Короткий, сухой, без малейшего замаха. Воздух вылетел из него сразу, с резким хрипом. Макс согнулся пополам, обеими руками прижал пробитый пресс и сделал невольный шаг назад, но мужчина уже крепко сгрёб его за капюшон и рванул вниз. Колени Макса с глухим стуком ударились о наст. Звук получился тупым, древесным.

Илья рванулся к нему. Слева в плечо врезалось что-то тяжёлое. Он не увидел самого движения — только почувствовал, как мир качнулся, фонари размазались в воздухе золотыми полосами, а спина с силой впечаталась в металлический парапет. Железо отозвалось ледяной болью даже через плотную куртку. Во рту сразу разлился металлический вкус крови — от удара он глубоко прикусил щёку.

Высокий в белом пуховике уже стоял вплотную. Лицо у него было совсем молодое, почти мальчишеское, усыпанное прыщами вдоль челюсти. Он намертво прижал Илью предплечьем к перилам и прошипел над самым ухом:

— Стой спокойно. Не твоя смена, — прошипел он.

— Отпусти! — вырвалось у Ильи.

— Не дёргайся, кому говорю, — приказал тот.

Илья попробовал снизу ударить коленом, но высокий умело развернул бедро, принял движение на кость и ещё сильнее надавил на грудь. Металл забора впился между лопаток. Дышать стало нечем.

Макс на снегу пытался подняться. Человек с цепью держал его за мокрые волосы. — Ты что там искал? — спросил он с ленивым любопытством. Макс молчал, задыхаясь. Удар носком грубого ботинка пришёлся прямо под рёбра. Тело Макса беспомощно сложилось набок. Он закашлялся, пытаясь втянуть хоть немного воздуха, но следующий вдох оборвался, когда второй мужчина — тот, что курил, — от души ударил его сапогом по спине. Без ярости, без эмоций. Рабочим, привычным движением, будто вбивал застрявшую доску.

— Что искал? — повторил главарь.

— Ничего... — вытолкнул Макс.

— Неправильный ответ. Он медленно опустился перед ним на корточки. Его колени сухо хрустнули под плотной тканью брюк. Илья услышал этот звук отчётливо, почти интимно. Мужчина взялся за подбородок Макса и поднял его лицо к свету фонаря. Из носа парня уже густо текла кровь, яркая и чужеродная на белом снегу. Капля повисла над верхней губой, смешалась с влагой от частого дыхания.

— Тима просил передать, — произнёс мужчина прямо в лицо Максиму, — школа закончилась. Теперь уроки будут проходить на улице. Макс, собрав последние силы, сплюнул кровью ему на ботинок. На секунду на мосту всё застыло. Даже Илья перестал биться в чужих руках.

Главарь опустил взгляд на тёмное влажное пятно на коже ботинка, медленно выпрямился и аккуратно вытер носок о чистый снег.

— Это ты зря.

Он хлестко ударил Макса в лицо открытой ладонью. Голова парня дёрнулась, щекой он тяжело упал на наст. Следом прилетел второй удар — кулаком, снизу, в скулу. Макс вскрикнул — коротко, сухо, почти удивлённо.

Илья рванулся с такой силой, что высокий на мгновение потерял равновесие. Давление в груди исчезло. Илья развернулся, наотмашь ударил локтем назад и попал во что-то мягкое. Высокий сочно выругался. Илья успел сделать два судорожных шага к Макс, но мужчина в шапке перехватил его поперёк груди. Тяжёлая рука словно ломом легла под горло. От нападавшего резко пахло мокрой шерстью, потом и чесноком.

— Пусти! — Илья вцепился в его рукав, попытался вывернуть кисть, но хватка только сильнее затянулась.

— Смотри, — прошептал мужчина ему прямо в ухо, — тебе это будет полезно.

Главарь снова поднял Макса за измазанный воротник. Тот уже почти не держался на ногах. Левая рука висела плетью, губа была глубоко рассечена, снег на коленях потемнел от талой воды и грязи. — Ты ведь понимаешь, за что? — спросил главарь. Макс поднял голову. Один глаз у него уже стремительно заплывал синяком. — За то, что ваш Тима... сам ссыт прийти?

Лёгкая улыбка мгновенно исчезла с лица мужчины. Он не стал бить сразу. И это короткое ожидание оказалось страшнее самих ударов. Он неторопливо посмотрел по сторонам — на пустой, вымерший мост, на светлые окна пекарни, на покрытые инеем перила — словно подбирал идеальное место, чтобы поставить окончательную точку.

Потом крепко взялся за куртку Макса двумя руками и повёл его к краю. Не потащил волоком, а именно повёл — медленно, почти заботливо, заставляя парня переставлять неслушающиеся ноги. Илья понял всё раньше, чем сам Макс.

— Нет! — вырвалось у него из груди.

Он с силой ударил затылком мужчину в шапку. Тот ругнулся, хватка на горле ослабла. Илья выкрутился, но высокий снова настиг его, цапнув за плечо. Илья развернулся и вслепую ткнул пальцами ему в лицо, нащупал незащищённый глаз, услышал дикий крик. Его наконец отпустили.

Илья бросился вперёд. До Макса оставалось буквально три шага. Главарь уже жёстко прижал его спиной к ограждению. За металлическими прутьями, далеко внизу, простиралась белая гладь реки. Макс отчаянно вцепился в перила обеими руками, но заиндевшие пальцы беспомощно скользили по металлу.

— Илья! — выкрикнул он. В этом выкрике не было просьбы о помощи. Только внезапное, ослепляющее понимание того, что сейчас произойдёт.

Илья прыгнул, вытянув руки вперёд. Кто-то с размаху ударил его сбоку. Мост резко качнулся и ушёл вверх. Илья рухнул на колени, ладони сорвались по насту, кожа под перчатками обожглась холодом. Перед глазами мелькнули чужие ботинки, тёмная подошва, снег, яркие красные капли.

Главарь силовым движением оторвал одну руку Макса от перил. Потом вторую. И толкнул. Куртка Макса на секунду зацепилась за верхнюю перекладину. Ткань натянулась, затрещала. Илья успел увидеть его лицо — смертельно белое, искажённое, с широко раскрытым, неммым ртом. Затем капюшон соскочил, и тело перевернулось через чугунный край.

Лёд встретил тело Макса тяжёлым, глухим ударом. На мгновение показалось, что он выдержит — белая поверхность лишь прогнулась, а под ногами побежали тонкие паутинные трещины. Но затем что-то глубоко под настом хрустнуло — длинно, протяжно, как ломающе-

еся сухое дерево. Трещины мгновенно распахнулись, и белое стекло зимней Вохны раскрылось чёрной пастью.

Макс ухнул вниз, но погрузился не полностью. Его затянуло по грудь, однако сильное течение не смогло утащить его под плотный ледяной панцирь — плотная ткань куртки и ремень рюкзака намертво зацепились за скрытую под водой корягу или затопленную арматуру старой сваи. Макс барахтался в тёмной полынье, отчаянно хватаясь за края промоины, но обледенелые края крошились под руками. Выломаться из ледяного плена самостоятельно он уже не мог.

На экране планшета в машине Ростовой камера зависла на долю секунды. Когда картинка восстановилась, маячок Макса сдвинулся к краю и ушёл ниже уровня настила. Елена завела двигатель. Мотор ожил тяжёлым низким рыком, корпус машины дрогнул. Печка сразу погнала в салон холодный воздух, подняла с пассажирского сиденья край платка. Красные цветы шевельнулись, словно от дыхания.

— Центр, — сказала Ростова, вступая в канал связи. — Нападение на мосту через Вохну. Пять фигурантов, двое несовершеннолетних. — Поднимайте ближайший наряд и скорую, — приказала Ростова.

— ППС уже в двух кварталах, — ответил голос из рации.

— Кто экипаж? — спросила она.

Ответ последовал не сразу:

— Семьдесят третий, — отчеканил голос. — Лазарев, Минин.

Пальцы Ростовой сильнее сжали руль. Лазарев был замечен в укрывательстве людей Гусева. Она видела его фамилию в материалах дважды. Один раз — в деле о нападении возле клуба, где свидетели внезапно отказались от показаний. Второй — в протоколе задержания сына директора склада Гусева, отпущенного через сорок минут «за отсутствием состава». Случайности любили одни и те же фамилии.

— Не полагаться на них, — отрезала она, — направьте второй экипаж.

— Ближайший будет через девять минут.

— За девять минут в ледяной воде умирают.

Она вывела внедорожник из-за сугроба. Заднее колесо сорвалось на каше из соли и снега, внедорожник качнуло боком. Елена не стала давить тормоз. Поймала занос рулём, выровняла корпус и сразу прибавила. Фары выхватили кирпичную стену, мусорный контейнер, узкий выезд. За воротами шла пустая улица.

Планшет закрепился на центральной панели. Ростова нажала на вызов Макса. Один гудок. Второй. Третий. Ответа не было. Она переключилась на Илью. Телефон соединился, но вместо голоса в динамике прозвучали шорох, тяжёлое дыхание и чей-то крик. Потом связь оборвалась.

Внутри Елены не поднялась паника. Паника была роскошью человека, который может позволить себе остановиться. Всё, что происходило с телом, складывалось в другое: зрение сузилось до дороги, плечи стали тяжёлыми, дыхание выровнялось до короткого ритма. Мир очистился от лишнего.

Перекрёсток. Двор. Поворот к реке. Она знала город не по туристическим картам, а по слепым зонам. Где камера смотрит слишком высоко. Где проезд перекрыт бетонным блоком, но внедорожник пройдёт по тротуару. Где зимой не чистят выезд. Где патруль обычно стоит, чтобы видеть площадь, но не видеть рынок. Красивые фасады ничего не значили. Настоящий город жил в служебных проходах, подвалах, складских воротах и номерах телефонов, которые звонили друг другу перед тем, как исчезал протокол.

На Советской улице загорелся красный. Ростова не сбросила скорость. Слева приближался автобус. Водитель увидел внедорожник, ударил по тормозам. Тяжёлый корпус качнулся, под колёсами взвыла снежная каша. В салоне к окнам метнулись лица. Елена прошла перекрёсток в полуметре от бампера автобуса.

В наушнике заговорил центр: — Семьдесят третий прибыл. Докладывает: группа молодых людей, конфликт завершён.

— Макс где? Пауза.

— Уточняют.

На планшете точка Макса исчезла. Не отключилась. Не разрядилась. Сместилась вниз относительно карты, потеряла точность и начала мигать возле русла. Телефон оказался ниже уровня моста. Ростова почувствовала, как старый шрам под левым ребром будто стянул кожу.

— Он в воде, — сказала она, — по камере не видно.

— Камера смотрит на настил. Маяк ушёл под отметку берега.

— Елена Сергеевна, данные врут.

— Она отключила канал.

До Вохны оставалось меньше километра. Впереди медленно полз легковой автомобиль. Ростова вышла на встречную полосу, обошла его у самой снежной бровки и вернулась перед поворотом. Внедорожник подбросило на ледяной колее. Планшет дрогнул в креплении, на мгновение карта размылась. Синий сигнал Макса вспыхнул снова. Теперь он двигался вдоль течения. Медленно. Слишком медленно для человека на мосту. Слишком быстро для потерянного телефона на льду. Елена нажала газ до упора.

Двигатель взревел, и город бросился навстречу — белые стены, золотые фонари, цветочные вывески, тёмные арки, следы шин на снегу. Всё красивое распалось на полосы света. Осталась только река впереди и мигающая точка на экране, которую течение уносило под лёд.

В этот же момент с улицы за мостом донёсся нарастающий вой полицейской сирены.

— Шухер! Валим! — гаркнул главарь. Пятёрка нападавших не стала ждать ни секунды. Услышав звук проблесковых маяков и убедившись, что парень в воде, они бросились врассыпную, мгновенно растворяясь в сумерках и уходя с моста в сторону тёмных дворов за пекарней.

Илья перелетел через низкое ограждение моста машинально. Колени упёрлись в заснеженный откос, он съехал вниз, хватаясь за сухую траву, и, не раздумывая, бросился по насту на животе.

— Держись! Я сейчас!

Снег набивался под рукава, обжигал грудь, но Илья видел перед собой только бледное, искажённое лицо друга. Вцепившись в мокрый воротник Макса, он налёг всем телом назад, сдирая локти о ледяную корку. С треском рвущейся ткани они оба вывалились из полыньи на безопасный, плотный снег прибрежной полосы. Макс упал на бок, судорожно выплёвывая воду и со свистом втягивая лёгкими ледяной воздух.

На мосту, взвизгнув тормозами, замерла сине-белая машина ППС. Из неё неторопливо вышли двое сотрудников. Илья, задыхаясь от холода и помогая дрожащему Максиму подняться по откосу, выбрался на настил: — Там банда! Они только что сбросили его в реку и побежали во дворы! Усатый полицейский лениво посмотрел на тёмный переулок, потом на мокрого, кашляющего Макса и спокойно поправил шапку:

— Не видим никого. Сам провалился, получается. Заявление принимать не будем. Илья онемел от этого цинизма.

Но в этот момент из-за поворота на дикой скорости вылетел чёрный внедорожник Ростовой. Машина замерла у самого бордюра, закрипев тормозами. Елена выскочила из салона, с ходу оценив обстановку: мокрый, синеющий Макс, Илья рядом, и вдалеке — пять фигур, которые быстро уходили в тёмные дворы за пекарней.

Ростова не стала задавать вопросов. Она подскочила, на ходу распахнула заднюю дверь внедорожника, где уже жарила печка:

— Макса — в машину! Грейте его! Быстро! — рывкнула она Илье, не тратя секунды.

— Куда рванули?!

— Во дворы за пекарней! — выдохнул Илья, заталкивая дрожащего Макса на заднее сиденье. Тот, не сопротивляясь, рухнул на тёплые сиденья, и Илья набросил на его плечи сухой плотный плед. Захлопнув дверь, Илья оставил друга в тепле.

Ростова, убедившись, что Макс в безопасности, даже не стала садиться за руль. Налегке она метнулась прямо через сугроб, срезая угол вдоль высокого кирпичного забора. Бандиты не успели далеко уйти — их задержали дворы, штaketник и собственная самоуверенность. Уже через две минуты во дворах раздался короткий глухой удар и вскрик. Елена настигла Суровцева в узком переулке. Одним коротким, профессиональным движением она впечатала главаря лицом в заледеневшую землю, жёстко зафиксировав сустав. Остальные, ошарашенные, просто попятились и подняли руки.

Ещё через пару минут Ростова за шкирку приволокла скулящего главаря обратно к мосту, где стояли неторопливые Лазарев и Минин. Следом, под её конвоем, смиренно шли двое подельников. Среди них был и высокий парень в белой куртке, который, увидав, как Ростова скрутила Суровцева, передумал сопротивляться.

— Фигурант задержан, — голос Ростовой резал морозный воздух, как ланцет.

— А теперь вы оформляете групповое нападение и покушение на убийство. Или прямо отсюда вы поедете в областное управление как соучастники. Усатый полицейский побледнел и тут же достал из подсумка стальные браслеты.

В этот момент со стороны города, разгоняя снежную крупу мигалками, подъехала карета скорой помощи. Она замерла у самого бордюра, и из неё выскочили двое фельдшеров с красными сумками. Один из полицейских, тот, что помоложе, виновато кивнул в сторону кареты — это он всё-таки вызвал скорую, когда Ростова уже бросилась за бандитами.

— Где пострадавший? — спросил фельдшер, оглядываясь по сторонам. Илья, стоявший у внедорожника, распахнул заднюю дверь.

— Он в салоне машины, — сказал Илья, указывая на Макса.

Макс сидел на сиденье, поджав ноги, укутанный пледом. Его всё ещё била крупная дрожь, волосы смерзлись тонкими прядями, на ресницах блестели льдинки. Фельдшеры быстро склонились к нему, разворачивая термоодеяло, и начали осмотр прямо в салоне внедорожника: измеряли давление, слушали дыхание.

Ростова, передав задержанного полицейским, подошла к медикам:

— Он упал в ледяную воду. Был там минуты две-три. Дышит самостоятельно, но сильно замёрз. Проверьте лёгкие. Фельдшер кивнул, продолжая слушать дыхание Макса через стетоскоп:

— Хрипов нет, дыхание чистое. Но переохлаждение серьёзное. Нужно в больницу, на прогревание.

— Забирайте, — коротко сказала Ростова.

— Но я поеду следом. Мне нужно, чтобы он дал показания.

Макс поднял голову. Губы у него уже начали розоветь, но взгляд всё ещё был мутным.

— Я... я могу сейчас, — выдавил он.

— Не надо в больницу...

— Не спорь, — сказала Ростова, и в голосе её не было ни капли сомнения.

— В больнице быстрее согреешься. Я приеду через час.

Она повернулась к Илье. Тот стоял рядом, мокрый до нитки, с разбитыми локтями и ссадинами на руках.

— Ты тоже к врачам, — приказала Ростова.

— Сейчас.

— Я в порядке, — попытался возразить Илья.

— Это не обсуждается.

Фельдшеры бережно помогли Максу пересесть из внедорожника в карету скорой, перекутав его в специальное термоодеяло. Илья посмотрел на друга, потом на Ростову и молча кивнул. Он подошёл к карете и сел на откидное сиденье рядом с Максом. Двери хлопнули. Сине-белая машина с проблесковыми маяками тронулась с места и, разгоняя снежную крупу, уехала в сторону больницы.

На мосту остались Ростова, полицейские и трое задержанных бандитов. Лазарев и Минин, наконец, взялись за оформление протокола. Ростова стояла в стороне, глядя на заснеженный мост, на реку, которая уже снова затягивалась тонкой ледяной плёнкой, и молчала.

— Елена Сергеевна, — окликнул её Лазарев, — мы всё оформим. Вы можете ехать. Она не ответила. Достала из кармана телефон, набрала номер.

— Второй экипаж, — сказала она в трубку, — задержаны трое по делу о нападении на несовершеннолетнего. Мост через Вохну. Принимайте.

Она убрала телефон и неторопливо пошла к внедорожнику. Снег скрипел под её ботинками. Мощные фары разрезали зимнюю мглу, и город, притихший и нарядный, снова казался пряничной открыткой. Ростова села за руль и завела двигатель. В салоне было жарко, печка работала на полную мощность, на пассажирском сиденье лежал её яркий павловопосадский платок.

Внедорожник плавно тронулся с места и растворился в снежной пелене, оставляя позади мост, полицейских, задержанных и тишину, которая медленно возвращалась над замёрзшей рекой. Ростова смотрела на зимнюю дорогу и думала о том, что этот город с его белыми храмами и узорами впервые за долгое время переставал принадлежать тем, кто привык считать его своей безнаказанной территорией.

Глава 3. Цифровая ведьма

Утро началось не со звонка будильника, а с вибрации телефона на деревянной тумбе. Аппарат дрожал короткими сериями, медленно сдвигался к краю и каждый раз замирал за несколько миллиметров до падения. Илья лежал с открытыми глазами и слушал, как внутри корпуса глухо бьётся пластик о дерево. За окном ещё не рассвело по-настоящему — снег над двором висел серой пылью, фонарь у подъезда окрашивал его в тусклое золото, и старые ветви яблони, обледеневшие после ночной оттепели, покачивались, постукивая друг о друга тонкими стеклянными пальцами. Из кухни тянуло подгоревшим молоком. Мать включила радио, но убавила звук почти до шёпота; диктор говорил о пробках, осадках и каком-то очередном совещании, словно существовал другой город, где люди занимались обычными делами и не просыпались от ощущения, что кто-то всю ночь стоял у их двери.

Телефон снова задрожал. Илья протянул руку. Пальцы не сразу попали по экрану. Суставы ещё ныли после моста, кожа на костяшках затянулась тонкой блестящей плёнкой, и каждое движение отзывалось неприятным натяжением. На экране висело двадцать семь сообщений. Потом число изменилось на тридцать одно. Почти все пришли из школьного чата.

Он открыл первое видео без звука. Кадр начинался с крупного плана Ростовой. Лицо было искажено движением, рот приоткрыт, глаза сужены. В обычной записи этот момент длился бы долю секунды — она поворачивалась к кому-то за кадром, — но здесь изображение замедлили, усилили контраст, наложили тёмно-красный фильтр. После этого вспыхнул другой фрагмент: кабинет химии, белый дым над столом, чья-то рука, резко отдёргнутая от пробирки, Ростова хватает ученика за запястье. Затем — ринг в школьном спортзале, Тима падает на мат, Ростова стоит над ним. Звук был вырезан и заменён тяжёлым дыханием, криками, глухими ударами. В левом верхнем углу мигала надпись: «ФЕДЕРАЛЬНАЯ САДИСТКА В ЛИЦЕЕ?»

Илья включил звук. Закадровый женский голос был мягким, почти ласковым.

— Мы привыкли доверять школе своих детей. Но что происходит, когда под видом защиты к ним приходит человек, который получает удовольствие от унижения и насилия?

Кадры сменялись быстро. Ростова тянет ученика за плечо. Ростова прижимает кого-то к стене. Ростова поднимает руку — на самом деле указывает на дверь. Ростова говорит что-то директору, но звук заглушён. Под изображением шли субтитры: «Я МОГУ СДЕЛАТЬ С ВАМИ ЧТО УГОДНО». Она этого не говорила. Илья знал. Он стоял тогда в коридоре. Настоящая фраза звучала иначе: «Вы можете сколько угодно угрожать мне связями. Это не изменит протокол». Но монтаж обрезал начало, оставил движение губ, вложил в него другое.

Закадровый голос продолжал:

— По словам очевидцев, неизвестная женщина, называющая себя федеральным корректором, систематически применяет к детям физическую силу, запугивает педагогов и препятствует законным представителям получать информацию.

На экране появилась Алиса. Она сидела перед кольцевой лампой в своей комнате, на фоне белых полок, косметики и гирлянды. Свет делал кожу фарфоровой, глаза — огромными. На ней был кремовый свитер, волосы собраны небрежно, но каждая прядь лежала так, будто её укладывали час. Алиса говорила тихо, с правильными паузами, иногда опускала взгляд, показывая, как трудно ей произносить следующие слова.

— Я долго молчала. Мне было страшно. Всем нам было страшно. Но когда я увидела, как она обращается с моими друзьями, я поняла: если мы сейчас не скажем, завтра на их месте может оказаться любой ребёнок.

На слове «ребёнок» она слегка прижала ладонь к груди. Илья смотрел на экран и видел не девочку, которая боится. Он видел то, как её большой палец незаметно скользит по краю рукава, поправляя ткань перед новым дублем. Видел сухие глаза. Видел отражение второго телефона в стеклянной дверце шкафа. Она не снимала исповедь. Она записывала оружие.

Под видео уже было больше ста тысяч просмотров. Он пролистал комментарии.

«Тварь в форме». «Где прокуратура?» «Почему родители молчат?» «Таких надо судить». «Она точно ненормальная, видно по глазам». Встречались и другие. «Монтаж очевидный». «Покажите полные записи». «А что было до падения мальчика на ринге?» Но эти сообщения быстро тонули. Под ними появлялись одинаковые ответы от разных аккаунтов: «Ты защищаешь насилие над детьми?» Формулировка повторялась слово в слово, иногда с одной и той же ошибкой.

Мать вошла без стука. На ней был старый голубой халат, волосы собраны резинкой. В руке она держала кружку, от которой пахло растворимым кофе.

— Что там? — спросила она.

Илья заблокировал экран:

— Ничего.

— В школе опять что-то? — она посмотрела на него дольше, чем нужно.

— Просто видео, — ответил он.

— Про ту женщину? — уточнила мать.

Он поднял глаза.

— Ты уже видела? — спросил он, подняв глаза.

Мать поставила кружку на подоконник. Кофе плеснулся на край, коричневая капля скользнула по белой эмали и остановилась.

— В родительский чат прислали ночью. Там пишут, что она детей бьёт.

Илья почувствовал, как под рёбрами медленно поднимается что-то тяжёлое. Не злость целиком, не страх, а смесь, от которой хотелось либо кричать, либо замолчать навсегда.

— Это монтаж, — проговорил Илья

— Откуда ты знаешь? — спросила мать.

— Я там был, — ответил Илья.

— На всех кадрах? — уточнила она.

— На главных, — буркнул он.

Мать сжала губы. Её пальцы легли на край подоконника. Ноготь большого пальца был сломан почти до мяса — вчера на работе зацепилась за коробку. Илья смотрел на этот ноготь и понимал, что она не спорит с ним. Она пытается выбрать, чему бояться сильнее: женщине из видео или тому, что сын снова оказался рядом с людьми, способными снять такое видео.

— Светлана Павловна написала, что будет официальное обращение, — добавила она.

— Кто такая Светлана Павловна? — спросил Илья.

— Мать кого-то из старших классов, — ответила мать. — Кажется, Левина. Она в комитете.

Илья вспомнил Артёма Левина — высокий парень из одиннадцатого, всегда в дорогом пальто, с привычкой поправлять часы перед тем, как сказать гадость. На ринге он стоял рядом с Тимой и смеялся, когда Макс кашлял после удара.

— Она не просто мать, — сказал он.

— Все матери просто матери, когда дело касается детей, — ответила мать.

Илья посмотрел на неё. Хотел спросить: даже если их дети ломают чужих? Даже если они годами знали? Но слова не вышли. Он вдруг понял, что мать сейчас не сможет их услышать. Между ними уже стояло видео Алисы — яркое, гладкое, уверенное. Оно пришло раньше объяснений и успело занять всё пространство.

— Ты пойдёшь в школу? — спросила она.

Между ними уже стояло видео Алисы — яркое, гладкое, уверенное. Оно пришло раньше объяснений и успело занять всё пространство.

— Да, — ответил Илья.

— Может, не сегодня? — тихо спросила мать.

— Именно сегодня, — отчеканил он.

Он поднялся. Колено отозвалось тупой болью. Перед глазами на секунду мелькнул мост, чёрная вода, лицо Макса подо льдом. Потом изображение сменилось кадром из ролика: Ростова над Тимой, будто палач над жертвой. Так это работало. Не нужно менять прошлое целиком. Достаточно вырезать из него причину.

К лицу он подошёл в половине девятого. Город уже проснулся. На площади звонили колокола. Звук шёл сверху, широкий, чистый, скользил по крышам и белым стенам, смешивался с шорохом шин по снежной каше. Возле пекарни стояла очередь, дверь открывалась и выпускала наружу густой запах корицы, горячего теста и ванили. Женщина в ярком павлопосадском платке держала бумажный пакет, из которого поднимался пар. Рядом мужчина в дорожной дублёнке говорил по телефону, прижимая аппарат к уху плечом и одновременно снимал происходящее у лица.

Перед главным входом собралась толпа. Человек сто двадцать, может, больше. Родители, несколько журналистов, блогеры с телефонами на стабилизаторах, пожилые женщины, которых Илья никогда не видел возле школы. Кто-то держал распечатанные плакаты: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ НАШИХ ДЕТЕЙ», «ШКОЛА — НЕ ПОЛИГОН», «ОТОЗВАТЬ МАНДАТ». Бумага быстро мокла от снега, чёрные буквы расплывались, но люди не опускали плакаты. За ограждением лица стояли полицейские. Те же тёмные куртки, те же лица, которые вчера у Вохны не заметили пятерых взрослых мужчин.

Илья остановился у края толпы. Гул голосов давил сильнее колоколов.

— Она сломала ребёнку руку! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Не сломала, там ушиб был, — возразила стоящая рядом женщина.

— Вы её защищаете? — тут же набросился на неё мужской голос.

— Я говорю, что справку видела! — ответила она.

— А вы вообще мать? — вмешался ещё один голос.

— Да что вы себе позволяете?! — возмутилась женщина.

Каждая реплика порождала новую. Люди не слушали друг друга, только ждали, когда появится щель, чтобы вставить собственный страх. Телефоны поднимались над головами, экраны светились одинаковыми кадрами ролика Алисы.

У ворот стояла Светлана Павловна Левина. Илья сразу понял, что это она. Женщина лет сорока пяти, высокая, в светлом кашемировом пальто и меховой шапке, которая не сминала тщательно уложенные волосы. На шее — платок с крупными бордовыми розами, завязанный свободно, почти по-купечески. Лицо ухоженное, неподвижное. Даже снег, казалось, не решался таять на её ресницах. Она держала папку с прозрачными файлами и говорила в камеру местного телеканала.

— Мы, родители, не против дисциплины. Мы за законность. Но нельзя под видом эксперимента превращать наших детей в объекты физического и психологического воздействия.

Репортёр, молодой парень с красным носом, кивнул.

— Вы требуете отзыва федерального специалиста?

— Мы требуем немедленного приостановления её полномочий до завершения независимой проверки, — ответила она.

— Кто должен провести проверку? — уточнил репортёр.

Светлана Павловна чуть улыбнулась.

— Разумеется, Минпросвещения и Генеральная прокуратура. Те структуры, которые, насколько нам известно, и направили госпожу Ростову. Мы уже готовим коллективное обращение.

Она говорила «госпожу» так, будто слово пахло плесенью. Рядом стоял мужчина в сером пальто — отец одного из учеников, владелец сети аптек. Он держал термос и время от времени подливал Светлане Павловне чай в маленький металлический стакан. Она брала его, не глядя, делала один глоток и возвращала. В этом движении была отработанная привычка: другие держат, подают, записывают, она формулирует.

Илья заметил Алису чуть в стороне. Она стояла под прозрачным зонтом, в белой куртке, рядом с двумя парнями из школьного медиацентра. Один следил за прямым эфиром, другой поправлял микрофон на её воротнике. На лице Алисы лежало выражение тихой скорби. Она принимала сочувственные прикосновения, кивала, иногда прикрывала глаза, будто воспоминания причиняли ей физическую боль.

Тима находился за стеклом второго этажа. Всего на секунду. Он стоял в коридоре, положив ладонь на подоконник, и смотрел вниз. Свет отражался в окне, прятал половину лица. Но Илья увидел улыбку. Короткую. Беззвучную. Тима не выходил к митингу. Ему не нужно было. За него говорили взрослые, камеры, плакаты, мать Левина, Алиса. Сам он оставался внутри, чистый, недостижимый, как хозяин дома, наблюдающий из окна, хорошо ли работают нанятые люди.

— Илья.

Ростова стояла за его плечом. Он не услышал, как она подошла. Чёрная кожаная куртка была застёгнута до горла, яркий платок туго охватывал шею. Красные и золотые цветы на чёрном фоне резко выделялись среди снега. На волосах лежали мелкие белые крупинки, но она не стряхивала их. В правой руке держала бумажный стакан с кофе, в левой — телефон.

— Вы видели видео? — спросил Илья.

Ростова стояла за его плечом. Он не услышал, как она подошла. Чёрная кожаная куртка была застёгнута до горла, яркий платок туго охватывал шею. Красные и золотые цветы на чёрном фоне резко выделялись среди снега. На волосах лежали мелкие белые крупинки, но она не стряхивала их. В правой руке держала бумажный стакан с кофе, в левой — телефон.

— Два раза, — ответила она.

— И? — спросил он.

Она посмотрела на экран Алисы, где та в прямом эфире говорила о «травмированных учениках».

— Монтаж сделан неплохо, — произнесла Ростова. — Звук слабый. Цветокоррекция дешёвая.

Илья повернул голову:

— Это всё?

— Нет, — ответила она. — Автор использовал фрагменты с трёх камер. Одна запись внутри лица. Доступ к ней был у администрации и подрядчика охранной системы. Вторая — телефон ученика. Третья — камера спортзала, которая официально не архивирует звук.

— Значит, кто-то дал им записи, — сказал Илья.

— Не кто-то, — возразила Ростова. — Несколько человек.

Она говорила спокойно, будто обсуждала отчёт о погоде. Но Илья заметил, как большой палец её левой руки медленно прошёл по краю чехла телефона. Один раз. Вторым. Внутри она уже раскладывала всё на фигурантов, доступы, звонки, маршруты файлов.

— Вас хотят убить, — сказал он.

— Хотеть не запрещено, — ответила Ростова.

— Они собрали столько людей, — заметил Илья.

— Люди любят собираться, когда им дают простую причину не думать, — ровным голосом произнесла она.

Светлана Павловна увидела Ростову. Её лицо едва изменилось, только подбородок поднялся чуть выше.

— Вот она! — крикнул кто-то.

Толпа качнулась. Телефоны повернулись одновременно. Ростова не отступила и не ускорила шаг. Она передала Илье стакан с кофе.

— Подержи, — сказала она, передав Илье стакан с кофе.

Толпа качнулась. Телефоны повернулись одновременно. Ростова не отступила и не ускорила шаг.

— Зачем? — спросил Илья.

— Чтобы не вылить на родительский комитет, — ответила она. — Они сочтут это химической атакой.

Она пошла к воротам. Илья остался с её кофе в руке. Стакан был горячим, почти обжигал ладонь. Запах крепкой арабики смешивался с корицей из пекарни, морозом и человеческим потом под зимней одеждой.

Светлана Павловна вышла вперёд.

— Елена Сергеевна, полагаю, вы понимаете, почему мы здесь, — произнесла она.

— Вы здесь потому, что вам назначили время и дали плакаты, — ответила Ростова.

По толпе прошёл шум. Светлана Павловна сохранила улыбку.

— Я ожидала от вас грубости, — сказала она.

— Тогда рада оправдать ожидания, — парировала Ростова.

— Речь идёт о безопасности детей, — повысила голос Светлана Павловна.

— Впервые за последние годы? — уточнила Ростова.

Улыбка дрогнула.

— Простите? — переспросила Светлана Павловна.

Ростова остановилась в полутора метрах от неё.

— Ваш сын присутствовал при двух подтверждённых эпизодах издевательств над младшими учениками. Один раз снимал происходящее на телефон. Второй раз удерживал дверь раздевалки.

В толпе стало тише. Мужчина с термосом быстро посмотрел на Светлану Павловну.

— Это ложь, — сказала она.

— Это материалы внутренней проверки, — ответила Ростова.

— Которую проводили вы, — парировала Светлана Павловна.

— Нет, — возразила Ростова. — Камеры.

— Те самые камеры, записи с которых вы используете без согласия родителей? — спросила Светлана Павловна.

— Записи, которые вы сегодня используете с монтажом и музыкой? — ответила вопросом на вопрос Ростова.

Репортёр приблизил микрофон. Светлана Павловна заметила и повернулась к нему чуть боком, выбирая выгодный ракурс.

— Мы видим перед собой человека, который вместо ответа на законные вопросы пытается дискредитировать несовершеннолетних, — заявила она.

Ростова посмотрела на её папку.

— Там обращение? — спросила она.

— Да, — ответила Светлана Павловна.

— Покажите, — потребовала Ростова.

Светлана Павловна не ожидала. Она раскрыла папку, вынула несколько листов. Бумага дрожала от ветра. Ростова взяла документ, быстро пробежала глазами первую страницу, перевернула вторую.

— Семьдесят четыре подписи, — произнесла Ростова.

— Уже восемьдесят две, — возразила Светлана Павловна.

— Из них девять принадлежат людям, чьи дети не учатся в лицее, — ровным голосом ответила Ростова.

Светлана Павловна замерла:

— Что?

— Ещё четыре подписи повторяются, — продолжила Ростова. — У гражданина Кузнецова одна фамилия, но три разных почерка. А вот здесь подпись женщины, умершей в прошлом году.

Мужчина с термосом перестал улыбаться. Камеры приблизились.

— Откуда вы... — запнулась Светлана Павловна.

— Реестр родителей у меня есть, — спокойно ответила Ростова и вернула бумаги. — Передавайте в Минпросвещения. Там любят творческий документооборот.

Светлана Павловна прижала папку к груди:

— Вы думаете, ваш мандат позволяет унижать людей?

— Нет, — ответила Ростова. — Он позволяет мне фиксировать подлог.

— Это угроза? — спросила Светлана Павловна.

— Квалификация, — отчеканила Ростова.

Слово упало между ними сухо и точно. Кто-то в толпе выкрикнул:

— А детей бить тоже мандат позволяет?

Ростова повернула голову.

— Кто спрашивает?

Люди расступились не сразу. Вперёд вышел плотный мужчина в кожаной шапке. Илья видел его на родительских собраниях. Отец Дениса Круглова, хозяин автомойки. Денис однажды прижал шестиклассника дверью к батарее и держал, пока тот не перестал кричать.

— Я спрашиваю, — сказал мужчина. — Вы на видео пацана валите.

— На ринге, — спокойно ответила Ростова.

— Какая разница? — отмахнулся он.

— На ринге люди иногда падают.

— Он ребёнок, — повысил голос Круглов.

— Когда бил другого, был взрослым? — парировала она.

Мужчина шагнул ближе, лицо его покраснело.

— Вы язык-то придержите.

Ростова посмотрела на его ноги, потом на руки.

— Правая кисть в кармане. Либо телефон, либо кастет. Достанете — выясним.

Мужчина застыл. Толпа отступила ещё на полшага. Он медленно вынул руку. В ней оказался телефон.

— Вот и хорошо, — сказала Ростова. — Снимайте вертикально. Потом удобнее монтировать.

Илья почувствовал, как внутри у него впервые за утро что-то отпустило. Не облегчение. Скорее короткая щель для воздуха. Ростова не защищалась. Она заставляла каждое обвинение раскрывать владельца.

Из здания вышел Карпов. На нём было тёмное пальто, шарф завязан слишком туго. Лицо блестело, хотя стоял мороз. Он спустился по ступеням и сразу поднял обе ладони.

— Уважаемые родители, прошу сохранять спокойствие. Администрация лицея открыта к диалогу.

Ростова взглянула на него.

— Когда?

Карпов сделал вид, что не услышал.

— Мы понимаем вашу обеспокоенность. Все обстоятельства будут тщательно изучены.

— Кем? — спросила Светлана Павловна.

— Компетентными органами, — ответил он.

— Какими именно? — не отступала она.

— Я не уполномочен... — замялся Карпов.

Ростова усмехнулась.

— Он не знает.

Карпов повернулся к ней.

— Елена Сергеевна, я прошу вас не усугублять.

— Усугубили вы, когда выдали архив камер, — бросила она.

На лице директора исчез цвет. Светлана Павловна сразу уловила движение.

— Что значит «выдали»?

Карпов поправил шарф.

— Никаких записи администрация не выдавала.

— Тогда у вас утечка, — сказала Ростова. — Или вы врёте.

— Это недопустимый тон, — возмутился он.

— Допустимый, — ответила она. — Проверено мандатом.

Телефон в её кармане завибрировал. Она достала его, посмотрела на экран. На лице ничего не изменилось, но Илья заметил, как плечи чуть выпрямились.

— Ланской, — сказала она и приняла вызов.

Толпа продолжала шуметь, однако ближайшие люди невольно замолчали, пытаясь услышать.

— Ростова.

Голос в динамике был тихим, Илья различал только отдельные слова. «Министерство». «Резонанс». «Комитет». «Депутаты». Ростова слушала, глядя поверх голов на окна лицея. На втором этаже Тима всё ещё стоял у стекла. Теперь рядом с ним появилась Алиса, уже без зонта и скорбного выражения. Она что-то сказала ему, оба посмотрели вниз.

— Сколько звонков? — спросила Ростова.

Пауза.

— Понятно.

Ещё пауза.

— Нет.

Ланской говорил дольше. Ростова медленно повернулась к митингу. Её взгляд прошёл по Светлане Павловне, Карпову, полицейским, камерам, Алисе за стеклом.

— Я продолжаю работу.

Голос в трубке стал резче. Она не перебила. Дождалась, пока он закончит.

— Тогда подготовьте письменное распоряжение об отзыве мандата с указанием оснований и фамилии должностного лица, которое берёт на себя ответственность.

Пауза затянулась. Ветер шевелил край её платка.

— Вот именно, — сказала Ростова и отключилась.

Она убрала телефон. Карпов смотрел на неё с надеждой, которая ещё не успела исчезнуть.

— Вас отзывают? — спросил Карпов.

— Нет, — коротко бросила она.

— Но звонок... Шум сверху. Что вы ответили? — растерянно протянул он.

Ростова посмотрела на него.

— Что шум не относится к доказательствам.

Светлана Павловна резко закрыла папку.

— Тогда мы передадим обращение сегодня же, — предупредила она.

— Передавайте, — ответила Ростова.

— И потребуем вашего немедленного отстранения, — добавил Карпов.

— Требуйте, — не отступила она.

— Вы не понимаете серьёзности ситуации, — покачал головой директор.

Ростова сделала шаг ближе. Теперь между ними оставалось меньше метра.

— Я понимаю её лучше вас. Ваш сын боится, что всплывут записи. Вы боитесь, что его фамилия окажется в уголовном деле. Гусев боится потерять контроль. Карпов боится потерять кресло. Полиция боится потерять деньги. Алиса боится потерять аудиторию, если перестанет быть жертвой. Поэтому вы все пришли сюда и назвали страх заботой о детях.

Светлана Павловна побледнела.

— Вы переходите границы, — проговорила она, сжимая пальцы на краю стола.

— Нет, — спокойно возразила Ростова. — Я их обозначаю.

За спиной снова зазвонили колокола. Звук оказался таким мощным, что первые удары заглушили толпу. Белые стены храма за крышами светились в снегу, из пекарни вынесли свежие булочки, и воздух наполнился корицей. На этом фоне лицо Светланы Павловны, её дорогой платок, аккуратные перчатки и мокрые листы с поддельными подписями казались частью одной витрины — красивой, расписной, безупречной снаружи.

Ростова повернулась к воротам.

— Карпов, — обратилась она к директору.

Директор вздрогнул.

— Да? — отозвался он, на шаг отставая.

— Через десять минут в моём кабинете, — бросила она на ходу. — Список лиц с доступом к архиву камер за последние тридцать дней.

— Но сейчас митинг... — попытался возразить директор, оглядываясь на толпу.

— Митинг уже состоялся, — отрезала Ростова.

— Родители требуют...

— Пусть требуют на морозе, — не оборачиваясь, бросила она. — Возможно, у некоторых впервые улучшится кровообращение.

Она пошла к зданию. Толпа снова загудела, но теперь шум изменился. В нём появилось не единство, а трещины. Люди начали спрашивать друг друга о подписях, о камерах, о сыне

Левиной. Кто-то опустил плакат. Мужчина с термосом отошёл в сторону и принял звонок, прикрывая рот ладонью.

Илья всё ещё держал стакан Ростовой. Кофе почти остыл. Она остановилась рядом, забрала его и сделала глоток.

— Почему вы не оправдывались? — спросил он.

— Перед кем? — уточнила она.

— Перед ними.

Ростова посмотрела на толпу:

— Оправдывается тот, кто признаёт чужое право назначать ему вину.

— Но видео увидят все.

— Уже увидели, — ответила она.

— Они поверят.

— Некоторые.

— И что тогда? — продолжил Илья.

Она сжала бумажный стакан. Крышка тихо щёлкнула.

— Тогда узнаем, кто из них предпочитает монтаж фактам, — произнесла Ростова.

Илья посмотрел на окна второго этажа. Тимы там уже не было. Алиса осталась. Она держала телефон и что-то быстро печатала, время от времени поглядывая вниз. Возможно, готовила новый ролик. Возможно, уже меняла подпись под старым.

Информационная война не пахла порохом. Она пахла кофе, корицей, мокрой бумагой и дорогими духами. Не оставляла синяков на лице. Только меняла то, как люди смотрят друг на друга. Вчера Ростова вытащила Макса из ледяной воды. Сегодня половина города видела в ней садистку.

Илья вдруг понял, почему Тима улыбался за стеклом. Ему не нужно было победить Ростову сразу. Достаточно сделать так, чтобы каждый её следующий шаг выглядел преступлением.

Ростова будто слышала эту мысль.

— Внутри, — сказала она, — сейчас начнётся вторая волна.

— Какая? — спросил Илья.

Она посмотрела на телефон. На экране появилось новое уведомление. Алиса уже выложила фрагмент разговора у ворот. Заголовок гласил: «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОРРЕКТОР УГРОЖАЕТ РОДИТЕЛЯМ УГОЛОВНЫМИ ДЕЛАМИ».

Ростова усмехнулась одним уголком рта.

— Предсказуемая.

Она открыла дверь лица. Изнутри пахло тёплой пылью, хлоркой и школьной столовой. Где-то в глубине коридора звенел звонок, дети торопились на уроки, учителя закрывали двери кабинетов. За спиной продолжал шуметь митинг. Звук проникал через стекло глухими толчками, словно снаружи в ворота билось большое слепое животное.

Ростова вошла первой. Илья последовал за ней. Дверь медленно закрылась, отсекая плакаты, камеры и белый снег, но не их голоса.

К вечеру город снова стал похож на открытку, которую кто-то слишком долго держал над свечой. Белые фасады купеческих домов светились под фонарями, снег лежал на наличниках ровными мягкими шапками, над площадью плыл колокольный звон, а возле фитнес-клуба «Платок» пахло кофе, горячим шоколадом и дорогими духами. Название клуба было выведено золотыми буквами над входом, рядом висел стилизованный цветочный узор — алые розы и синие васильки, соединённые в тугой павловопосадский орнамент. Изнутри через стеклянные двери пробивалась музыка, ритмичная и ровная, будто там, за прозрачной стеной, люди жили в отдельном мире, где тело можно было исправить абонементом, а совесть — правильным освещением.

Илья стоял у витрины соседней кофейни и смотрел на отражение входа в тёмном стекле. Прямо наблюдать за дверями было нельзя — слишком заметно. В отражении фигуры расплывались, растягивались, проходили сквозь рекламные буквы. Девушка в длинном пуховике. Мужчина с кожаной сумкой. Две женщины в ярких платках. Курьер с коробом за спиной. Каждое открытие двери сопровождалось коротким выдохом тёплого воздуха и запахом хлорированной воды из бассейна.

Макс стоял рядом, опираясь плечом о стену. После Вохны прошло всего несколько дней, но со стороны он уже выглядел почти обычным. Синяк под глазом пожелтел, рассечённая губа затянулась. Только правая рука иногда сама тянулась к горлу, будто там до сих пор оставалась ледяная вода. Он не замечал этого движения. Илья замечал каждый раз.

— Она уже внутри, — сказал Макс.

— Откуда знаешь? — уточнил Илья.

— Сторис выложила, — ответил Макс и показал экран.

Он показал экран. На фотографии Алиса стояла перед зеркалом в раздевалке, в белом спортивном костюме, с телефоном у лица. Надпись гласила: «Очищаю голову после токсичного дня». В углу мигал значок времени — публикация две минуты назад.

Илья посмотрел на снимок дольше, чем собирался. За спиной Алисы в зеркале отражались деревянные шкафчики, лавка, край фена, розовая бутылка воды. Ещё дальше — девушка в чёрной футболке, наклонившаяся завязать шнурки. Лицо попало в кадр наполовину. Наверное, Алиса даже не заметила. Или заметила и решила, что чужое лицо — часть декорации.

— Телефон при ней, — сказал Илья.

— Пока при ней, — кивнул Макс.

Макс убрал аппарат в карман и растёр ладони. Пальцы оставались красными от холода.

— Мы ещё можем уйти.

Илья не ответил. Он смотрел на золотые буквы над входом и вспоминал школьный двор, плакаты, лицо Светланы Павловны, ролик Алисы, где любой жест Ростовской превращался в доказательство садизма. За сутки видео разошлось по городским пабликам, потом его подхватили областные каналы. Кто-то наложил музыку. Кто-то добавил фотографии других детей. Кто-то написал, что Ростова якобы служила в частной военной компании, хотя это было бессмысленно и ничем не подтверждалось. Ложь росла не потому, что была убедительной. Она росла потому, что людям нравилось передавать её дальше.

Илья представлял информационную войну иначе: серверы, коды, закрытые комнаты, люди в наушниках. На деле она оказалась похожа на эпидемию простуды. Один чихнул — остальные уже заражены, но ещё улыбаются.

— Ростова сказала не лезть самим, — напомнил Макс. — Она сказала не проводить операции без неё.

— Это и есть операция, — возразил Илья.

— Нет. Это проверка, — покачал головой Макс.

— Кража телефона — проверка? — горько усмехнулся Илья.

Илья повернул голову. Макс смотрел на него без привычной усмешки. В желтоватом свете витрины его лицо казалось старше. Под глазами лежали серые тени. После моста он стал говорить тише, но каждое слово будто приобретало дополнительный вес.

— Мы не крадём, — сказал Илья. — Он вернётся к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.